

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные
и общественные науки

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2021

Редакционная коллегия серии

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (главный редактор); *Г. В. Кретилин*, д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (зам. главного редактора); *М. А. Алипкин*, д-р социол. наук, проф., Волгоградский гос. ун-т, Эссекский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; *А. А. Давиденко*, канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; *А. Жуковски*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 6 марта 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Цирит О. А.</i> Вопросы крайней необходимости в преступлении, предусмотренном статьей 199.2 УК РФ	5
<i>Ладенков Н. Е.</i> Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью	12
<i>Варфоломеев Р. А.</i> Особенности фиксации хода и результатов проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего	21

3

История. Исторические науки

<i>Максимов И. П.</i> Попытки реформирования финансовой системы Германской империи в начале XX века	30
<i>Горшков Д. И.</i> «Малые портреты» Луи-Леопольда Буальи и их значение для изучения истории эпохи Первой империи и Реставрации	36
<i>Фостова С. А.</i> Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950—1970-е годы)	49
<i>Мунько А. В.</i> Расовый вопрос в контексте активизации внутрипартийных групп давления в Великобритании 1950—1960 годов	59

Общество и политика

<i>Володькин А. А.</i> Факторы европейской интеграции и геополитического позиционирования в формировании внешней политики государств Балтии в 1991—2014 годах	76
<i>Кривошеев В. В.</i> Организованная преступность в советской России: парадокс институционализации. Часть первая	86

CONTENTS

State and law

<i>Tsirit O. A.</i> The concept of extreme necessity in the crime qualified by Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation	5
<i>Ladenkov N.</i> Models of endowing artificial intelligence with legal personality	12
<i>Varfolomeev R. A.</i> The course and outcomes of testimony verification at the crime scene with the involvement of a minor	21

History. Historical sciences

<i>Maksimov I. P.</i> Attempts to reform the financial system of the German Empire in the early XX century	30
<i>Gorshkov D. I.</i> "Petits portraits" by Louis-Leopold Boilly and their significance for studying the history of the era of the Premier Empire and the Restoration	36
<i>Fostova S. A.</i> Writer Sergei Snegov and the politics of memory in the Kaliningrad region (1950–1970s)	49
<i>Munko A. V.</i> The racial issue in the context of the activation of intraparty pressure groups in Great Britain in the 1950–1960 s	59

Society and politics

<i>Valodzkin A. A.</i> Factors of European Integration and Geopolitical Positioning in Formation of the Baltic states Foreign Policies in 1991–2014	76
<i>Krivosheev V. V.</i> Organized crime in the Soviet Russia: the paradox of institutionalization. Part One.	86

О. А. Цирит

ВОПРОСЫ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 199.2 УК РФ

Исследован актуальный вопрос применения к действиям, содержащим признаки преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, положений о таком обстоятельстве, исключающем преступность деяния, как крайняя необходимость. Проводится анализ точек зрения, высказываемых в науке уголовного права по рассматриваемой проблематике. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, а также метод формально-юридического анализа. Цели работы — выявление существующих пробелов теоретического и практического характера, предложение возможных путей их решения. Отмечена важность внесения дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

In this article, the author examines the actual issue of applying provisions of an extreme necessity to actions containing signs of a crime under Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation on such a circumstance that excludes the criminality of the act. The author analyses a variety of views on the problem under consideration. Methodologically, the study relies on general scientific methods, as well as the method of formal legal analysis. The purpose is to identify existing gaps of a theoretical and practical nature and to propose possible ways to bridge them. The article notes the importance of making amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 26.11.2019 "On the practice of applying Legislation on Liability for Tax crimes by courts".

Ключевые слова: крайняя необходимость, сокрытие денежных средств, предотвращенный вред, уголовная ответственность

Keywords: extreme necessity, concealment of funds, prevented harm, criminal liability

Уплата налогов, сборов и страховых взносов в Российской Федерации является конституционной обязанностью. Налогоплательщики должны уплачивать их своевременно и в полном объеме в бюджеты и внебюджетные фонды различного уровня в размерах и сроки, установленные законодательством. Государственный бюджет Российской Федерации формируется за счет поступлений денежных средств от налогов, таможенных пошлин, акцизов и т.д. Более 40 % всех доходов в бюджете составляют поступления от налогов [8], за счет которых государство обе-

спечивает расходы на социальную политику, национальную оборону, экономику, образование, здравоохранение, культуру, реализацию различных проектов и т. д.

Ущерб от налоговых преступлений в настоящее время превышает расходы федерального бюджета на физическую культуру и спорт, достигая более 10 % расходов на образование и более 40 % расходов на охрану окружающей среды [8]. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что налоговые преступления причиняют ощутимый вред бюджетной системе государства. Непоступление этих средств подрывает стабильность бюджетной системы, нарушает такой принцип рыночной экономики, как добросовестная конкуренция. Следовательно, эффективность использования норм об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов чрезвычайно важна, так как преступления данной категории имеют особую значимость, а борьба с ними является одной из наиболее актуальных задач деятельности правоохранительных институтов.

6

Сама процедура взыскания недоимки в соответствии со ст. 69 Налогового кодекса РФ начинается с извещения налогоплательщика о неуплаченной сумме обязательных платежей. С этого момента у него возникает обязанность по уплате имеющейся недоимки. В случае неисполнения возложенных на налогоплательщика обязанностей данная недоимка взыскивается в соответствии со ст. 46 и 47 Налогового кодекса в принудительном порядке. Уклониться от взыскания недоимки при подобном способе взыскания возможно лишь при совершении активных действий. Например, А., будучи генеральным директором ОАО «Радуга» и достоверно зная о том, что данное акционерное общество имеет задолженность по налогам и страховым взносам в сумме 10 636 523 руб. 73 коп., о наличии требования от МИФНС о взыскании, а также инкассовых поручений, направленных МИФНС, направил в адрес контрагентов распорядительные письма о перечислении денежных средств за поставленные товары на расчетный счет ООО «Галс». Между ОАО «Радуга» и ООО «Галс» были заключены договоры займа денежных средств. По результатам исполнения распорядительных писем контрагенты ООО «Радуга» перевели денежные средства в размере 121 058 164 руб. 40 коп., за счет которых А. должен был и мог осуществить взыскание задолженности. Таким образом, А. совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 199.2 Уголовного кодекса РФ [14]. В приведенном примере А. совершил активные действия, направленные на сокрытие денежных средств и неисполнение возложенной на него обязанности по уплате недоимки. В случае сокрытия имущества данное преступление совершается аналогичным образом. В соответствии со ст. 47 Налогового кодекса РФ имущество будет изыматься судебными приставами на основании постановления руководителя налогового органа.

Анализируя судебную практику, можно выявить еще один способ совершения данного преступления — вывод денег с заблокированных счетов организации. Например, Л., будучи генеральным директором ЗАО, дал заведомо незаконные поручения сотрудникам о составлении решений комиссии по трудовым спорам ЗАО с завышенной фактической задолженностью по заработной плате работников. Вследствие этого де-

нежные средства ЗАО были сняты с расчетного счета, имеющего ограничения в связи с недоимкой по обязательным платежам. Указанную сумму сотрудники внесли в кассу организации. Впоследствии данные денежные средства были израсходованы Л. [16].

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48, сокрытие денежных средств либо имущества от взыскания по недоимке возможно только с прямым умыслом [11]. Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом в том случае, когда лицо осознавало общественную опасность совершаемого деяния, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления [18]. На наш взгляд, при совершении рассматриваемого преступления последствия в виде непоступления денежных средств в бюджеты государства являются неотвратимыми. То есть субъект данного преступления, зная о законных требованиях по уплате недоимки, скрывает денежные средства либо имущество от уплаты, при этом предвидит и возможность, и неизбежность последствий в виде недополученных бюджетом страны денежных средств, а также желает их наступления.

На практике установление умысла, направленного на совершение рассматриваемого преступления, весьма проблематично. Важным критерием является осведомленность субъекта данного преступления о наличии недоимки по обязательным платежам, а также законного требования о ее уплате. В соответствии с ч. 6 ст. 69 Налогового кодекса РФ требование об уплате обязательных платежей может быть передано под расписку, отправлено заказным письмом или передано в электронной форме [9]. Стоит отметить, что в организациях и предприятиях имеется порядок обработки входящей корреспонденции. Так, Дзержинский районный суд г. Оренбурга вынес обвинительный приговор в отношении Г. Он, являясь генеральным директором организации, совершил преступление, предусмотренное ст. 199.2 Уголовного кодекса РФ. Умысел на совершение данного преступления был доказан тем, что он достоверно знал о наличии законных требований об уплате недоимок по обязательным платежам в связи с получением данных требований под расписку, умышленно их игнорировал и добровольно не исполнил обязанность по уплате обязательных платежей в срок [13].

Еще один пример установления умысла на сокрытие денежных средств, подлежащих уплате по недоимке по обязательным платежам, предоставляет обвинительный приговор в отношении П. Он, будучи директором МУП «Саргатское жилищно-коммунальное хозяйство», совершил сокрытие денежных средств, подлежащих уплате по недоимке по обязательным платежам. Умысел П. был доказан показаниями свидетелей, в частности юриста МУП «Саргатское ЖКХ», который показал, что П. достоверно знал о наличии задолженности, а также тем, что П. лично производил расчеты с контрагентами МУП «Саргатское ЖКХ» через расчетный счет ООО «Жилсервис», тем самым осуществляя сокрытие денежных средств, подлежащих уплате по недоимке по обязательным платежам [15].

Л.И. Александрова, говоря об особенностях расследования налоговых преступлений, отмечает, что установление умысла в налоговом преступлении — сложная задача. Правоприменителю, в числе прочего,

надо установить тот факт, что лицо не было введено в заблуждение и не действовало в состоянии крайней необходимости [1, с. 85]. На сегодняшний день вопрос о крайней необходимости в преступлении, предусмотренном ст. 199.2 УК РФ, является дискуссионным. Для подтверждения факта крайней необходимости следует установить наличие угрозы причинения вреда, оценить возможность устранения данной опасности лицом, которое имеет обязанность по уплате налогов, а также возможность устранения данной опасности другим способом, сопоставить размеры возможного предотвращенного и наступившего вреда.

Л.Г. Григорьева указывает, что формально сокрытие денежных средств или иного имущества, за счет которых должно производиться взыскание недоимки по налогам и сборам, может содержать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, но при определенных условиях (например, в связи со сложной социально-экономической ситуацией в регионе) указанное деяние может являться обстоятельством, исключающим его преступность в силу крайней необходимости [6]. Схожей позиции придерживается и ряд других ученых и практиков [7].

Определенную сложность для правоприменения представляет оценка размера возможного предотвращенного вреда. В.В. Бражников приводит следующие варианты предотвращенного вреда при неуплате налогов: банкротство предприятия и как следствие, потеря рабочих мест работниками данного предприятия, срыв отопительного сезона в различных детских учреждениях и др. [3, с. 201]. Он указывает на необходимость тщательно взвешивать и оценивать все обстоятельства совершения обсуждаемого преступления.

Ю.А. Герасина выделяет обстоятельства, при которых, по ее мнению, будет отсутствовать состав рассматриваемого преступления. Например, в случае наличия реальной опасности прекращения деятельности предприятия либо организации, связанных с предоставлением услуг поставки электроэнергии и деятельностью других жизненно важных объектов [5, с. 86].

Д.А. Гарбатович указывает на то, что в случае сокрытия денежных средств от взыскания по недоимке по обязательным платежам с целью сохранения работоспособности предприятия и выплаты заработной платы работникам не будет иметь место крайняя необходимость, если у предприятия была реальная возможность получить займы, поручительство, кредиты, банковские гарантии, а также гарантии органов власти, то есть предотвратить опасность можно было иным способом [4, с. 56].

Стоит отметить, что никто из указанных выше авторов не анализирует ст. 64 Налогового кодекса РФ, предусматривающую возможность получения отсрочки по уплате обязательных платежей. Обстоятельства, позволяющие получить отсрочку, указаны в п. 2 ст. 64 Налогового кодекса РФ. Одним из таких обстоятельств является банкротство предприятия в случае уплаты обязательных платежей [9]. Однако П.С. Яни считает, что ситуация крайней необходимости имеет место тогда, когда причинение ущерба несвоевременной уплатой части налога является обязательным и единственно возможным условием полной уплаты его

в дальнейшем. С его точки зрения, банкротство организации не может расцениваться как вред, который допустимо предотвращать вредоносным способом, поскольку наступление банкротства предусмотрено законодательством [19, с. 45].

Таким образом, мнения авторов весьма противоречивы, как и практика правоприменения. В судебной практике имели место случаи применения к данному составу положений ст. 39 Уголовного кодекса РФ, когда в отношении привлекаемых к уголовной ответственности лиц были постановлены оправдательные приговоры в связи с совершением вмененных им действий в состоянии крайней необходимости. Однако на эти решения судов первой инстанции в апелляционном порядке были принесены апелляционные представления прокурора, в которых приводились доводы о несоответствии выводов суда о нахождении привлекаемых к уголовной ответственности лиц в состоянии крайней необходимости фактическим обстоятельствам дела. Судами апелляционной инстанции оправдательные приговоры были отменены. При новом рассмотрении данных дел факт нахождения подсудимых в состоянии крайней необходимости не был установлен.

Интересна с этой точки зрения позиция Брянского областного суда. П., будучи директором МУП «Тепловые сети», совершил сокрытие денежных средств, подлежащих уплате по недоимке по обязательным платежам. Суд первой инстанции установил факт сокрытия денежных средств от уплаты по недоимке, однако посчитал, что П. совершил данное деяние в состоянии крайней необходимости, поскольку он сокрыл денежные средства не с корыстной целью, а в связи с тяжелым финансово-экономическим состоянием предприятия. Также суд первой инстанции установил, что у предприятия отсутствовала реальная возможность получить на возмездной или безвозмездной основе денежные средства, был получен отказ от налогового органа в предоставлении отсрочки по уплате обязательных платежей. Данные обстоятельства подтверждались показаниями свидетелей. Судом также был учтен тот факт, что в случае бездействия П. могли наступить необратимые тяжкие последствия в виде срыва подготовки, а также начала отопительного сезона. В апелляционном представлении прокурора указывалось на тот факт, что стихийность и неуправляемость обстоятельств, при которых возникла крайняя необходимость, судом не были установлены. Также судом не была указана конкретная денежная сумма необходимых затрат по каждому из видов расходов, вызвавших состояние крайней необходимости. Не был учтен тот факт, что сокрытие денежных средств носило продолжительный характер. В итоге апелляционное представление прокурора было удовлетворено, уголовное дело направлено на новое рассмотрение [2], в результате которого оно было прекращено с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [12].

Учитывая проблемы, возникающие при применении к рассматриваемому составу положений ст. 39 Уголовного кодекса РФ, А. И. Стенькин считает целесообразным дополнить разъяснения высших судебных инстанций некими ориентирами, указывающими на крайнюю необходимость [17]. С. В. Немцев предлагает включить в постановление Пленума ВС РФ

от 26.11.2019 г. № 48 ряд положений, комментирующих формы опасности; обстоятельства, свидетельствующие о наличии либо отсутствии иных средств и способов по устранению грозящей опасности и т. д. [10].

Поддерживая эти предложения, считаем, что все обстоятельства, указывающие на наличие крайней необходимости, предусмотреть невозможно. Вот только некоторые из них:

— у организации отсутствует реальная возможность получить денежные средства на возмездной, либо безвозмездной основе;

— предотвращается реальная угроза нанесения большего вреда общественным отношениям, чем совершение данного деяния;

— организация использовала возможность получения рассрочки по уплате обязательных платежей в соответствии с Налоговым кодексом РФ;

— невозможность оплаты недоимки связана с непродолжительным неконтролируемым финансово-хозяйственным, природным (катаклизмы) процессом.

При этом внести в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48 положения, касающиеся рассматриваемой проблематики, представляется необходимым, поскольку там отсутствуют разъяснения условий крайней необходимости при совершении налоговых преступлений.

Список литературы

1. *Александрова Л. И.* Особенности расследования уклонения от уплаты налогов (по материалам обобщения следственной практики) // Российский следователь. 2018. № 4. С. 85—93.

2. *Апелляционное постановление Брянского областного суда от 13.03.2019 г. по делу № 1-107/2018.* URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.06.2021).

3. *Бражников В. В.* Налоговые преступления: квалификация обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2016. № 1. С. 200—202.

4. *Гарбатович Д. А.* Причинение вреда в состоянии крайней необходимости: алгоритм квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 3. С. 52—58.

5. *Герасина Ю. А.* Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов и страховых взносов // Закон и право. 2019. № 11. С. 85—87.

6. *Григорьева Л. Г.* Ответственность за нарушение налогового законодательства: виды, основания и условия применения // Российская газета. 2017. Вып. 22. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Кикин А. Ю., Яни П. С.* Неуплата налогов преступна // Налоговый вестник. 2000. № 10. С. 151—156.

8. *Краткая информация об исполнении федерального бюджета.* URL: <https://www.minfin.ru/> (дата обращения: 10.03.2020).

9. *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 17.02.2021).* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. *Немцев С. В.* Крайняя необходимость при сокрытии денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов (ст. 199.2 УК РФ) // StudNet : науч.-образовательный журнал для студентов и преподавателей. 2020. № 11. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *О практике* применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *Приговор* Клинецовского городского суда Брянской области от 16.05.2019 г. по делу № 1-107/2018. URL: [https://https://sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 15.06.2021).

13. *Приговор* Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 26.09.2019 г. по делу № 1-424/2019. URL: [https://https://sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 13.05.2020).

14. *Приговор* Саргатского районного суда Омской области от 29.03.2019 г. по делу № 1-5/2019. URL: [https://https://sudact.ru/](https://sudact.ru/) (дата обращения: 15.05.2020).

15. *Приговор* Новопокровского районного суда Краснодарского края от 21.08.2019 г. по делу № 1-111/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

16. *Приговор* Ухтинского городского суда Республики Коми от 14.04.2017 г. по делу № 1-86/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.04.2020).

17. *Стенькин А. И.* Крайняя необходимость в ст. 199.2 УК РФ (сокрытие средств и имущества от взыскания). 2019. URL: <https://zakon.ru/blog/2019/09/25/> (дата обращения: 25.06.2021).

18. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *Яни П. С.* Уголовная ответственность за сокрытие имущества с целью уклонения от взыскания недоимки // Законность. 2020. № 3. С. 45–50.

Об авторе

Ольга Александровна Цирит — канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: olga-39@list.ru

The author

Dr Olga A. Tsirit, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: olga-39@list.ru

МОДЕЛИ НАДЕЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬЮ

Изучены некоторые проблемы, связанные с наделением искусственного интеллекта правосубъектностью. Рассмотрены понятие искусственного интеллекта и его юридически значимые признаки, соотношение искусственного интеллекта и робота. Цель исследования – анализ основных моделей наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Используются сравнительный, аналитический и исторический методы. Показано, что первая модель из выявленных отрицает возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, в ее рамках он рассматривается в качестве не субъекта, а объекта права. Вторая модель сводится к созданию юридической фикции по аналогии с юридическими лицами. Использование данной модели выглядит наиболее обоснованным, так как у искусственного интеллекта и юридических лиц в значительной степени совпадают экономически значимые характеристики; кроме того, данная модель чаще всего применяется для нетипичных субъектов. В рамках третьей модели осуществляется отождествление правосубъектности искусственного интеллекта с человеческой. Однако данная позиция вызывает затруднения идеологического характера. Четвертая модель предлагает наделить искусственный интеллект особой правосубъектностью, однако в доктрине отсутствует точное описание данной модели.

The article discusses some problems related to the legal personality of artificial intelligence. The concept of artificial intelligence and its legally significant features, the ratio of artificial intelligence and robot are investigated. The purpose of the study is to analyze the main models of granting legal personality to artificial intelligence. The following research methods are used: comparative, analytical and historical. Results: The first model denies the possibility of granting artificial intelligence legal personality, within its framework artificial intelligence is not considered as a subject, but is considered as an object of law, which does not take into account the essential features of artificial intelligence. The second model boils down to creating a legal fiction by analogy with legal entities. The use of this model looks the most reasonable, since artificial intelligence and legal entities largely have economically significant characteristics, in addition, this model is most often used for atypical subjects. Within the framework of the third model, the identification of the legal personality of artificial intelligence with human is carried out. However, this position rests on significant ideological problems. The fourth model proposes to endow artificial intelligence with its own special legal personality, but there is no precise description of this model in the doctrine.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, робот, цифровые технологии, электронное лицо, субъект права, нетипичные субъекты

Keywords: artificial intelligence, legal personality, robot, digital technologies, electronic person, subject of law, atypical subjects

Введение

Развитие технологий привело к появлению сущностей, которые действуют внешне самостоятельно. Они начинают играть все более значительную роль во взаимодействиях, прежде всего цифровых, что актуализирует, как никогда прежде, вопрос об их правовом статусе. В частности, возможность наделения их правосубъектностью проявилась в нормах концепции законопроекта 2017 г. о наделении правосубъектностью официально зарегистрированных роботов-агентов (см.: [6]). Несмотря на то что данный законопроект не был принят парламентом к рассмотрению, сам факт его разработки показывает, что вопрос о правосубъектности роботов уже вышел из сугубо теоретических рамок и приобрел практическую актуальность.

Для ответа на вопрос о правосубъектности роботов необходимо определиться с понятием *робот*, уточнить его соотношение с искусственным интеллектом, а также признаки правосубъектности. ГОСТ Р ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения» [4] закрепляет понятие робота («Приводной механизм, программируемый по двум и более осям, имеющий некоторую степень автономности, движущийся внутри своей рабочей среды и выполняющий задачи по предназначению») и определяет виды роботов. Основное внимание в документе сконцентрировано на физических признаках робота. Обратим внимание на то, что физические характеристики робота не влияют на его характеристику как субъекта общественных отношений, а определяют его функциональную роль. Поэтому нам необходимо рассмотреть прежде всего «программную начинку» робота, благодаря которой он и способен действовать. Как раз ее и стоит трактовать в качестве искусственного интеллекта при наличии ряда признаков.

Понятие и признаки искусственного интеллекта

В современной науке выделяют различные виды искусственного интеллекта. Так, он может быть централизованным или децентрализованным, а также направленным на решение частных задач (слабый искусственный интеллект) или широкого спектра задач (сильный искусственный интеллект) [8, с. 43]. Однако независимо от вида искусственного интеллекта набор основных признаков остается неизменным. Среди них необходимо выявить именно юридически значимые признаки. Основная сложность же связана с определением их перечня.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [10] искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Однако в этой дефиниции акцент также сделан не на юридических, а на функциональных признаках.

Таким образом, необходимо доктринальное осмысление юридически значимых признаков искусственного интеллекта.

Сложность заключается в том, что общее понимание искусственного интеллекта пока не сложилось. В современной науке есть несколько основных дефиниций: (1) система, способная выполнять все функции человеческого разума; (2) система, способная выполнять только часть функций человеческого разума; (3) система, способная выполнять недоступные для человеческого разума задачи.

Поскольку нас интересует возможность искусственного интеллекта быть участником правоотношений, такие свойства человеческого разума, как эмоции, чувства и т. п. для нас не имеют значения. Следовательно, первый подход неактуален. А так как пределы возможностей человеческого разума до конца не ясны, третий подход не представляется возможным к использованию.

В рамках второго подхода интересным выглядит определение, данное А. В. Понкиным и А. И. Редькиной: «Искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [11, с. 94]. Авторы приписывают искусственному интеллекту следующие способности: выступать в качестве субъекта, воспринимать большой объем информации, самостоятельно принимать решения и исполнять их на основе предыдущего опыта, адаптироваться к внешней среде, выполнять творческие задачи, а также способности к самосовершенствованию, самообучению, саморазвитию и самосознанию [11, с. 95].

В рамках данного подхода иное заслуживающее внимание определение предложил П. М. Морхат:

Искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система, наделенная/обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий;
- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения;
- самоподдержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска, накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения;
- самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем [8, с. 69].

А. А. Васильев, Д. Шпоппер и М. Х. Матвеева, в свою очередь, сделали попытки обобщить имеющиеся в доктрине позиции и вывести наиболее общие признаки:

- наличие технического устройства (киберфизической системы), способного воспринимать информацию и передавать ее;
- определенная степень автономной работы без человеческого участия (субъектность) при отсутствии жизни такой системы;
- способность к анализу, обобщению информации, выработке интеллектуальных решений на основе изученных данных (мышление), самосознанию;
- способность к обучению, самостоятельному поиску информации и принятию на основе этой информации решений [2, с. 43].

Некоторые исследователи также обоснованно указывают, что специфической чертой искусственного интеллекта является самообучение. Данная черта отличает его от иных компьютерных программ. Таким образом искусственный интеллект способен модифицировать свои алгоритмы при выполнении задач, аналогичных уже решенным, достигая тем самым большей эффективности и открывая новые методы [12].

Помимо доктрины попытки вывести юридически значимые признаки искусственного интеллекта были сделаны и в зарубежном законодательстве. Однако их едва ли можно назвать достаточно успешными. В резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. была указана необходимость выработать общие понятия, связанные с искусственным интеллектом. Впоследствии данное понятие так и не было закреплено. Хотя резолюция не содержала дефиниции, там были отмечены наиболее значимые признаки искусственного интеллекта: автономность; обмен данными; самообучение; минимальная поддержка со стороны человека; адаптация к внешней среде; отсутствие жизни.

Приведенные выше позиции в значительной степени перекликаются между собой. Можно обобщить, что искусственный интеллект должен автономно принимать сравнительно уникальные решения на основе собственного опыта. Г. А. Гаджиев отмечает, что в случае возникновения реальных предпосылок наличия интеллекта у роботов, то есть сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, роботов можно признать квазисубъектами права [3, с. 24]. Сознание и воля объективируются в самостоятельных решениях. За счет самообучения искусственного интеллекта такие решения становятся в значительной степени уникальными. Однако это не дает ответа на вопрос, являются ли такие решения проявлением самостоятельной воли искусственного интеллекта или же это автоматизированная воля иного лица? Данная проблема затрагивалась еще в 1983 г. Маршалом Уилликом, отмечавшим, что по мере развития технологий возможно размытие границ между инструментом (в качестве которого выступает как раз искусственный интеллект) и управляющим им оператором [19]. Развитие современных технологий искусственного интеллекта, особенно в части машинного обучения, во многих случаях уже не позволяет определить искусственный интеллект как безвольный инструмент.

Таким образом, существенными юридическими признаками искусственного интеллекта выступают:

1. Воля, объективируемая в сравнительно уникальных самостоятельных решениях, вырабатываемых на основании собственного приобретенного опыта.

2. Способность вступать в социальные взаимодействия как с себе подобными, так и с людьми путем совершения юридически значимых действий.

3. Автономность от оператора, достигаемая с помощью способности к самоподдержанию в работоспособном состоянии.

4. Отсутствие жизни.

На основании предложенных признаков можно выделять компьютерные программы, являющиеся искусственным интеллектом. Однако они сами по себе не позволяют определить юридическую природу искусственного интеллекта и его место в системе субъектов права.

Модели правосубъектности

Для решения данной проблемы доктрина выработала несколько позиций. Первая из них заключается в том, что искусственный интеллект рассматривается в качестве не субъекта, а объекта. Так, Е. Ф. Евсеев предлагает определять роботов, наделенных искусственным интеллектом в качестве одушевленной вещи, по аналогии с животными так как у тех и других есть своя воля и автономность [5]. Подобный подход использовался в отношении рабов в правовых порядках прошлого. Косвенно данный подход можно подтвердить тем, что все они не могут быть адекватно привлечены к самостоятельной юридической ответственности. Однако, как справедливо отмечают В. В. Архипов и В. Б. Наумов, роботы не являются живыми существами, а следовательно, их ни в коем случае нельзя назвать одушевленными. Тем не менее эти авторы также склоняются к тому, что роботы — это имущество, способное действовать автономно [1]. И действительно, едва ли кто-то поспорит с тем, что одушевленным может быть только живой объект, а машины не отличаются признаками жизни (в их биологической интерпретации). Данная позиция, впрочем, не учитывает возможность искусственного интеллекта развиваться и принимать относительно уникальные решения, действуя тем самым помимо воли оператора. Справедливости ради отметим, что такая же ситуация могла относиться и к рабу в рамках древнеримского государства, и к животному в современном мире. Некоторые государства уже признают правосубъектность за отдельными видами животных — например, Аргентинский суд наделил правами орангутанов, назвав их нечеловеческими личностями и тем самым частично признав их человеческую правосубъектность [13, с. 225]. Таким образом, причисление подобных существ к объектам, а не субъектам права в большей степени определяется экономической целесообразностью, нежели волей.

Вторая позиция сводится к созданию юридической фикции по аналогии с юридическими лицами с той поправкой, что лицо искусственно конструируется в цифровом мире. Как воля юридического лица формируется его учредителями, так и воля искусственного интеллекта формируется его оператором. А. В. Попова отмечает, что искусственный интеллект может по аналогии с юридическими лицами выступать в качестве субъекта права при внесении его в специальный реестр [14]. Но стоит отметить, что юридическое лицо не способно совершать юридически значимые действия непосредственно и самостоятельно, а искусственный

интеллект может, пусть и в электронной форме. Это отличие представляется существенным. Кроме того, некоторые исследователи указывают, что юридические лица существуют для удовлетворения человеческих интересов, а искусственный интеллект — нет. С данным тезисом сложно согласиться, так как последний создается для решения тех или иных задач, изначально поставленных людьми, а следовательно, отвечающих их интересам.

В рамках следующей позиции осуществляется отождествление правосубъектности искусственного интеллекта с человеческой. В этом случае не только затрагиваются юридически значимые аспекты, но и поднимается более глубокий вопрос мировоззренческого порядка: является ли искусственный интеллект личностью, подобной человеку [2, с. 39]. При положительном ответе на него будут распространяться не только правосубъектность, но и естественные права человека. Если исходить из того, что человеческая правосубъектность проистекает из принадлежности к человеческому роду, мы возвращаемся к давнему философскому вопросу, что делает человека человеком. С биологической точки зрения что вполне очевидно, искусственный интеллект не является человеком, представителем вида *Homo sapiens*. С психологической точки зрения нам важны свойства человеческой личности. О юридически значимых свойствах говорилось выше, что же касается остальных, важных для межличностного общения, рассматривать их не представляется необходимым, так как они затрагивают сферы жизни, чаще всего не урегулированные правом. С морально-религиозной точки зрения искусственный интеллект не может иметь таких признаков человека, как душа, чувства, интернациональность, интересы и многие другие [11, с. 96]. Однако подобная аргументация неприменима в правовой сфере, так как отражает представления только отдельных религий или философских направлений, а не интересы всего общества. В современном мире человеческая правосубъектность определяется прежде всего через способность к сложному мышлению и коммуникации [15]. Между тем соответствующие способности напрямую обусловлены процессами, происходящими в мозге человека. Данные процессы еще не до конца изучены, но предполагается, что они могут быть смоделированы на компьютере, а следовательно, выстроены и в цифровой среде. Другими словами, если сознание может быть продуктом нейронов, то почему оно не может быть продуктом транзисторов [17]? В таком случае следует сравнить искусственный интеллект и человека без высшей когнитивной функции. Без сомнения, такой человек будет живым и правосубъектным, но при этом он может явно меньше, чем искусственный интеллект [19].

Сторонники четвертой позиции предлагают наделить искусственный интеллект своей собственной особой моделью правосубъектности, отличной от уже известных юридической науке. С одной стороны, с этим можно согласиться, так как искусственный интеллект существует в цифровой среде — новой для права. Как следствие, существующие теоретические модели правосубъектности не учитывают ее специфику. Но, с другой стороны, в литературе так и не была предложена внятная трактовка данной специфики и отличий такой «особой» правосубъектности

от уже известных. Можно предположить, что появление новой модели правосубъектности будет следствием развития цифровой подсистемы права [7]. И пока она окончательно не сформировалась, невозможно выделить существенные черты будущих цифровых субъектов права. Однако без выявления этих черт создание новой модели правосубъектности выглядит как беспричинное умножение сущностей.

Выводы

Ни одну из обсуждавшихся выше позиций нельзя назвать однозначно верной. На данном этапе технологического развития искусственный интеллект только зарождается, и нельзя с уверенностью спрогнозировать, какое место — помощника или партнера — он займет в жизни человека. Очевидно, что юридический статус будет зависеть от цели, уровня сложности и функциональных возможностей конкретной программы. Представляется, что искусственный интеллект, вступающий в различные экономические взаимодействия с людьми и юридическими лицами, должен обладать какой-либо правосубъектностью. При этом необходимо учитывать, что изменения, в рамках которых признается правосубъектность новых субъектов, как правило, связаны с изменениями культурных и экономических реалий, а не являются результатами какого-либо предварительного планирования [9, с. 281]. У всех вышеперечисленных позиций есть определенные недостатки. Так, определение искусственного интеллекта в качестве объекта права не учитывает его способность действовать самостоятельно, развиваться и принимать относительно уникальные решения, что существенно отличает его от иных объектов права. Отождествление правосубъектности искусственного интеллекта с человеческой опирается в проблемы философского и мировоззренческого характера, которые едва ли будут преодолены в обозримом будущем, так как предлагаемые решения вступают в противоречие с большинством доминирующих религий. Придание искусственному интеллекту новой модели правосубъектности на данный момент не обосновано, так как в научной литературе отсутствуют четкие критерии, по которым можно отличить ее от остальных.

Наиболее обоснованной выглядит позиция, предлагающая распространить модель правосубъектности юридического лица на искусственный интеллект. Стоит обратить внимание на нетипичных субъектов. Некоторые законодатели придали правосубъектность юридическому лицу некоторым «традиционным объектам права». Так, принятый в Новой Зеландии в 2017 г. закон признал статус юридического лица за рекой Уонгануи [18]; в Индии основной священный текст сикхов Гуру Грантх Сахиб получил статус юридического лица [16]. Таким образом, сложившаяся практика приравнивает нетипичных субъектов, к которым относятся и искусственный интеллект, к юридическим лицам в части их правового статуса. Однако обратим внимание, что в случае с рекой и текстом это однозначно юридическая фикция, а не реальная правосубъектность. Тем не менее модель правосубъектности юридического лица для искусственного интеллекта вполне соответствует его природе. Он, как и

юридическое лицо, не существует в материальном мире, он также создается для удовлетворения человеческих интересов (прежде всего, экономических). Кроме того, виды ответственности, применяемые к юридическому лицу, также могут быть применены к искусственному интеллекту в случае законодательного закрепления последнего в качестве субъекта права. В отношении искусственного интеллекта также можно использовать и систему учета по аналогии с юридическими лицами.

Можно предположить, что никакой новой модели правосубъектности не появится, а в случаях, когда искусственный интеллект участвует в обороте, будет осуществляться наделение его правосубъектностью по модели юридического лица, так как от человека, орангутана, дельфина и иных животных его отличает отсутствие жизни с биологической точки зрения.

Список литературы

1. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
2. *Васильев А. А., Шпоннер Д., Матаева М. Х.* Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.
3. *Гаджиев Г. А.* Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30.
4. ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения». М., 2019.
5. *Евсеев Е. Ф.* О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2. С. 16–20.
6. *Залоило М. В., Пашенцев Д. А.* Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Сер. 14: Право. 2019. № 2. С. 196–209.
7. *Ладенков Н. Е.* Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 164–168.
8. *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017.
9. *Морхат П. М.* Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 3. С. 280–283.
10. *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации* : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 11.10.2019. № 41, ст. 5700.
11. *Понкин А. В., Редькина А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. С. 91–109.
12. *Попова А. В.* Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11 (263). С. 14–24.
13. *Саффо П.* Каким будет место человека? Что мы думаем о машинах, которые думают о нас. М., 2017.
14. *Čerka P., Grigienė J., Širbikytė G.* Liability for Damages Caused by Artificial Intelligence // Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31, № 3. P. 376–389.

15. *Hubbard F. P.* «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // *Temple Law Review*. 2011. Vol. 83. P. 405 – 474.

16. *March 29, 2000*, the Supreme Court of India. URL: <https://www.thehindu.com/2000/04/03/stories/01030005.htm> (дата обращения: 21.11.2021).

17. *Solum L. B.* Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. 1992. Vol. 70, № 4. P. 1231 – 1287.

18. *Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017*. URL: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html> (дата обращения: 21.11.2021).

19. *Willick M. S.* Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // *AI Magazine*. 1983. Vol. 4, № 2. P. 5 – 16.

Об авторе

Никита Евгеньевич Ладенков — ст. преп., Международный банковский институт им. Анатолия Собчака; асп., Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Россия.

E-mail: sping92@mail.ru

The author

Nikita S. Ladenkov, Senior Lecturer, International Banking Institute named Anatoliy Sobchak; PhD Student, North-West Institute of Management — RANEPА Branch, Russia.

E-mail: sping92@mail.ru

Р. А. Варфоломеев

**ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ
ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО**

Процесс фиксации проверки показаний на месте зачастую вызывает существенные затруднения ввиду ее комплексной природы и динамичного характера. Более того, существуют определенные особенности при выполнении данной работы в ходе следственного действия с участием несовершеннолетнего. Цели настоящего исследования — выявление основных особенностей, возникающих в ходе фиксации проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего, и разработка рекомендаций по наиболее эффективному осуществлению данного процесса. В результате обоснована целесообразность протоколирования следственного действия. В связи с достаточно частыми ошибками, допускаемыми в описательной части протоколов проверки показаний на месте, даны рекомендации по правильному ее изложению. На основе изучения материалов уголовных дел отмечена порочная практика занесения в протокол поставленных несовершеннолетнему вопросов и данных на них ответов. Обоснована необходимость точной фиксации сообщенной несовершеннолетним информации без использования не свойственных для него в силу возрастных особенностей выражений. Обращено внимание на эффективность дополнительных средств фиксации, при этом рекомендовано применение видеозаписи.

21

The process of testimony verification at the crime scene is often challenging due to its complex and dynamic nature. Moreover, there are certain peculiarities when performing this work during the investigation with the participation of a minor. The purpose of this study is to highlight the main features that arise during the testimony verification at the crime scene with the participation of a minor and to develop the most practical implementation recommendations. The study confirms the value and urgency of the investigation recording. The author also comes up with some recommendations on how to correct mistakes made in the descriptive part of the testimony verification protocols. The examined materials revealed malpractice of not registering the questions the answers posed to the minor in the protocol. The information provided to minors, must be recorded in the language clear to them. Additional means of fixation are shown to be effective, while the use of video recording is recommended. The basic rules for the use of additional fixation means are noted.

Ключевые слова: проверка показаний, следственное действие, криминалистическая тактика, фиксация, несовершеннолетний

Keywords: verification of testimony, investigative action, forensic tactics, fixation, minor

Фиксация проверки показаний на месте — ответственная составляющая деятельности следователя, так как именно она отражает ход и результаты следственного действия. Рассматривая вопросы фиксации хода и результатов любого следственного действия нужно исходить прежде всего из средств, закрепленных законодателем. Анализ Уголовно-процессуального кодекса РФ позволяет выделить разнообразные способы фиксации, основным из которых является протоколирование [1, с. 159]. Под протоколом следственного действия В. В. Долгаев понимает «процессуальный документ, составленный в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом и отражающий обстоятельства, установленные и непосредственно воспринятые уполномоченным лицом в ходе проведения им следственного действия» [2, с. 38]. На наш взгляд, в данном определении дополнительно необходимо отразить тот факт, что замечания могут вноситься в протокол иными участниками следственного действия, а не только уполномоченным лицом. Несмотря на законодательную закрепленность и повсеместную применяемость этого способа, некоторые ученые считают его неэффективным, отдавая предпочтение видеофиксации [3, с. 124]. По нашему мнению, подобная позиция авторов не вполне обоснована. Гораздо удобнее и быстрее воспринимать информацию, зафиксированную в письменном виде. Иначе на изучение собранных по уголовному делу доказательств требовалось бы огромное количество времени, учитывая необходимость неоднократного просмотра продолжительных видеоматериалов. Поэтому протокол должен оставаться основным средством фиксации при применении в качестве дополнительного средства фото- и видеосъемки.

Структура протоколов следственных действий в целом достаточно подробно рассмотрена в ранее опубликованных работах и представляется вводной, описательной и заключительной частями [4, с. 37]. Эмпирической базой настоящего исследования являются результаты изучения 156 уголовных дел, при расследовании которых производилась проверка показаний на месте с участием несовершеннолетних. Эти дела были рассмотрены с 2010 по 2020 г. судами общей юрисдикции, расположенными на территории Республики Башкортостан. Кроме того, было проведено анкетирование 50 следователей МВД по Республике Башкортостан и следственных отделов Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан. Анкеты затрагивали вопросы, связанные с проверкой показаний на месте с участием несовершеннолетних.

В рамках настоящего исследования считаем целесообразным рассмотреть описательную часть в силу того, что ее составление вызывает у правоприменителей определенные затруднения. В содержании описательной части протокола должен быть подробно изложен ход рабочего этапа проверки показаний на месте. Структурно описание начинается с указания отправной точки и порядка передвижения участников следственного действия. Рекомендуется фиксировать подробное описание пути следования по указанию лица, чьи показания проверяются. Так, по уголовному делу, возбужденному по факту совершения в ночное время кражи газированной воды различных марок из холодильника, расположенного возле остановки общественного транспорта, была проведе-

на проверка показаний на месте несовершеннолетнего Т. В протоколе следственного действия отражена точка начала движения группы — двор отдела полиции, отмечено, что передвижение осуществлялось на служебном автомобиле, подробно описаны указания подозреваемого относительно пути следования к месту события. Зафиксировано, что несовершеннолетний указал на киоск, расположенный рядом с остановкой общественного транспорта, около которого необходимо остановиться, и попросил проследовать за ним. В протоколе содержится информация о том, что подросток показал холодильник, из которого было осуществлено хищение, все действия сопровождались пояснениями, даны указания относительно дальнейшего передвижения к месту сокрытия похищенного имущества [5].

Однако в ряде случаев следователи ограничиваются указанием на конкретный адрес, куда проследовала группа, без описания способа и маршрута передвижения или же вовсе начинают описательную часть протокола с пояснений несовершеннолетнего, показания которого проверяются. Так, была проведена проверка показаний на месте несовершеннолетнего И., подозреваемого в покушении на незаконный сбыт наркотических средств. Описательная часть протокола начинается с пояснений несовершеннолетнего о том, что на данном месте он сделал две закладки с наркотическими средствами — в углу гаража под снегом и под деревом в снегу. Далее зафиксирован вопрос следователя «Куда мы приехали и что это за место?», на который подросток фактически повторил содержание изначальных пояснений, но более подробно. При этом в протоколе отмечено от имени следователя, что несовершеннолетний указал места расположения закладок, но не описан порядок указания и признаки этих мест [6]. То есть исходя из содержания процессуального акта остается неясным каким образом участники следственного действия оказались на месте события, каковы были порядок передвижения подозреваемого и расположение оставленных им закладок.

Записывать содержание пояснений (свободного рассказа), демонстрируемых объектов и действий лица, чьи показания проверяются, в криминалистической литературе рекомендуется от третьего лица. При этом ответы на уточняющие вопросы фиксируются от первого [7, с. 222]. Мы полностью поддерживаем подобный порядок фиксации в связи с тем, что описание действий, указаний и пояснений осуществляется комплексно и динамично, фиксация же в вопросно-ответной форме позволяет акцентировать внимание на отдельных деталях исследуемого события. По справедливому замечанию С.В. Матвеева, применительно к несовершеннолетним вопросно-ответная часть имеет большее значение, чем к взрослым участникам уголовного процесса [8, с. 573]. Вызвано это трудностями в самостоятельном изложении относящихся к делу сведений и необходимостью детализации отдельных обстоятельств. Несмотря на это, следователи редко фиксируют в протоколе заданные несовершеннолетним вопросы и полученные ответы, ограничиваясь общим описанием хода следственного действия от третьего лица. В результате проведенного исследования мы выявили лишь 39 % протоколов, содержащих вопросно-ответную часть. При этом 96 % следователей, опрошенных нами в рамках настоящего исследования, заявили о том,

что в ходе проверки показаний на месте активно задавали вопросы несовершеннолетним. Напрашивается вывод, что данные сведения зачастую просто не заносятся в протокол, что является существенным нарушением процесса фиксации.

По верному замечанию О. Ю. Скичко, при фиксации показаний несовершеннолетнего необходимо как можно полнее сохранить его обороты речи, своеобразный лексикон. Использование не свойственных для него выражений и терминов вызывает сомнения в объективности допроса и снижает значение показаний [9]. Замечания автора относительно допроса в равной степени распространяются и на проверку показаний на месте. Однако в результате изучения правоприменительной практики мы выяснили, что данная рекомендация исполняется не всегда. Так, в ходе расследования кражи велосипеда была проведена проверка показаний на месте несовершеннолетнего С. Анализ протокола следственного действия позволяет говорить о том, что подросток описывает обстоятельства совершенного преступления последовательно, корректно и достаточно подробно. При этом в протоколе нет ни единого вопроса следователя. Указанный факт вызывает большие сомнения относительно правильности и достоверности фиксации пояснений несовершеннолетнего. Связано это с тем, что в ходе психолого-психиатрической экспертизы подросток дал пояснения, несопоставимые со сведениями, содержащимися в протоколах допроса и проверки показаний на месте по объему и применяемым оборотам. Более того, из характеризующих С. материалов следует, что у него нарушена лексическая и грамматическая сторона речи, сведения об окружающем мире ограничены, словарь крайне беден [10]. Перечисленные обстоятельства могут свидетельствовать о том, что следователь в ходе производства проверки показаний на месте с участием С. самостоятельно сформулировал описательную часть протокола, не передав точно содержание следственного действия. Рассмотренные замечания негативно сказываются на качестве полученных доказательств и могут являться основанием для признания протокола проверки показаний на месте недопустимым доказательством в связи с искажением в нем полученной информации.

Актуальным в следственной практике остается вопрос выбора времени оформления протокола проверки показаний на месте. В. Ю. Стельмах, ссылаясь на Уголовно-процессуальный кодекс РФ, отмечает, что протокол следственного действия должен быть составлен в ходе его проведения или непосредственно после его окончания. При этом автор справедливо не допускает длительного временного разрыва между проведением следственного действия и его процессуальной фиксацией [11, с. 154]. В ряде случаев, учитывая неблагоприятные условия для составления протокола в процессе рабочего этапа проверки показаний на месте (необходимость передвижения, одновременного восприятия различной по своей природе информации, наблюдения за поведением несовершеннолетнего и иных участников следственного действия), на наш взгляд, наиболее целесообразно оформлять протокол непосредственно после окончания следственного действия. Более того, составление протокола во время активной фазы сообщения несовершеннолетним информации может негативно сказаться на его контакте со следователем. С целью

недопущения искажения или потери сообщаемой информации в сопоставлении с обстановкой места события рекомендуется делать черновые записи, заметки, планы, схемы. По нашим исследованиям, в 26 % случаев протокол составлялся после окончания рабочего этапа в кабинете следователя на основании просмотренной участниками следственного действия видеозаписи. При этом решать задачу определения конкретного времени, на наш взгляд, необходимо в зависимости от сложившейся следственной ситуации. Если в ходе проверки показаний на месте предполагается фиксация большого объема информации, то протокол целесообразно оформлять после производства рабочего этапа в благоприятной обстановке кабинета следователя. В случае непродолжительного малоинформативного следственного действия составление протокола возможно непосредственно на месте события.

О. Я. Баев совершенно верно отмечает, что в протокол следственного действия недопустимо внесение предположений следователя и вытекающих из этого следственных версий [12, с. 59]. Тем более, по нашему мнению, недопустимо формулирование каких-либо выводов. Данное замечание основывается на самой природе протокола, суть которого заключается в описании и констатации воспринятой информации. Внесенные же в него версии и выводы описывают процесс оценки полученной информации и негативно влияют на объективность проведенного следственного действия. Однако на практике встречаются случаи несоблюдения данного требования. Так, при фиксации проверки показаний на месте несовершеннолетнего Т., подозреваемого в совершении кражи, допущена грубейшая ошибка. В конце описательной части протокола содержится следующее предложение: «Вывод: подозреваемый Т. точно знает место, время и способ совершения преступления» [13].

Для повышения наглядности хода проверки показаний на месте в практике широко применяются дополнительные средства фиксации (98 % изученных уголовных дел), в частности фотосъемка (62 % дел) и видеозапись (38 % дел). Анализ материалов свидетельствует о достаточно большом количестве случаев применения фотографирования. Отказ от осуществления видеозаписи, по верному замечанию А. М. Кустова и Р. А. Кокорева, зачастую можно объяснить опасением следователей, что они недостаточно правильно проведут те или иные действия и эти ошибки будут зафиксированы [14, с. 75]. В то же время стоит отметить, что целесообразно использовать именно видеофиксацию ввиду динамичного характера проверки показаний на месте и необходимости одновременного запечатления звуковой и визуальной информации. Кроме того, привлекая к участию в следственном действии несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, нельзя забывать о том, что в соответствии с ч. 5 ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса РФ применение видеозаписи или киносъемки обязательно, за исключением случаев, если они или их законные представители против этого возражают [15].

Основными субъектами применения криминалистической техники, в том числе средств фиксации хода и результатов следственного действия, в силу их непрерывного совершенствования и отсутствия у следователя глубоких специальных познаний, по верному замечанию А. М. Сажаева и Д. В. Муленкова, должны быть специалисты. Поэтому в практической деятельности исходят из необходимости приглашения специалиста-кри-

миналиста для оказания содействия в применении технических средств [16, с. 143]. Видеозапись (при принятии решения о ее осуществлении) производится с начального этапа следственного действия в месте сбора участников. При этом участвующим лицам обязательно объявляется о применении соответствующего технического средства и указывается лицо, его применяющее. По мнению М. В. Меркуловой, необходимость проведения непрерывной съемки в ходе всего следственного действия отсутствует, чтобы не загромождать запись множеством не относящихся к делу событий [7, с. 224]. Действительно, чаще всего видеозапись в ходе проверки показаний на месте приостанавливается для решения организационных вопросов, например при движении группы от места сбора к месту исследуемого события, если маршрут передвижения не вызывает никаких сомнений и не подлежит выяснению или проверке в ходе рассматриваемого следственного действия. Приостанавливая видеозапись, следователю обязательно нужно сообщать время и причину перерыва, а впоследствии время возобновления видеосъемки [17, с. 95].

Рассматривая фиксацию процесса проверки показаний на месте, необходимо остановиться на применяемых методах видеозаписи. Так, по верному замечанию Р. Л. Ахмедшина, для начала следственного действия характерна съемка крупным планом всех его участников и панорамная фиксация обстановки места события. Далее автор дифференцирует приемы в зависимости от целей проверки показаний: для установления маршрута или уточнения элементов обстановки — попеременное применение ориентирующей и обзорной съемки; для обнаружения отдельных предметов — применение узловой и детальной съемки; для выяснения действий лица, чьи показания проверяются, — попеременное применение обзорной и узловой съемки [18, с. 106]. Стоит отметить, что чаще всего невозможно остановиться на каком-то одном приеме видеофиксации, а требуется использовать их комплексно, так как проверка показаний может предназначаться одновременно для решения нескольких задач и в ходе ее производства требуется фиксировать различные объекты и события. При осуществлении видеозаписи лицо, чьи показания проверяются, должно находиться во главе группы участников проверки показаний на месте [19, с. 82]. Данное правило означает недопустимость движения специалиста-криминалиста с целью съемки впереди несовершеннолетнего.

Большое значение также имеет выделяемое Ф. Г. Аминовым правило фиксации, заключающееся в недопустимости попадания в кадр других участников следственного действия в ходе свободного рассказа и показа проверяемым лицом объектов, деталей обстановки, свидетельствующих о правдивости его слов, а также демонстрации действий, подтверждающих показания [20, с. 18]. Однако мы вынуждены констатировать, что данное правило фактически не соблюдается в следственной практике. В приложенных к протоколам проверки показаний на месте фотоматериалах чаще всего запечатлены несовершеннолетний и иные участники следственного действия вокруг него (законный представитель, защитник, понятые, оперуполномоченный, педагог или психолог).

В ранее проведенных научных исследованиях часто затрагивались вопросы фиксации проверки показаний на месте с помощью звукозаписи [21, с. 101]. В результате изучения материалов уголовных дел мы

не выявили ни одного случая применения подобного средства. На наш взгляд, это можно объяснить развитием технологий и возможностью, при необходимости, применения видеозаписывающих средств, позволяющих одновременно фиксировать аудио- и видеoinформацию. В то же время нужно учитывать, что при осуществлении видеозаписи в ходе проверки показаний на месте, по верному замечанию Е. А. Киселева и Т. В. Осиповой, важно обеспечить качественную запись звуковой информации, так как фоновые шумы создают затруднения для последующего ее использования [22, с. 250]. Для достижения этой цели возможно применение выносного микрофона.

Среди современных достаточно перспективных, но недостаточно распространенных в следственной практике средств фиксации проверки показаний на месте можно назвать беспилотные летательные аппараты, оснащенные средствами видеофиксации. Удобство применения указанного средства в ходе проверки показаний на месте обусловлено отсутствием необходимости в расположении специалиста, применяющего средство видеофиксации, в непосредственной близости с несовершеннолетним, чьи показания проверяются, и возможностью запечатления хода следственного действия с различных ракурсов, не осуществляя движение впереди проверяемого лица, не отвлекая его и не создавая препятствий для других участников следственного действия. Как верно пишет Р. М. Леоненко, управляет летательным аппаратом специалист, который может находиться на достаточном расстоянии позади лица, чьи показания проверяются, и производить фиксацию как в общем, так и в детальном плане [23, с. 130]. Указанное техническое средство целесообразно применять, например, для установления маршрута передвижения на открытой местности при необходимости перемещений на большие расстояния.

В завершение обратим внимание на важность правильного оформления факта и условий применения технических средств и полученных с их помощью результатов. Во вводной части протокола необходимо отразить факт объявления участвующим лицам о применении технического средства фиксации, его наименование, марку и модель, охарактеризовать запоминающее устройство (если используется цифровая техника), а также обозначить применяющее лицо. Факт просмотра фото- и видеоматериалов участниками следственного действия также подлежит занесению в протокол. Все изготовленные материалы прилагаются к протоколу проверки показаний на месте, о чем делается соответствующая отметка.

Список литературы

1. Глушков М. Р. Фиксация хода и результатов следственного действия: проблема новых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 159–163.
2. Долгаев В. В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018.

3. *Пилявец С. В.* Современные проблемы проведения проверки показаний на месте: Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юр. наук. Калининград, 2004.
4. *Россинский С. Б.* Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // *Lex Russica*. 2017. № 10 (131). С. 36–46.
5. *Архив Советского районного суда г. Уфы.* Уголовное дело № 1-156/2013.
6. *Архив Советского районного суда г. Уфы.* Уголовное дело № 1-351/2017.
7. *Бурька Д. А., Егорова Е. В., Меркулова М. В.* Правовые и тактические особенности производства отдельных следственных действий : монография. М., 2015.
8. *Матвеев С. В.* К вопросу о процессуальном оформлении (фиксации) показаний несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. 2010. № 3. С. 568–580.
9. *Скичко О. Ю.* Проблемы протоколирования показаний несовершеннолетних // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2011. № 1. С. 24–27. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Архив Советского районного суда г. Уфы.* Уголовное дело № 1-409/2013.
11. *Стельмах В. Ю.* Современные проблемы фиксации хода и результатов производства следственных действий и возможные пути их решения // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 7 (68). С. 152–159.
12. *Баев О. Я.* Тактика следственных действий : учеб. пособие. Воронеж, 1992.
13. *Архив Советского районного суда г. Уфы.* Уголовное дело № 1-156/2013.
14. *Кустов А. М., Кокорев Р. А.* Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 73–77.
15. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ* // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] / URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2021).
16. *Сажаев А. М., Муленков Д. В.* Прикладные аспекты использования цифровых средств фиксации в следственных действиях // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право*. 2014. Т. 10, № 2. С. 142–147.
17. *Баркалова Е. В.* Анализ и оценка прокурором результатов отдельных следственных действий : учеб. пособие. СПб., 2019.
18. *Ахмедшин Р. Л.* Приемы фиксации результатов проведения проверки показаний на месте : уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // *Уголовная юстиция*. 2016. № 2 (8). С. 105–108.
19. *Судебная фотография и видеозапись* : учеб. пособие / сост. Е. В. Нарыжный, А. А. Шаевич. Иркутск, 2014.
20. *Аминев Ф. Г.* Актуальные вопросы технико-криминалистического обеспечения проверки показаний на месте // *Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики* : сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2017. С. 14–19.
21. *Белюсов В. И., Натура А. И.* Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования : науч.-практ. пособие. М., 2006.
22. *Киселев Е. А., Осипова Т. В.* К вопросу применения криминалистической техники при проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2015. № 1 (3). С. 247–250.

23. Леоненко Р. М. Современные виды технико-криминалистических средств используемых при производстве следственных действий (на примере осмотра места происшествия и проверки показаний на месте) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сб. ст. Орёл, 2018. С. 127–131.

Об авторе

Роман Андреевич Варфоломеев — ассист., Башкирский государственный университет, Россия.

E-mail: roman.v.2016@mail.ru

The author

Roman A. Varfolomeev, Assistant Professor, Bashkir State University, Russia.

E-mail: roman.v.2016@mail.ru

И. П. Максимов

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

30

Подготовка ведущих держав на рубеже XIX—XX вв. к Первой мировой войне потребовала серьезного напряжения финансовых систем различных стран. Не обошла эта проблема стороной и Германскую империю, финансы которой приходилось регулярно укреплять, чтобы нести масштабные военные расходы. После отставки О. фон Бисмарка в 1890 г. пост канцлера занимали политики, далекие от экономики вообще и от финансов в частности: Л. фон Каприви и Х. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст. Проблема перешла по наследству к новому руководителю немецкого правительства — Бернгарду фон Бюлову, занимавшему пост рейхсканцлера с 1900 по 1909 г. К этому моменту уже активно реализовывался масштабный проект по созданию мощного военно-морского флота, начатый в 1897 г. Правительство нового канцлера предприняло несколько попыток оздоровить финансовую систему страны, однако все они не были доведены до конца. Реформирование немецких финансов в этот период не получило широкого рассмотрения как в отечественной, так и в немецкой исторической науке. В данной статье охарактеризованы финансовые реформы 1904 и 1906 гг.

Preparation for the World War I at the turn of the XIX-XX centuries challenged various national financial systems. The German Empire faced this challenge, so its finances had to be regularly strengthened in order to cover all the mass military needs. After O. v. Bismarck's resignation, the positions of the chancellor were held by politicians who did not have any background in economics and finance: L. v. Caprivi, H. Hohenlohe-Schillingsfuerst. The problem was passed then to new Head of the German Government – Bernhard von Buelow, who was the Reichschancellor from 1900 till 1909. By this time a large-scale project, dedicated to creation of powerful navy (since 1897), was already – in progress. New Reichschancellor's Government tries to stimulate the financial system of the country, however, without much progress. Reforms of the German financiers of that time have been the issue to study by Russian or foreign scientists. This article is concerned with the task of examination of these reforms taking place in 1904 and 1906.

Ключевые слова: Германская империя, Пруссия, финансовая реформа, Б. фон Бюлов

Keywords: German Empire, Prussia, financial reform, B. v. Bülow

В 1900 г. немецким канцлером стал Бернгард фон Бюлов, который до этого сделал блестящую карьеру в дипломатии, дослужившись до статс-секретаря иностранных дел. В период своего канцлерства Бюлов сосредоточился главным образом на внешнеполитических делах, тогда как внутриполитические заботы, особенно финансы, в которых он разбирался довольно слабо [1, с. 461; 8, S. 12; 12, S. 78; 14, S. 20; 18, S. 405], его откровенно не интересовали. Новый канцлер далеко не сразу понял важность стабильности и прочности финансовой системы, хотя впоследствии ему пришлось изменить свое мнение [7, Bd. 3, S. 153]. Проблема заключалась, однако, и в том, что предшественники канцлера также не уделяли должного внимания этому вопросу. Будущий президент ФРГ Теодор Хойс писал, что «финансы... находились в удручающем положении, если не сказать в неразберихе...» [12, S. 78]. Но активная внешняя политика, расходы на содержание колоний, создание современного военно-морского флота — все эти задачи требовали новых финансовых вливаний.

Уже в июне 1901 г. на совещании министров обсуждался проект нового таможенного тарифа и рассматривалась перспектива реформирования финансов империи. Однако дебаты о новом тарифе приняли столь ожесточенный и затяжной характер, что к финансовым вопросам обратились вновь только в 1903 г. (таможенный тариф был принят в конце 1902 г.). За прошедшее время сменился и статс-секретарь финансов — этот пост занял баварский специалист Герман фон Штенгель.

На первоначальном этапе обсуждения проекта канцлер довольно мало интересовался проблемой, и статс-секретарь получил полную свободу при разработке финансовых планов [19, S. 82]. Штенгель предлагал вотирование новых налогов в целях формирования профицитного бюджета. Статс-секретарь же считал необходимым избавить земли Германской империи от той части взносов в общеимперскую казну (предусмотренных ст. 70 конституции Германской империи [10, S. 400]), которую они не могли покрыть.

В октябре 1903 г. на очередном совещании по проекту Штенгеля канцлер показался только в первый день, выступил с небольшой речью и больше на заседаниях не появился. Финансы по-прежнему не входили в сферу приоритетных интересов Бюлова. К декабрю идеи Штенгеля были оформлены в виде законопроекта, который поступил на рассмотрение в рейхстаг [16, Bd. 205, Anlagen. S. 41–46]. Однако законопроект сразу же встретил серьезную оппозицию в лице консерваторов [16, Bd. 197, S. 96, 98] и министра финансов Пруссии Георга фон Рейнбабена.

Бюлов считал за благо не доводить дело до открытого конфликта, и в ходе обсуждения проект был изменен следующим образом: ст. 70 конституции теперь предусматривала выплату общеимперских взносов только на покрытие чрезвычайных расходов, то есть платежи все равно никуда не делись [11, S. 242]. В таком виде закон Штенгеля и был принят 9 мая 1904 г. [16, Bd. 200, S. 2779]. Новые налоги введены не были.

Необходимость дальнейшего оздоровления финансов страны была очевидна всем, в том числе и самому канцлеру [7, Bd. 3, S. 53]. Да и Штенгель рассматривал закон 1904 г. только как первый шаг, статс-секретарь по-прежнему настаивал на введении новых налогов, включая налог на наследство.

В самом конце 1904 г. новый проект был готов, и 15 февраля 1905 г. в Берлине состоялась конференция министров финансов немецких земель под руководством Бюлова. На ней Штенгель представил свой план для покрытия дефицита бюджета, который предусматривал как увеличение старых налогов, так и введение ряда новых, прежде всего косвенных, в том числе налога на наследство, который должен был стать первым общеимперским прямым налогом.

Это предложение было крайне отрицательно воспринято аграриями, а статс-секретарь внутренних дел А. фон Позадовский и министр финансов Пруссии Г. фон Рейнбабен дали понять Штенгелю, что они не только против новых принципов налогообложения, но и постараются не допустить прохождения этого проекта [5, S. 572].

Представитель консервативной партии в рейхстаге, представлявшей интересы юнкеров, Э. фон Ольденбург-Янушау выразился более чем ясно: «Налог на наследство был для нас, консерваторов, неприемлем» [15, S. 102]. Но план Штенгеля, собственно, и сводился к тому, чтобы заставить немецкое юнкерство раскошелиться на нужды государства. Бюлов идею поддержал и стал отстаивать ее перед кайзером, выбрав самый беспроигрышный аргумент: для того, чтобы продолжать строительство флота, необходимо ввести налог на наследство [19, S. 110]. Поскольку Вильгельм II еще меньше, чем Бюлов, желал вникать в столь сложные дела как налоговая реформа, то расчет канцлера оказался верен: императору нужен был флот, остальное его мало интересовало.

Характерно, что при разработке планов статс-секретарь и канцлер сильно разошлись в оценке того, какими будут в ближайшие годы расходы и, соответственно, сколько налогов требуется для их покрытия. Штенгель оценивал финансовые расходы на ближайшее время в 127–167 млн марок ежегодно. Бюлов называл цифры на порядок больше — 177–217 млн марок. Такой разброс объяснялся тем, что статс-секретарь финансов не принимал в расчет быстрый рост военных расходов, который предвидел канцлер. Покрыть этот дефицит, по мнению Штенгеля, должны были налоги на наследство — 60 млн марок, на производство пива — 7 млн марок и т. д. Бюлов в своих расчетах снижал налог на наследство, но увеличивал налог на пивоварение до 67 млн марок, и вводил налог на гербовые сборы — 16 млн марок [19, S. 103–104]. В конце концов канцлеру удалось настоять на своем варианте.

Разработка проекта налога на наследство закончилась после конференции, и 15 марта 1905 г. он был передан на рассмотрение прусским министрам. Рейнбабен выступил категорически против и был поддержан саксонским министром финансов К. В. фон Рюгером. На очередном заседании 9–10 июня 1905 г. Рейнбабен и министр торговли Пруссии Т. Меллер предложили отказаться от повышения налогов на табак и в качестве компенсации увеличить налоги на почту и телеграф. Бюлов и его статс-секретари, напротив, не видели никаких проблем в повышении налогов на пиво и табак, а канцлер говорил, что надо было принять еще более высокую налоговую планку [2, с. 121]. Заседание закончилось тем, что необходимая сумма выросла с 217 до 230 млн марок [19, S. 111]. Однако спустя некоторое время показатели выросли еще раз. Предполагаемый дефицит был определен в сумме 241–251 млн марок, для его погашения требовалось взysкать налогов на 255 млн марок.

Среди прочих налогов налог на наследство давал только лишь 48 млн марок, остальная сумма складывалась из косвенных налогов и тарифов на табак, сигареты, пивоварение, гербовые сборы. Следовательно, именно широкие народные массы должны были стать главным налогоплательщиком. Но Штенгель подошел к вопросу как экономист, а не как политик — провести его проект в близком к изначальному виде было просто невозможно. Не было ни одного проектируемого налога, который бы не ущемлял чьих-либо интересов, что отражалось в партийной борьбе. Левые выступали против косвенных налогов, правые — против налога на наследство. Поэтому, когда в начале декабря 1905 г. в рейхстаге началось первое чтение, сразу стало ясно, что шансов на прохождение проекта немного. Проекту оппонировали Центр, социалисты и левые либералы. Седьмого декабря 1905 г. после выступления Бюлова и Штенгеля слово вновь взял Рейнбабен, который, как и прежде, отрицательно высказался по поводу введения прямых налогов и привел в пример Францию и Англию, где косвенные налоги были куда более высокими, чем в Германии [17, Bd. 214, S. 163—164, 167—168]. Зато идею введения прямых налогов активно поддержали социалисты. Лидер немецкой СДПГ А. Бебель доказывал в рейхстаге, что во Франции 38 млн жителей дают 200 млн марок с налога на наследство, а Англия, имея 40 млн жителей, собрала с налога на наследство в 1901 г. 380 млн [17, Bd. 214, S. 160].

Нельзя сказать, что попытки канцлера развязать этот узел противоречий отличались оригинальностью — он снова прибегнул к словесному убеждению. Шестого декабря 1905 г. в рейхстаге Бюлов высказался определенно за реформу: «Это важнейший и значительнейший законопроект, от исхода которого, по убеждению союзного правительства, зависят благо и безопасность, успешное развитие и будущее империи и отдельных союзных государств» [7, Bd. 2, S. 237]. Он говорил, как всегда, убедительно: без успешной финансовой реформы невозможно решение культурных, социальных и военных задач, долги империи выросли до угрожающих размеров (3,5 млрд марок), да и налоги в Германии, в сравнении с другими странами, совсем незначительны, включая налог на наследство [7, Bd. 2, S. 241, 246]. Таким образом, Бюлов впервые за время своего канцлерства всерьез посягнул на имущественные интересы аграриев. Эта решимость объяснялась стоявшей перед ним альтернативой: либо рост налогов, либо отказ от вооружений. Бюлов выбрал первое.

В ходе работы парламентской комиссии (16 января — 10 мая 1906 г.) в проект Штенгеля были внесены существенные изменения: отклонены гербовые сборы, понижен налог на пивоварение с 67 до 20 млн марок [9, 8. Apr.]. Штенгель, предложения которого срывались одно за другим, выступил с идеей ввести новый налог на винокурение. О важности этой статьи дохода аграриев еще в 1876 г. писал Ф. Энгельс [4]. Только в одной Познанской области находилось около 570 спиртоводочных заводов [3, с. 25].

Но предложение статс-секретаря вновь вызвало несогласие Рейнбабена. Прусский министр финансов высказался в том смысле, что он, в общем, не возражает против этого налога, но сомневается в поддержке со стороны консерваторов [19, S. 167]. Социал-демократ Э. Бернштейн, характеризуя работу комиссии, заявил, что его партия не поддерживает

новый вариант и будет голосовать против [17, Bd. 217, S. 3103]. Идею введения налога на винокурение отрицательно воспринял и министр сельского хозяйства Пруссии В. фон Подбельски.

Наконец, помимо вышеперечисленных проектов комиссия так основательно перекроила законопроект о налоге на наследство, что попросту его изувечила: значительно увеличился круг субъектов, не облагаемых налогом, а сам налог взимался только с дальних родственников. В таком виде он должен был принести всего 48 млн марок. Общая же сумма планируемых поступлений в бюджет упала до 159 млн марок [17, Bd. 233, Anlagen, S. 4003—4020]. Но даже в таком виде налог на наследство был провален.

34

Сплюшным неудачам правительства в попытке довести финансовую реформу до победного конца способствовало и беспрестанное соперничество между Рейнбабеном и Штенгелем. Или, лучше сказать, полная неспособность статс-секретаря противостоять прусскому министру финансов, упорно отстаивавшему юнкерские интересы. Немецкий дипломат Фридрих Гольштейн заметил, что «статс-секретарь был в сущности лишь придатком прусского министра», а потому серый кардинал ведомства иностранных дел даже посоветовал Бюлову назначить статс-секретаря финансов одновременно и прусским министром без портфеля, чтобы прекратить наконец эту борьбу ведомств [13, S. 473], хотя сам Штенгель не очень импонировал Гольштейну: «Уже больше года прошло с тех пор (запись от 29 апреля 1908 г. — И. М.), как я советовал Бюлову по-дружески удалить статс-секретаря Штенгеля, так как этот, хотя и превосходный и даже дельный человек, смотрит на налоговый вопрос очень уж с баварской точки зрения» [13, S. 473].

Шестого апреля 1906 г. (в это время проект дорабатывался комиссией) Бюлов в рейхстаге упал в обморок — по наиболее распространенной версии, от физического переутомления. Придя в себя, он 17 мая на все лето уехал на остров Нордерней и вернулся к активной политической деятельности только осенью 1906 г. Благодаря тому, что канцлер не мог контролировать ход событий, консерваторы сумели «додавить» вариант, разработанный комиссией, и 19 мая 1906 г. он был принят (145 за, 95 против, 5 воздержавшихся) [17, Bd. 217, S. 3361]. Против голосовали социалисты и либералы. В результате немецкое правительство получило только 180 млн, а не 250 млн, как планировалось. «Разумеется, правительство добиться не всего чего оно хотело достигнуть со своими предложениями», — характеризовала исход реформы газета Центра «Германия» 20 мая 1906 г. [9, 20. Mai]. «Успешное» завершение финансового вопроса обрадовало кайзера (он, видимо, радовался факту принятия проекта, а не его сути), который направил Бюлову телеграмму в самых дружеских тонах. Собственно, касаясь реформы 1906 г., канцлер в своих мемуарах только эту телеграмму и упоминает: это лишний раз доказывает, что он не придавал финансовым вопросам большого значения [6, S. 217]. В результате вторая попытка привести в порядок имперские финансы путем увеличения налогов провалилась так же, как и первая.

Таким образом, задача оздоровления немецких финансов в первый период канцлерства Бюлова не была решена, что он и сам признавал в одном из своих выступлений в рейхстаге [7, Bd. 3, S. 87]. Через два года

ему придется уже в третий раз заняться реформированием имперской финансовой системы. Как и прежде, канцлер потерпит поражение, но на этот раз оно будет стоить ему должности — в 1909 г. Бюлов покинет пост главы правительства и больше никогда на него не вернется.

Список литературы

1. *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Минск ; М., 2002. Т. 1.
2. *Максимов И. П.* Внутренняя политика канцлера Германской империи Бернгарда фон Бюлова в 1900—1909 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2008.
3. *Рубинштейн Е. И.* Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX в. М., 1953.
4. *Энгельс Ф.* Прусская водка в германском рейхстаге // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 37—54.
5. *Brauer an Bodman* // Großherzog Friedrich I. von Baden und die Reichspolitik 1871—1907 : in 4 Bdn. Stuttgart, 1980. Bd. 4 : 1898—1907. S. 571—572.
6. *Bülow B. v.* Denkwürdigkeiten : in 4 Bdn. Berlin, 1930. Bd. 2.
7. *Bülow B. v.* Reden : in 3 Bdn. Berlin, 1907—1909.
8. *Fesser G.* Reichskanzler Bernhard Fürst von Bülow: eine Biographie. Berlin, 1991.
9. *Germania.* 1906.
10. *Gesetz betreffend die Verfassung des Deutschen Reiches* // Dokumente zur deutsche Verfassungsgeschichte. Stuttgart ; Berlin ; Köln ; Mainz, 1986. Bd. 1.
11. *Hartung F.* Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles. Bonn ; Leipzig, 1930.
12. *Heuss T.* Erinnerungen 1905—1933. Tübingen, 1963.
13. *Holstein F. v.* Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins : in 4 Bdn. Göttingen ; Berlin ; Frankfurt a/M, 1963. Bd. 4.
14. *Monts A.* Erinnerungen und Gedanken. Berlin, 1932.
15. *Oldenburg-Januschau E. v.* Erinnerungen. Leipzig, 1936.
16. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages.* Berlin, 1903—1905.
17. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages.* Berlin, 1905—1906.
18. *Winzen P.* Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013.
19. *Witt P.-H.* Die Finanzpolitik des Deutschen Reiches von 1903 bis 1913. Lübeck ; Hamburg, 1970.

Об авторе

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iliamaks@mail.ru

The author

Dr Ilya P. Maksimov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: iliamaks@mail.ru

Д. И. Горшков

«МАЛЫЕ ПОРТРЕТЫ» ЛУИ-ЛЕОПОЛЬДА БУАЛЬИ
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЭПОХИ
ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ И РЕСТАВРАЦИИ

36

Статья посвящена «малым портретам» известного французского художника и гравера Луи-Леопольда Буальи. На основе опубликованных и архивных источников, в том числе извлеченных из французских архивов, показано значение «малых портретов» как источников по изучению истории эпохи Первой империи и Реставрации. Идентификация данных портретов с использованием историко-сравнительного метода дает возможность провести исследование определенной социальной группы изучаемой эпохи. Проанализировав портрет из собрания музея Мармоттан-Моне, автор на основе слабоизученных документов Серых мушкетеров 1814–1815 гг. из собрания S.H.D. установил имя изображенного на картине лица.

This article is devoted to so-called "small portraits" ("petits portraits") of the famous French painter Louis-Léopold Boilly. We based it on published and archive French sources to show the importance of "small portraits" as the sources to explore the period of the Premier Empire and Restoration. Identification of these portraits with the help of historical and comparison method provides the possibility to explore specific social group of this epoch. The author made analysis of the portrait from Marmottan Monet museum and in accordance with the documents of Gray Musketeers 1814-1815 from S.H.D. discovered the name on the portrait.

Ключевые слова и фразы: Л.-Л. Буальи, иконография, униформология, источниковедение, В.-Ф.-Ж. де Фурнас де ля Бросс де Фабрезан, французская армия 1804–1815 гг., мушкетеры, Военная свита Короля

Keywords and phrases: L.-L. Boilly, iconography, uniformology, historiography and source study, V.-F.-J. de Fournas de la Brosse de Fabrezan, French Army (1804–1815), Mousquetaires, Maison militaire du Roi

Памяти моего отца

Одним из немногих французских живописцев конца XVIII — начала XIX в., сумевшим запечатлеть ход течения времени, является Луи-Леопольд Буальи (Boilly, 1761–1845). Его творчество разнообразно и предоставляет широкие возможности для исследователя — как историка, так и искусствоведа. Но особое место в работах художника занимают многочисленные портреты его современников, так называемые *малые портреты* Буальи. К сожалению, большинство из них либо проходят как портреты неизвестных, либо нуждаются в пересмотре и уточнении легенд.

В этой связи их идентификация играет важную роль, поскольку решает сразу несколько первостепенных задач: уточняет и расширяет круг клиентов Буальи, открывает подлинного человека прошлого или определенную социальную группу эпохи Первой империи, а также и Первой и Второй реставраций, дает возможность полноценно воспринимать тот или иной портрет с позиции произведения искусства и источника и выводит исследователя на новый уровень, позволяя ставить новые вопросы и решать старые проблемы.

Таким образом, учитывая разнообразие самого изобразительного материала, значимость художника для истории изобразительного искусства и исторической науки, каждый новый и заново открываемый образ Буальи представляет исключительный интерес для исследователя.

Традиционно во Франции основанием для идентификации того или иного портрета Буальи служат записи с именем изображенного сзади холста или рамы, различные его воспроизведения XIX в., письма современников, архивные документы, связанные с этим художником и его клиентами, а также семейные легенды владельцев самих портретов. Не отрицая значимости подобного подхода к изобразительному источнику, следует признать, что он не всегда оправдывает себя, особенно в отношении портретов высших сановников и военных Франции [28].

В последнем случае анализ изображения можно построить на хорошо известных принципах историко-сравнительного подхода, входящего в систему методов исторической компаративистики, что дает возможность на основе всех имеющихся фактов (мундир, награды и их типы) выявить, с одной стороны, общее и закономерное, а с другой — качественные отличия, характерные только для конкретного лица или группы лиц, что и позволяет в итоге установить утраченное в процессе бытования имя изображенного.

Среди неизвестных «малых портретов» видное место занимает находящийся в собрании музея Мармоттан-Моне (Париж, Франция) «Портрет серого мушкетера в форме для выхода в город», датированный 1814—1815 гг. [7]. В последних работах он проходит под следующей легендой: «Портрет капитана первой роты Мушкетеров Свиты короля» [12, vol. 2, p. 822 (1610 PP)]. Несмотря на всю известность данного образа, частое его репродуцирование и экспонирование на различных выставках, изображенный до сих пор значителен неизвестным [Ibid.]. Однако показанный мундир, награды и письменные источники, связанные с корпусом мушкетеров, позволяют выявить имя портретируемого.

Этот мушкетер, как верно отмечается в многочисленных публикациях, показан в мундире малой формы (по всей видимости, в форме для общества) серых мушкетеров, или мушкетеров 1-й роты Военной свиты Короля модели 1814 г., имевших золотой приборный металл [8, p. 390]. Напомним, что 1-я рота называлась «серой» из-за масти лошадей, состоявших в ней, а 2-я, по той же самой причине, — «черной» [13, 5e série. t. 2 (№ 30 à 69), p. 12 (№ 211)].

Тем не менее, к сожалению, от исследовательского внимания ускользают следующие обстоятельства: расположение и определение запечатленных Буальи орденов в орденской колодке. Между тем черная лента, показанная первой, соответствует орденской ленте Мальтийского орде-

на Иоанна Иерусалимского; красная же принадлежит ордену Почетного Легиона (кавалерский крест)¹. Подчеркнем, что в последнем случае речь идет именно о Почетном Легионе, а не об ордене Святого Людовика. В противном случае красная лента Святого Людовика располагалась бы впереди ленты Мальтийского ордена, исходя из статуса орденов периода Реставрации.

Луи-Леопольд Буальи (1761–1845).

Портрет шеваля Виктора-Франсуа-Жозефа де Фурнаса де ля Бросса де Фабрезана (1783–1842), бригадира (капитана) первой (Серой) роты Мушкетеров Военной Свиты Короля, в форме для общества (или в малой форме), сентябрь–октябрь 1814 г. Холст, масло. 21,6 x 16,5 см. Мармоттан-Моне (Париж, Франция). Paris, Musée Marmottan Monet © Bridgeman Images. Идентификация Д.И. Горшкова

Что же касается чина, то его определить довольно сложно. Мы можем лишь сказать, что перед нами либо унтер-офицер, либо младший офицер 1-й роты. Дело в том, что унтер-офицерский корпус Военной свиты Короля в целом, а не только мушкетерских рот, формировался из офицеров. Так, чин бригадира у тех же мушкетеров присваивался су-лейтенантам королевской армии, определенным в одну из так называемых красных рот. К тому же, унтер-офицеры и офицеры носили эполеты, которые соответствовали их чину в армии.

Все эти обстоятельства вынудили нас обратиться к документам Серых мушкетеров 1814–1815 гг. из собрания S.H.D. и проанализировать весь имеющийся материал по 1-й роте (унтер-офицерский и офицерский корпуса) за обозначенный период.

В результате было обнаружено, что единственным обладателем кавалерского креста Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского кре-

¹ Мы сразу исключили версию с лентой Королевского ордена Испании, учитывая, что королевский ордонанс от 19 июля 1814 г. официально запретил его ношение [38, р. 209], а корпус мушкетеров был воссоздан 6 июля 1814 г.

ста) во 2-й роте Серых мушкетеров был шевалье Виктор-Франсуа-Жозеф де Фурнас де ля Бросс де Фабрезан (de Fournas de la Brosse de Fabrezan, 1783—1842) [49, р. 63]. Выявленная в процессе исследования иконография де Фурнаса подтвердила нашу идентификацию [37, р. 194—197].

Тем не менее, к сожалению, нам не удалось установить точную дату награждения де Фурнаса Мальтийским крестом, поскольку сведения разнятся в источниках. Так, если основываться на опубликованных списках Великого Приора Аквитании, он получил крест 11 августа 1787 г. [46, р. 390; 50, р. 281]. Однако в регистре де Фурнаса указано, что на 1786 г. он был уже награжден им [49, р. 63]. Также, судя по опубликованному послужному списку этого офицера, официально данное награждение было подтверждено ему лишь 18 ноября 1824 г.; там же указывается, что само награждение состоялось 30 декабря 1814 г. [19, р. 145; 37, р. 308].

Отметим и то, что капитан Королевской армии Юга де Фурнас на момент вступления в качестве бригадира в 1-ю роту мушкетеров 1 августа (по другим данным, 1 июля; также встречается и дата 6 июля) 1814 г. других наград не имел. Но уже 3 сентября 1814 г. ему был пожалован кавалерский крест ордена Почетного Легиона под № 1565 (в 1817 г. присвоен новый номер — 7838). Также, исполняя обязанности бригадира в 1-й роте, он получил 19 марта 1815 г. патент на чин шефа эскадрона [23; 49, р. 63].

Таким образом, совокупность данных позволяет утверждать, что портрет был заказан де Фурнасом у Буальи, проживавшего тогда на улице Мелэ № 12 (rue Meslay) в Париже [12, vol. 1, р. 378], по случаю награждения мушкетера орденом Почетного Легиона и исполнен в сентябре-октябре 1814 г. Напомним также, что левый эполет шефа эскадрона должен был иметь толстую бахрому из канители, в отличие от тонкой бахромы младших офицеров.

Для полноты восприятия анализируемого источника следует остановиться и на послужном списке де Фурнаса, позволяющем окончательно расставить все точки над *i* [19, р. 145; 23; 37, р. 307—308; 49, р. 63].

Итак, Виктор-Франсуа-Жозеф (в основном, использовал свое первое имя: Виктор) де Фурнас де ля Бросс де Фабрезан родился около 10 часов утра 13 ноября 1783 г. в Муссулане (*Moussoulens*), диоцез Каркасона (впоследствии департамент Од) (по решению родителей сначала состоялось малое крещение в семейном владении 13 ноября около 8 часов вечера; само же таинство крещения имело место 19 ноября 1783 г.); сын мессира Гийома-Жозефа-Годенса Фурнаса де ля Бросса де Фабрезана, сеньора де Виллеружа (*Villeroige*) и дамы Мари-Жанны-Франсуазы-Жозефины, урожденной Дюкю де Муссулан (*Ducup de Moussoulens*) [42, р. 813; 43, bis1261].

Приступая к реконструкции военной карьеры Виктора де Фурнаса, стоит отметить, что его отец, будучи офицером королевской армии, не принял Революцию 1789 г. В 1791—1793 гг. он вступил в армию принца Конде, а впоследствии перешел на службу к испанским Бурбонам, и, видимо, тогда же и перевез на территорию Пиренейского полуострова свою семью [34, р. 215].

Именно в Испании и началась военная карьера молодого де Фурнаса. Шестого октября 1799 г. (по другим данным, 6 или 11 октября 1800 г.) он был определен кадетом в испанскую королевскую гвардию, в Вал-

лонский гвардейский полк. Позже, 6 декабря 1805 г., ему будет присвоен чин младшего лейтенанта с чином капитана в армии, который впоследствии подтвердит Людовик XVIII. Любопытно, но иногда указывают, что с 7 октября 1803 г. по 1 января 1806 г. он находился в отпуску, то есть не в рядах своего полка (получив повышение по службе).

Часто также упоминается, что в 1808 г. он вернулся во Францию и 1 апреля или 1 ноября 1809 г. был исключен из полковых списков своего полка. Тем не менее имеются и иные материалы, свидетельствующие об обратном: с 1802 по 1813 г. Виктор де Фурнас вместе с Валлонским гвардейским полком находился в составе испанской армии и лишь в 1814 г. изъявил желание войти в состав Королевской армии Юга [23]. К сожалению, отсутствие третьих независимых источников не дает нам возможности склониться к одному из приведенных положений.

Впрочем, данные по масонским ложам 1811—1813 гг. г. Каркассона косвенно подтверждают, что шевалье де Фурнас не принимал участия в войне на Пиренеях 1808—1814 гг. Прежде всего его отец барон де Фурнас с 1811 по 1813 г. [22] был членом ложи «Совершенная Дружба и Командоры Святилища» (*La Parfaite Amitié et les Commandeurs du Temple*)¹. Сам же Виктор-Франсуа-Жозеф де Фурнас вслед за своим отцом в возрасте 27 лет 5 мая 1811 г., будучи уже землевладельцем, также вошел в эту ложу [24] — правопреемницу одной из самых старых лож, открытых на территории Каркассона еще 31 декабря 1744 г. [47, р. 54]. Любопытно, но в ту же самую ложу 20 декабря 1811 г. будет принят и слуга шевалье де Фурнаса — некий Раймон Галибер (*Galibert*) [26]. Таким образом, совокупность данных позволяет нам прийти к выводу, что изображенный Буальби офицер вернулся во Францию в обозначенный период, воспользовавшись амнистией для эмигрантов, объявленной в начале Консулата [13, 3e série, t. 6 (№ 171 à 219), р. 107—112 (№ 1401)]. Подобным образом поступали и многие другие эмигранты, в конце 1790-х гг. изъявившие желание служить испанским Бурбонам [52, р. XXIV—XXV].

В любом случае в источниках указывается, что Виктор де Фурнас отличился в период кампании 1802 г. в Португалии, «где, будучи кадетом или первым солдатом, сразу же после осознания того, что все офицеры и унтер-офицеры его роты погибли принял командование и первым ворвался в город Кампу-Майор в Португалии». В его послужном списке отмечается также, что «господин генерал Де Кар (в оригинале — *Descard*; речь идет о Амеде-Франсуа Режи́се де Перю́ссе, герцоге де Каре (*de Pérusse, duc des Cars* (1790—1868). — *Д. Г.*) дважды направлял его на выполнение важных и опасных миссий (видимо, речь идет о 1815 г. — *Д. Г.*), кои, к удовлетворению сего старшего офицера, были им исполнены» [23].

Следующий этап службы шевалье де Фурнаса связан с 1-й ротой мушкетеров, но поскольку выше уже дана имеющаяся в нашем распоряжении информация об этом времени его службы и наградах, то перейдем к следующему. Во время «Ста дней» этот офицер вошел в состав Бельгийской армии, а позже в Королевскую армию Юга. Период 2-й Реставрации стал для него, как и для многих роялистов, вполне благо-

¹ Часто в литературе ее название ошибочно воспроизводится как «Дружба и Командоры Святилища» (*L'Amitié et les Commandeurs du Temple*) или «Дружба и Командоры» (*L'Amitié et les Commandeurs*) [14].

приятным. Однако стоит оговориться, что, к сожалению, в выявленных нами документах 1815—1816 гг. по-прежнему сохраняется определенная путаница в датах получения шевадье де Фурнасом того или иного чина. Так, в одних материалах указывается, что 1 июля 1815 г. он был определен с чином подполковника в Ангулемский (17-й) конно-егерский полк (с 1816 г. Пиренейский конно-егерский полк); в других — что лишь 26 июля 1815 г. он вошел в состав данного полка, да и то с чином майора; в третьих значит, что де Фурнас был назначен в полк майором, но с чином подполковника. Так или иначе, позже 20 апреля 1816 г. он был определен с сохранением чина подполковника в ряды Морбианского (14-го) конно-егерского полка, а 3 октября 1823 г. в возрасте 40 лет получил эполеты полковника и был направлен в конно-егерский полк Соммы (№ 19), во главе которого и участвовал в Испанской экспедиции 1823 г. Тогда же, 26 сентября 1823 г., Фурнас получил кавалерский крест Королевского и военного ордена Святого Людовика. Судя по французским данным, спустя несколько месяцев, 23 ноября 1823 г., он также был награжден Королевским военным орденом Сан-Фернандо 2-го класса с лавровым венком. Тем не менее в испанских материалах фигурирует иная дата: 24 декабря 1827 г. [17, р. 362]. Видимо, в данном случае речь идет о получении или подписании патента на сам орден. Также 29 октября 1826 г. Фурнас был удостоен офицерского креста ордена Почетного Легиона уже в ранге полковника 7-го драгунского полка (определен на этот пост 1 января 1826 г. в период расформирования полков). После июльских событий 1830 г. 1 августа 1830 г. (по другим данным, 6 августа) Виктор де Фурнас, полковник 7-го драгунского полка, был бессрочно уволен с военной службы, а 11 сентября 1830 г. окончательно заменен и исключен из полковых списков. Тогда же по королевскому постановлению от 27 октября 1830 г. ему был назначен пенсион.

Приходится с сожалением констатировать, что нам не удалось обнаружить дополнительных материалов, которые пролили бы свет на его дальнейшую военную и гражданскую карьеру. Известно лишь, что 17 мая 1841 г. в 2 часа утра де Фурнас в возрасте 58 лет скончался в своем имении Ля Сэньур (La Seignoure) (Бран, Од), не оставив после себя потомства и будучи холостяком [9, № 17 — Acte de décès de Fournas, de la Brosse, Victor, François, Joseph, le 17 mai [1842]].

Но при всем недостатке источников данный портрет, как и биография самого шевадье де Фурнаса позволяет исследователю изменить точку обзора и дает возможность лучше представить положение «Красных рот» и Военной свиты Короля в целом в период Первой реставрации. Также важно, обращаясь к корпусу мушкетеров в 1814—1815 гг. отказаться от параллелей с их предшественниками Старого порядка, не говоря уже о позднем литературном ореоле [41].

Прежде всего, приведенная биография шевадье де Фурнаса перечеркивает роялистскую легенду, традиционно сводящуюся к противопоставлению Франции эпохи Первой империи и Реставрации и девальвирующую все начинания Наполеона. Так, один из офицеров-роялистов пишет на страницах воспоминаний: «Критика, которой нас подвергли, была крайне несправедливой, ведь мушкетеры были некоей военной школой, откуда выходили в линию со своим чином. При этом Наполеон,

дителя Революции, когда он желал кого-то видеть в рядах своей гвардии, тут же определял в нее и ее ряды покидали с более высоким чином в линии. В результате сего старые солдаты были принесены в жертву галопирующим извивающимся щеголям (*caracoleurs*) нового двора, тем бабочкам, коих всегда влечет новая звезда и кои исчезают, когда она закатывается за горизонт» [27, р. 189].

Однако служба шеваляе де Фурнаса говорит об обратном, подтверждая, напротив, слова бывших офицеров армии «узурпатора», что «большинство людей никогда ранее не служивших, были назначены сулейтенантами в войска (синие, красные или зеленые [роты] свиты Короля» [16, р. 257]. Что касается императорской гвардии, то она, если не считать отдельные ее части (к примеру, велитов) [45, р. 275–286], изначально не был «кузницей кадров» для остальной армии. Скорее она была в период Первой империи той силой, которая с момента ее создания в 1804 г. все более и более стремилась поглотить все лучшее из линии.

Итак, в 1814 г., как и в период Старого порядка [2, р. 71–83], при определении в военную свиту имя, деньги, монаршая милость и пр. были определяющими факторами, что же касается профессиональных качеств, то они в это время отошли на третий-четвертый план [4, р. 67–73]. Последнее и привело в итоге к расформированию красных рот после «Ста дней» и показало всю их «эффективность» в 1815 г. в период вызова [53, р. 35–36, 43–44].

Тем не менее в этом же ключе важно проанализировать и изображенную Буальби униформу, посмотрев на нее не только с традиционных позиций лозунга и фактической доктрины Реставрации «единения и забвения» (*union et oubli*) [51, р. 67–69], прочитывающихся здесь как восстановление старых королевских эмблем, но и с позиции расходов на ее изготовление.

Благодаря воспоминаниям Тома-Жака сеньора Гуаляра шеваляе де Вильбрема (*Goislard de Villebresme, Vilbrème*) [5, р. 222–223] мы можем представить стоимость формы для общества и малой формы Фурнаса¹, показанной на анализируемом портрете. Итак, мундир малой формы — 178 франков 50 сантимов; шитые контр-погоны — 3 франка; плащ — 226 франков 65 сантимов; панталоны из белого казимира — 48 франков; панталоны из серого сукна — 45 франков; кожаные панталоны — 45 франков; шляпа с черным плюмажем — 59 франков; эполеты, аксельбанты, темляк — 175 франков; шпага — 50 франков; португеза, обшитая золотым галуном, и пряжка — 88 франков; кожаная португеза — 13 франков; сабельные ножны — 5 франков; две пары сапог — 96 франков; шпоры — 9 франков; кавалерийский чемодан — 42 франка 90 сантимов; мундштук — 16 франков; кокарды, ленты, конский волос (для каски) — 17 франков; седло и снаряжение — 553 франка 50 сантимов; седельное покрывало (выполняло две функции: покрывала и потника. — Д.Г.) — 72 франка; парадный недоуздок — 7 франков; лошадь — 1000 франков [27, р. 188–189].

¹ Во избежание путаницы отметим, что форма для общества, в отличие от малой формы, не была предназначена для конного строя и не предполагала ношение сабли, панталон и сапог. Также здесь учитываются лишь те элементы, которые были частью только данных форм.

При этом сам шевадье де Вильбрем, давая этот список вещей, делает крайне важную для нас ремарку, когда вновь проводит параллели между королевскими формированиями 1814 г. и старыми полками императорской гвардии: «В конце концов, даже если наша униформа была столь дорогой, сколь и изящной, не стоит забывать, что она покупалась на наши средства, тогда как не менее прекрасная [форма] гвардии Наполеона оплачивалась государством» [27, р. 188].

Между тем данная позиция одного из бывших мушкетеров также не выдерживает критики. Необходимо, во-первых, учитывать королевский ордонанс от 15 июня 1814 г. об образовании 1-й и 2-й рот мушкетеров, в котором четко были определены жалование¹ и система комплектования. Так, жалование простого мушкетера составляло 600 франков в год, бригадира — 1200 франков, вахмистра — 1 800 франков, а су-лейтенант в год должен был получать 4000 франков [13, 5e série, t. 2 (№ 30 à 69), р. 14 (№ 211)]. Также предполагалось, что бригадиром может быть назначен лишь тот, кто имеет чин капитана в линии и три года прослужил в одной из рот мушкетеров [13, 5e série. Т. 2 (№ 30 à 69), р. 10—11 (№ 211)].

Во-вторых, офицерский корпус гвардейских полков Наполеона также покупал униформу и экипировку на свои средства, при этом (не касаясь хорошо известных сюжетов об организации императорской гвардии [45, р. 523—524]) жалование и цена на вещи были в несколько раз меньше, чем в том же корпусе мушкетеров. В последнем случае важно привести данные 1813—1814 гг. по бывшему 2-му (голландскому) полку швоже-лево-лансьеров, единственному кавалерийскому полку императорской гвардии, отличительным цветом которого был красный.

Прежде всего 15 июля 1812 г. было определено жалование для 2-го полка, прозванного «Красными лансьерами»². Согласно этому документу, 2-й лейтенант должен был получать 200 франков в месяц, старшему вахмистру полагалось 2 франка 50 сантимов в день, дневное жалование вахмистров и фурьеров составляло 2 франка, бригадира — 1 франк 50 сантимов, а простому швожежеру полагалось 90 сантимов в день [40, № 15 — 2.e et 3.e Régiments de Cheval-Légers Lanciers].

Что же касается расходов на униформу в офицерском корпусе 2-го полка, то их мы можем представить благодаря материалам, связанным с шефом эскадрона (с 21 июня 1813 г.) Юбером-Жозефом-Жаном Лямбером де Стюэрсом (de Stuers).

Итак, Стюэрс по случаю его производства в чин шефа эскадрона приобрел следующие вещи в конце июня 1813 г.: новую куртку (мундир), стоимость которой составляла 115—124 франка; походные панталоны по цене в 85—88 франков; шаривари (pantalon de peau) за 10—12 франков; редингот (sarote) синего сукна за 120—130 франков; галстук по цене в 4 франка; шапку (chapeau d'uniforme) за 36 франков; султан (panache) за 3 франка; чехол для султана (fourreau de plumet) за 3 франка; этишкет

¹ Мы учитываем здесь лишь простых мушкетеров, унтер-офицеров и су-лейтенантов.

² Более поздние министерские положения мы здесь не учитываем, намеренно акцентируя на периоде апогея существования Первой империи и самой императорской гвардии.

за 80 франков; чехол на шапку за 11—12 франков; эполеты шефа эскадрона за 160 франков; аксельбант за 130 франков; лядунку за 155 франков; чехол на лядунку за 6 франков 50 сантимов; парадную сабельную португую с пряжкой за 108 франков; темляк с кистью из канители (*dragonne à bouillons*) за 24—27 франков; пару шпор за 6 франков и чемодан за 33 франка [15, 1813, le 22 juin].

Сопоставление всех приведенных данных позволяет говорить, что расходы на военную свиту не уступали императорской гвардии, а в чем-то и превосходили ее, при том, что состояние финансов Франции не позволяло содержать в должном состоянии саму армию [29, p. 686—687]. Сама же военная свита в рассматриваемый нами период стремилась воспроизвести тот тип иерархических отношений, который был присущ армии Старого порядка [3, p. 53—138]. Все это подтверждает хорошо известный тезис, что военная свита короля стала одним из ярких символов Первой реставрации Бурбонов [21, Vol. 2, p. 638].

Наполеон же, напротив, не мог себе позволить в подобном ключе реорганизовывать свою императорскую гвардию, даже в период так называемого апогея существования Первой империи в 1809—1812 гг. (при всех возможных оговорках). Конечно, наполеоновская Франция к 1809—1810 гг. полностью и окончательно «облачится в имперские одежды» [35, p. 259] и будет как никогда походить на остальные европейские монархии¹. Однако при всем этом резкого и полного отказа от достижений Республики тогда так и не произошло. С одной стороны, активно шли процессы, схожие с процессами периода Старого порядка (бракосочетание Наполеона и Марии-Луизы и, как следствие, союз с католической Австрией в стиле политики Людовика XV), а, с другой — сохранялась невозможность полной трансформации в классическую монархическую систему, как в XVIII столетии, что особенно хорошо видно при изучении эволюции эмблематических форм (отказ от шефства в линейных полках, от новых неклассических типов знамен, белой униформы и от создания полка Гюр дю Кор и гвардии Римского короля) [18, p. 133—135; 31, p. 33—34; 33, p. 18; 39; 44; 48, №№ de Feuilles: 136—147; 55, p. 55—60].

Роль же императорской гвардии в период апогея существования империи, первой национальной империи, расширяясь и трансформируясь, свелась фактически к следующему: к главной военной опоре власти Наполеона. Тем более что проект создания военной свиты Императора в стиле королевского дома Бурбонов периода Старого порядка так и не был реализован, и императорская гвардия соответственно выполняла сразу две функции — военной свиты и гвардии таковой [10, p. 120—124, 291—294; 11, p. 209—210]. Последнее объясняет также положение императорской гвардии на поле боя (главный резерв армии); и данное положение в свою очередь, необходимо отметить, эволюционировало вместе с самой Первой империей [32, p. 16—17; 54, p. 115].

Все вышесказанное подтверждает тезис, что Первая империя и ее институты, несмотря известные результаты правления и усиления власти

¹ Что стало, к примеру, одной из причин известных событий 23 октября 1812 г. в Париже (заговор бывшего республиканского генерала Клода-Франсуа Мале (*Malet*)) [36, p. 267—268].

«императора французов», были более гибкими системами, сочетавшими в себе новое и старое начало, как и то, что, прибегая к образному выражению члена Французской академии Франсуа Фюре, — у Старого порядка есть конец, но отсутствует рождение. Революция же обладает [датой] рождения, но не имеет конца» [25, р. 16].

Подводя итоги, необходимо отметить, что через яркий портретный образ, созданный Буальи, и через реперную точку биографии изображенного можно лучше понять механизм работы первой национальной империи во Франции и определить явные ошибки политики правительства Бурбонов в отношении одного из институтов государства (армии), а с другой стороны, затронуть вполне традиционные сюжеты: двойственное положение бывшей императорской армии в период Первой реставрации [1, р. 62], негативное восприятие французской армией начинаний совершенно «неизвестного» для нее (в прямом и переносном смысле) Людовика XVIII [6, р. 541–542, 550–552], новый виток формирования наполеоновской легенды и протестных настроений в военной среде [30, р. 282–288] и, как следствие, успех «полета орла» в 1815 г. и складывание предпосылок «белого террора» [20, р. 25–37].

Проведя идентификацию образа шевалье де Фурнаса, мы не только смогли «актуализировать» анализируемый фигуративный источник, обрести полноту его восприятия и т. д., но и попытались посмотреть на важные исторические процессы через изображение и биографию портретируемого в конкретный период — время написания портрета Буальи (эпоху Первой реставрации). Важно, таким образом, продолжать работу в этом направлении, вводя в научный оборот новые источники и обращаясь к старым источникам, уточняя и расширяя наши представления о периоде начала Нового времени, что позволяет не только решать задачи, лежащие в поле источника и истории искусств, но выходить за рамки самого анализируемого материала.

Список источников и литературы

1. *Anne T.* Mémoires, souvenirs et anecdotes sur l'intérieur du palais de Charles X et les événements de 1815 à 1830 : en 2 t. P., 1831. T. 1.
2. *Blin M.* Les Gardes de la Porte du Roi. Etude institutionnelle et sociale. Dictionnaire biographique / préface d'A. Maral ; avant-propos de T. Sarmant. P., 2016.
3. *Bodinier G.* Les Officiers de l'armée royale: combattants de la guerre d'Indépendance des États-Unis: de Yorktown à l'an II. Vincennes, 1983.
4. *Bodinier G.* Les gardes du corps de Louis XVI : étude institutionnelle, sociale et politique, dictionnaire biographique / préf. de J. Chagnot. [Vincennes]-Versailles, 2005.
5. *Bodinier G.* Dictionnaire des officiers de l'armée royale qui ont combattu aux États-Unis pendant la guerre d'Indépendance : 1776–1783. Suivi d'un supplément à «Les Français sous les treize étoiles» du commandant André Lasseray. 4e éd. augm. et corr. [Vincennes]-Versailles, 2005.
6. *Bodinier G.* Les officiers du Consulat et de l'Empire. [Saint-Cloud], 2014.
7. *Boilly, Louis-Léopold* (1783–1864). Portrait d'un mousquetaire gris en tenue de ville (vers 1814–1815, huile sur toile, 21,6 x 16,5 cm), in: Paris, Musée Marmottan Monet. Fonds: Peintures, № d'invent.: 1129.

8. *Boullier P.-J.-B.* Histoire des divers corps de la maison militaire des rois de France, depuis leur création jusqu'à l'année 1818. P., 1818.
9. *Bram.* Actes de naissance, mariage, décès, 1839–1842 // A.D. Aude. 100NUM/5E49/23.
10. *Branda P.* Napoléon et ses hommes: la Maison de l'Empereur, 1804–1815. P., 2011.
11. *Branda P.* Les secrets de Napoléon. P., 2013.
12. *Bréton E., Zuber P.* Léopold Boilly: le peintre de la société parisienne de Louis XVI à Louis-Philippe / assistés par A. Yacob : en 2 vols. P., 2019.
13. *Bulletin des lois de la République française [puis du Royaume de France].* P., 1795–1815. 1re – 5e série.
14. *Calendrier pour l'année maçonnique 5813, à l'usage de la R. L. de la parfaite amitié et des commandeurs du temple réunis.* Carcassonne, 1812.
15. *Calepin de routes de Hubert de Stuers* // Stichting Familiearchief Victor de Stuers — Stichting Familiearchief Victor de Stuers (Landgoed de Wiersse).
16. *Castellane E.-V.-É.-B. de.* Journal du maréchal de Castellane, 1804–1862 / [publié par la comtesse de Beaulaincourt, née Castellane, et P. Le Brethon]. 3ème éd. : en 5 t. P., 1895. T. 1.
17. *Ceballos-Escalera y Gila A. de, Isabel Sánchez J.L., Cevallos-Escalera y Gila L., de.* La Real y militar orden de San Fernando. Madrid, 2003.
18. *Charrié P.* Drapeaux et étendards de la Révolution et de l'Empire. P., 1982.
19. *Cosse-Brissac R.-M.-T. de.* Historique du 7e régiment de Dragons / illustrations de L. Vallet, J. de Cosse-Brissac. P., 1909.
20. *Denis V., Grenet M.* Armée et (dés)ordre urbain pendant les Cent-Jours à Marseille: le "massacre des Mamelouks" en juin 1815 // Revue historique des armées (RHA). 2016. № 283. P. 25–37.
21. *Dictionnaire Napoléon* / sous la dir. de J. Tulard : en 2 vols. [P.], 1999. Vol. 2.
22. *Fournas de Fabresan, père* // Bibliothèque nationale de France (BnF). Département des Manuscrits. Fonds maçonnique. Fichier Bossu. Cote 124 (Fortin-Fournier).
23. *Fournas [de la brosse] de fabrezan de (Victor, François, Joseph)* // Centre d'accueil et de recherche des Archives nationales (C.A.R.A.N.) LH/1013/42.
24. *Fournas, Victor, François, de* // BnF. Département des Manuscrits. Fonds maçonnique. Fichier Bossu. Cote 124 (Fortin-Fournier).
25. *Furet F.* Penser la Révolution française. [P.], 1978.
26. *Galibert, Raimond* // BnF. Département des Manuscrits. Fonds maçonnique. Fichier Bossu. Cote 131 (Gaillard-Gambier).
27. *[Goislard de] Villebresme T.-J.* Souvenirs du chevalier de Villebresme : mousquetaire de la garde du roi, 1772–1816. Guerre d'Amérique, émigration / publiés pour la première fois par le vicomte M. de Villebresme. Paris-Nancy, 1897.
28. *Gorchkoff D.* Portrait inconnu d'Armand-Charles-Louis Le Lièvre de La Grange (1783–1864) par Louis-Léopold Boilly (1761–1845) au musée de l'Ermitage // Le Briquet. 2019. № 2. P. 19–27.
29. *Histoire militaire de la France* / sous la direction de H. Drévillon et Ol. Wiewiorka : en 2 t. P., 2018. T. 1.
30. *Houssaye H.* 1815. La Première Restauration — le Retour de l'île d'Elbe — les Cent jours. 7ème éd. revue. P., 1893.
31. *Housset G.* La Garde d'honneur de 1813–1814: histoire du corps et de ses soldats. P., 2009.

32. *Juhel P.O.* La Garde impériale pendant les Cent-Jours, 1815, de l'île d'Elbe à Waterloo: organisation, habillement, équipement et armement de la dernière Garde de Napoléon / illustrations originales de K. Rocco, infographie de P. Bund. Annecy-le-Vieux, 2009.

33. *Juhel P.O.* L'habit blanc // Soldats napoléoniens. 2006. № 11. P. 4—19.

34. *La Roque L. de.* Armorial de la noblesse de Languedoc : Montpellier : en. 3 t. 1860. T. 1.

35. *Lentz T.* L'homme Napoléon et le tournant de 1810 // 1810. Le tournant de l'Empire / sous la direction de T. Lentz. Actes du colloque des 8 et 9 juin 2010. P., 2010. P. 259—262.

36. *Lentz T.* La conspiration du général Malet. 23 octobre 1812. Premier ébranlement du trône de Napoléon. P., 2012.

37. *Lepage P.-J., Parrot P.* Historique du 19e régiment de chasseurs, 1792—1892. Lille, 1893.

38. *Liévyns A., Verdout J.-M., Begat P.* Fastes de la légion-d'honneur: biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre : en 5 vols. P., 1844—1847. Vol. 4.

39. *Mathieu R.* Un projet de création de Garde du Roi de Rome en 1814 // Revue des études napoléoniennes. 1933. XXIIe année. T. 36. P. 25—27.

40. *Ministère de la Guerre — Ire Division.* Bureau de la Garde Impériale. Garde Impériale. Tarifs de la Solde et des Indemnités, le 15 juillet 1812 (Paris) // S.H.D./GR, Sous-Série 2 X 134.

41. *Mousquetaires !* Catalogue de l'exposition, publ. à l'occasion de l'exposition éponyme organisée par le Musée de l'Armée à l'Hôtel des Invalides, Paris, 2 avril-14 juillet 2014 / sous la direction d'Olivier Renaudeau. [P.], 2014.

42. *Moussoulens.* Actes de baptême, mariage sépulture (1762—1792) // Archives départementales de l'Aude (A.D. Aude). 100NUM/AC259/1E2.

43. *Moussoulens.* Tables des baptêmes, mariages, sépultures (1692—1792) // Archives départementales de l'Aude (A.D. Aude). 100NUM/AC259/1E3.

44. *Pawly R., Croyet J.* Le régiment d'infanterie de l'impératrice ou comment certains officiers espéraient renouer avec les traditions de l'Ancien Régime // Soldats napoléoniens — Nouvelle Série. 2012. № 5. P. 61—63.

45. *Pigeard A.* La Garde impériale, 1804—1815. P., 2005.

46. *Potier de Courcy P.* Nobiliaire et armorial de Bretagne. 3e éd. originale, rev., corr. et augm. : en 3 t. Rennes, 1890. T. 3.

47. *Rebold E.* Histoire des trois grandes loges de francs-maçons en France, le Gr :: Orient, le Sup :: Conseil, la Gr :: Loge nationale. P., 1864.

48. *Recueil de documents administratifs pour servir à l'histoire du premier Empire.* XXI — Garde impériale, Part. I // BnF. Département des Manuscrits. Cote FR 6597.

49. *Régiment (Mousquetaires Gris, 1ère Compagnie).* Registre des Services successifs de MM. les Officiers // Service Historique de la Défense (S.H.D.) / GR, Sous-série 2 Y^b 1214.

50. *Saint-Allais N. de.* L'Ordre de Malte, ses grands maîtres et ses chevaliers. P., 1839.

51. *Skuy D.* Assassination, politics, and miracles: France and the royalist reaction of 1820. Montréal, 2003.

52. *[Tardieu] de Maleissye A.-C.-M.-A. de.* Mémoires d'un officier aux gardes françaises (1789—1793) / publiés par M. G. Roberti. P., 1897.

53. *Titeux E.* Histoire de la maison militaire du roi de 1814 à 1830: avec un résumé de son organisation et de ses campagnes sous l'ancienne monarchie, et 84 dessins en couleurs, hors texte : en 2 t. P., 1890. T. 1.

54. *Tulard J.* Napoléon, chef de guerre. P., 2015.

55. *Vial C.-É.* Marie-Louise. P., 2017.

Об авторе

Дмитрий Игоревич Горшков — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина (Захарово-Вязёмы), Россия.

E-mail: le84e-regiment@mail.ru

The author

Dr Dmitrij I. Gorshkov, Senior Researcher, Pushkin's State History and Literature Memorial Estate, Russia.

E-mail: le84e-regiment@mail.ru

С. А. Фостова

ПИСАТЕЛЬ СЕРГЕЙ СНЕГОВ
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(1950—1970-е ГОДЫ)¹

На основе не исследованных ранее архивных документов и материалов региональной прессы рассматриваются история создания «романа о Калининграде» С. А. Снегова «Ветер с океана» и его исторические сюжеты. С помощью анализа протоколов заседаний областного отделения Союза писателей и редакционных советов Калининградского книжного издательства, а также рецензий писателей на несколько вариантов рукописи выявляется механизм использования художественной литературы как инструмента политики памяти. Сопоставление нескольких вариантов рукописи между собой, а также с опубликованным текстом произведения позволили реконструировать изначальный замысел романа и его изменения в ходе редакторских правок, устранения замечаний и действия самоцензуры на протяжении одиннадцати лет. Заказав известному писателю С. А. Снегову роман по современной тематике, региональное издательство и руководство местной писательской организации тщательно отслеживали и корректировали характер представления автором довоенной истории города и образы советского Калининграда. В условиях отсутствия утвержденного регионального исторического нарратива и из-за опасений допустить политические ошибки надзирающие инстанции вынудили автора отказаться от нескольких посвященных истории края сюжетных линий. В результате этого произведение, изначально задуманное как рассказ о судьбах города и его жителей в прошлом и настоящем, превратилось в традиционный для советской литературы производственный роман, повествующий о достижениях и проблемах океанического лова и повседневной жизни калининградских рыбаков.

On the basis of previously unexplored archival documents and materials of the regional press, the author considers the history of the creation of the "novel about Kaliningrad" by S. A. Snegova "Wind from the Ocean", as well as the historical plots of the work. By analyzing the minutes of the meetings of the Kaliningrad branch of the Writers' Union, the editorial councils of the Kaliningrad book publishing house and reviews of writers on several versions of the manuscript, the mechanism of using fiction as a tool for the politics of memory is revealed. Comparison of several versions of the manuscript with each other, as well as with the published text of the work, made it possible to reconstruct the original concept of the novel and its changes in the course of editorial

¹ Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

changes, comments and self-censorship over the course of eleven years. Having ordered the famous writer S. A. Snegova, a novel on contemporary topics, the regional publishing house and the leadership of the local writers' organization carefully monitored and adjusted the character of the author's presentation of the pre-war history of the city and the images of Soviet Kaliningrad. In the absence of an approved regional historical narrative and fears of making political mistakes, the oversight authorities forced the author to abandon several storylines devoted to the history of the edge. As a result, the work, originally conceived as a story about the fate of the city and its inhabitants in the past and present, turned into a production novel, traditional for Soviet literature, telling about the achievements and problems of ocean fishing and the daily life of Kaliningrad fishermen.

Ключевые слова: история Калининградской области, политика памяти, советская художественная литература, С. А. Снегов

Keywords: history of the Kaliningrad region, politics of memory, Soviet fiction, S. A. Snegov

Политика памяти в Калининградской области в советский период характеризовалась главным образом отрицанием немецкого наследия на фоне утверждения в духе палимпсеста в городском пространстве и публичном дискурсе новых советских символов и смыслов [10; 13; 14]. Политика памяти влияла на интерпретацию истории края, особенно довоенную: последняя была сокращена до справочной информации об успехах русского оружия на территории Пруссии. Такой нарратив транслировался посредством музейных экспозиций, пропагандистских лекций, немногочисленных краеведческих изданий и туристических путеводителей. Большинство названных проявлений политики памяти в той или иной степени были предметом исследования специалистов, чего нельзя сказать о художественной литературе, которая, по справедливому замечанию И. О. Дементьева, «пользуется меньшим признанием со стороны исследователей» [9, с. 63].

Художественная литература как исторический источник неоднократно рассматривалась в отечественной историографии (напр., [1; 11; 18; 19; 26]). Изучение процесса создания литературных произведений, затрагивающих историческую тематику, обогащает наше знание как о механизмах внешнего воздействия на писателя, так и о специфике проводимой властями политики памяти.

Целью настоящей статьи является изучение характера взаимодействия творческого работника и подконтрольных государству институтов на примере создания писателем С. А. Снеговым романа «Ветер с океана» как элемента политики памяти в Калининградской области.

Исследование выполнено на основе документов Калининградского отделения Союза писателей РСФСР и личного фонда С. А. Снегова в Государственном архиве Калининградской области, а также периодической печати и материалов семейного архива писателя, доступ к которым был предоставлен потомками писателя Е. С. Ленским и Т. С. Ленской.

В статье используются общеисторические методы исследования. Среди них следует выделить метод сравнения, применявшийся при сличении двух версий черновиков романа (архивного и находящегося в распоряжении семьи писателя). При отсутствии самой первой рукописи возникла необходимость так или иначе обращаться к ретроспективному методу. Кроме того, следует отметить важный в силу специфики темы биографический метод, который способствует лучшему пониманию происходивших процессов.

В поисках сюжета

Роман «Ветер с океана» в творческой биографии С.А. Снегова почти не упоминается. Сам писатель вошел в историю отечественной литературы в первую очередь как фантаст, а не исторический романист. После переезда в Калининград в 1956 г. и публикации повести «В полярной ночи» (1957) в ведущем литературном журнале страны «Новый мир» С.А. Снегов стал одним из ведущих членов новообразованного Калининградского отделения Союза писателей СССР¹.

В 1960 г. С.А. Снегов возглавил один из семинаров на первом совещании молодых и начинающих литераторов в Калининграде. На этом собрании руководитель писательской организации К.С. Бадигин объявил, что С.А. Снегов интересуется темой «индустриального строительства и творческого решения связанных с этим технических проблем» [6, д. 2, л. 4]. Не все его произведения признавались удачными, а вскоре заведующая отделом пропаганды и агитации областного комитета КПСС Цветкова и вовсе настоятельно порекомендовала С.А. Снегову побыстрее переключиться на местный материал, так как он «все еще живет под впечатлением от Севера»². Затем подобный укор прозвучал из уст К.С. Бадигина, заключившего, что «Снегов в какой-то мере начинает перепевать себя, повторяться» [Там же, л. 96; д. 14, л. 13].

Справедливости ради следует отметить, что игнорирование местной тематики было свойственно не только С.А. Снегову. В апреле 1962 г. секретарь обкома партии Д.Н. Никитина подчеркивала, что в Калининграде не появилось ни одного серьезного произведения о современнике ни в канун XXII съезда КПСС, ни после его проведения [6, д. 14, л. 14].

Пропуском в местную литературу для писателя стали морские сюжеты. Не реализовав идею написать книгу о калининградских рыбаках, заявленную в том же 1962 г., С.А. Снегов спустя четыре года по просьбе Калининградского драматического театра подготовил пьесу «А мы — рыбаки». Судя по основным сюжетным линиям этого драматического произведения, именно оно послужило прообразом будущего романа «Ветер с океана». Однако коллеги писателя оценили пьесу невысоко. Ю.Н. Иванов посчитал ее шаблонной, а В.П. Ерашов отметил: «Пьеса родилась не от жизненных наблюдений, а от голой схемы, сконструиро-

¹ В 1967 г. преобразовано в Калининградскую писательскую организацию.

² Работница обкома намекала на пребывание осужденного в 1936 г. писателя на Соловках и Норильске, где он оставался жить и после освобождения вплоть до реабилитации в 1955 г.

ванной за письменным столом. Схема так и не стала живой плотью. Люди в ней картонные, неживые, неумные» [Там же, д. 44, л. 6–9]. Несмотря на критику, пьеса была рекомендована к постановке.

Обращению к локальным темам способствовало и то, что с 1964 г. С. А. Снегова на несколько лет перестали печатать. Поводом тому послужил очерк журналистки Б. Боде в западногерманском издании «Остойропа» («Osteuropa») о новинках советской литературы. В обзор вместе с произведениями В. Некрасова, Б. Окуджавы и других попала повесть С. А. Снегова «Иди до конца» [22], в которой упоминался Христос. В свою очередь публикацию в германском журнале прокомментировала газета «Литературная Россия», написавшая, что С. А. Снегов «порадовал и обнадежил автора обзора (Б. Боде. — С. Ф.) темой Христа и христианского всепрощения, как философии, могущей, как ей кажется, заменить коммунистическую философию» [20, с. 11]. Этих строчек оказалось достаточно для того, чтобы, по выражению сына писателя Е. Ленского, отец «попал в черные списки» [16, л. 4].

Социальный заказ

Впервые о том, что Сергей Снегов сделал заявку на «калининградскую» повесть — «широкое полотно о жизни нашего города в пятидесятых-шестидесятых годах» [6, д. 44, л. 96], упоминается в отчете о работе писательской организации за 1966 г. Учитывая дефицит литературы о крае, книжное издательство решилось на беспрецедентный в своей практике случай прямого заказа романа у писателя, о чем сказал будущий глава издательства А. М. Старцев: «Это первый случай, когда мы заказали автору такую серьезную вещь. Это был риск и для издательства, и для автора. С. А. Снегов пошел нам навстречу» [5, д. 131, л. 13]. Этот жест также свидетельствовал о большом доверии к приезжему писателю. Впоследствии сам автор называл эту затею не иначе, как «социальный заказ на роман о Калининграде» [6, д. 79, л. 18].

Несмотря на тесное сотрудничество писателя и издательства, с момента заявки романа и до его публикации прошло 11 лет. Столь долгий срок, с одной стороны, можно объяснить тем, что автор часто переписывал свои тексты по несколько раз. С другой стороны, работа тормозилась из-за сложности и деликатности темы — истории Калининграда. К 1972 г. автор написал пять версий романа, и все равно, по его словам, «издатели легче печатают книги о чем угодно, чем о нашей земле». Такого же мнения придерживались писатели Ю. Иванов и А. Соболев, говоря о том, что «издательство на местную тему смотрит косо. <...> Социальный заказ — не в моде» [Там же, л. 18-19]. В условиях неоднозначности трактовки истории края издательство не хотело лишний раз рисковать.

До публикации романа С. А. Снегова на основе местного материала было завершено и, судя по протоколам писательской организации, находилось в разработке около десяти литературных произведений, посвященных событиям Восточно-Прусской операции 1945 г., послевоенному восстановлению городов и хозяйственному освоению края. Их герои, описываемые события и заложенные авторами смыслы должны были вписываться в рамки текущего политического курса для того, чтобы вы-

йти в свет. Так, например, по словам рецензента рукописи «Околоморье мое» П. Воробьева (опубликована в 1971 г.) В. М. Черносвитова, советские авторы были призваны дать отпор «западногерманским писакам» и их попыткам «выставлять нас не как восстановителей исторической справедливости, а как захватчиков чужих земель» [Там же, д. 62, л. 35]. Учитывать актуальный политический контекст нужно было и С. А. Снегову.

Автор скрупулезно подходил к сбору материала для своих произведений. Он, будучи человеком с широким кругозором, который своими глазами видел Калининград 1950-х гг., решает создать произведение, чтобы, по словам его дочери Т. С. Ленской, «показать [историю] жестко и реалистично, “показать правду”». Сам С. А. Снегов на собрании писательской организации 1969 г. упоминал, что подолгу сидел в архиве и «изучал приказы 45–47 годов, которые идут под грифом “секретно”», «встречался с командирами тех лет» [6, д. 62, л. 50–51].

Черновик рукописи, которая хранится в архиве, состоит из трех частей и насчитывает 796 листов машинописного и рукописного текста [7, д. 5–7]. Важно также зафиксировать, что у романа несколько раз менялось название: первоначально он фигурирует в документах как «Калининградская повесть» (1966), затем «Балтийская повесть» (1967), «Из дыма и пепла» (1968), «Город у моря» (1969), «Город в океане» (1969), «Ветер с океана» (1970).

Воплощение и критика

Сюжет романа начинается с того, что летом в начале 1950-х гг. в вымышленный Светломорск к политработнику порта Алексею Муханову приезжают отец и два брата — студент философского факультета МГУ Валерий и Михаил, желающий стать моряком. Глазам новоселов предстает сильно разрушенный в годы войны немецкий город. С городской средой контрастирует бурная жизнь в морском порту и рыбодобывающем тресте «Океанрыба», который включен в процесс расширения и модернизации промысла. На фоне происходящих перемен разворачиваются многочисленные личностные конфликты жен и мужей, отцов и детей, рассказывается о нерешенных социальных проблемах и моральных дилеммах, как, например, стремление к карьерному росту в ущерб нравственному долгу¹.

В варианте рукописи романа, хронологически предшествовавшей экземпляру из областного архива, присутствует также несколько любопытных исторических эпизодов. Так, к примеру, Валерий посещает руины «комтурского замка ордена крестоносцев» Бальга, где вспоминает о битве при Танненберге (Грюнвальде) 1410 г., когда был «положен предел яростному натиску на восток этих закованных в железо живых машин в плащах поверх брони», а также сравнивает с А. Гитлером великого магистра Тевтонского ордена У. фон Юнгингена. В следующей

¹ Некоторые из этих сюжетов вплоть до имен персонажей были заимствованы из более раннего творчества или за годы работы над «Ветром с океана» стали самостоятельными произведениями: сборник повестей и рассказов «Море начинается с берега» (1964), «Держи на волну» (1970), «Час мужества» (1971).

главе Валерий у памятника Шиллеру встречает «последнего идеалиста-кантианца на этой земле» — немецкого еврея Меерсона, с которым обсуждает взаимосвязь мировоззрения Канта и окружающей его среды, наполненной «нестерпимым филистерством и звериной воинственностью» [21, л. 144, 149].

Известна реакция на этот вариант рукописи романа. Она зафиксирована в протоколе редакционно-издательского совета Калининградского книжного издательства от 13 февраля 1968 г. Роман изобилует описанием руин областного центра, что, по мнению рецензентов, не соответствует действительности и может создать впечатление, что «мы критикуем то, что сделано». Среди прочего членов совета не устроили отсутствие положительного героя и общий «тяжелый фон», на котором выпукло были изображены «жулики» и «шваль», а также наличие сокрушительного шторма в море, который уносит множество человеческих жизней, что не поможет молодым людям «избрать море своей профессией после этой книги». Фрагмент о великом магистре было рекомендовано «значительно сократить», а встреча с Меерсоном была оценена наречиями: «натянута, привязано и надумано» [5, д. 131, л. 5, 7, 11].

Несмотря на положительные отзывы членов совета, в том числе А. И. Шрамм, и общей оценке о значимости проделанной С. А. Снеговым работы, решающее слово, прозвучавшее из уст начальника управления издательств облисполкома А. Н. Львова, было неутешительным: «Я ждал от рукописи большего и с сожалением прочитал последнюю страницу. Того, что ждал от Снегова, не получил» [Там же, л. 12].

Учитывая прозвучавшую критику и руководствуясь искренним желанием «вписаться в соцреализм» [17, с. 11], С. А. Снегов в каждой новой редакции избавлялся от многих деталей, сюжетных линий и даже персонажей. Так, из финальной версии романа «Ветер с океана» исчезли один из двух братьев Валерий и секретарь райкома Колокольцев, а вместе с ними и колоритный пласт размышлений о содержании и освоении немецкого наследия и исторически репрезентативные детали строительства нового Калининграда.

Ввиду этого читатель не узнал о «китобойной базе “Петр Великий”» и «Институте рыбного хозяйства и океанографии ОкеанНИРО», не оценил выводов, к которым пришел Валерий, написавший курсовую работу о философии Канта, не прочитал о приезде комиссии Госплана по строительству и комиссии по выявлению промышленных объектов с целью демонтажа вагонзавода, о поиске здания для будущего университета, переводе из Москвы в Калининград Института рыбной промышленности и хозяйства, о попытке бывшего кёнигсбержца Густава Гешке передать 400 марок в горисполком для ремонта бывшего своего дома на улице герцогини Агнессы и многом другом.

Цензура внутренняя и внешняя

С. А. Снегов отдавал себе отчет, что писатель — это «маленькая идеологическая организация» и что перед ним стоит задача «отображать рассвет нашей жизни, писать о той земле, на которой мы находимся» [6, д. 79, л. 17]. Поэтому он внимательно следил за расстановкой акцен-

тов и часто прибегал к эмоциональным оценкам, описывая, например, немецкую архитектуру («надменный замок, зловещие форты», «дом выглядел угрюмым и насупленным», «мрачная квартира около замка», «враждебный камень», «кривульки средневековых улиц») на контрасте с достижениями советских лет («светлое здание», «широкооконная школа», «радостные дома», «широкие проспекты»). В связи с этим заслуживают внимания примеры самоцензуры писателя.

В эпизоде, где братья Мухановы разговаривают о сносе башни Кёнигсбергского замка, Валерий в одном из первых вариантов рукописи задается вопросом: «А разве нельзя восстановить или хотя бы законсервировать руины?» На что Алексей напоминает о нерациональности использования денежных средств, которые могут быть потрачены для благоустройства жилых домов, да и сверх прочего, по мнению героя, «сам замок отвратителен, и жилой район вокруг него был ужасен» [7, д. 5, л. 8–9]. В последующей версии авторской рукой вычеркнуто слово «восстановить». Вероятно, это было сделано ради смягчения авторской позиции — он выступал за сохранение замка. Член писательской организации О. Б. Глушкин вспоминал, что на собрании интеллигенции, где обсуждалась ситуация с замком, С. А. Снегов встал, посмотрел на сцену, где висел плакат, на котором было написано, что искусство принадлежит народу и что его надо беречь, прочел вслух этот текст и выкрикнул: «Не дадим свершиться преступлению!» [8, с. 30].

В конце 1969 г. состоялось еще одно собрание, на котором мнениями о романе поделились коллеги-писатели. Покритиковав недочеты в хронологии и логические ошибки, книгу решили рекомендовать книжному издательству. Тем не менее этого одобрения для публикации оказалось недостаточно.

До 1976 г. пришлось еще несколько раз изменить текст. В семейном архиве С. А. Снегова сохранились две рецензии писателя А. Богданова на роман. Наибольший интерес представляет его разбор «специфичной темы Кёнигсберга». Рецензент скрупулезно пересказывает каждое упоминание в тексте о немецком прошлом города: от Иммануила Канта до Густава Гешке, от авианалетов 1944 г. до штурма 1945 г., от крестоносцев до фашистов. На его взгляд, автор допустил две фундаментальные ошибки. Во-первых, представил ненаучное и немарксистское объяснение природы фашизма (герой С. А. Снегова считал, что фашизм есть порождение мещанства). Во-вторых, автору ставилось в упрек проявление «политической бестактности», поскольку одно только упоминание «кёнигсбергской темы», прошлого города и его жителей в условиях окончания «холодной войны» являлось неуместным напоминанием, в котором заключалась «как бы косвенная полемика по поводу новых, послевоенных границ. А вопрос об этих границах и первые годы после войны, и в 1957 году, и сегодня, и в будущем — недискуссионный для нашего народа» [4, л. 15–16]. В заключение А. Богданов рекомендовал полностью убрать «тему Кёнигсберга», что и было сделано Снеговым.

Прочитав исправленный экземпляр, А. Богданов с удовлетворением заметил, что больше не ощущает «самого духа бывшего Кёнигсберга — города, враждебного человеку, обиталища обывателей и купцов и т. д.» [3, л. 1]. Значительная часть его замечаний была принята и привела к

существенному сокращению текста романа. Однако и на этот раз, несмотря на авторскую редактуру, рецензент снова не рекомендовал рукопись к изданию.

Представляется интересным и тот факт, что в семье писателя бытует еще одно мнение о причине сокращения романа. По свидетельству сына писателя, главы, посвященные восстановлению города или представляющие сюжетные линии, связанные с преступностью, не понравились лично первому секретарю обкома КПСС Н. С. Коновалову. В результате чего рукопись и собранные материалы были изъяты у С. А. Снегова [15]¹.

Личную причастность первого секретаря к судьбе романа, конечно, не представляется возможным доказать. Однако не секрет, что важные вопросы культурной, в том числе и исторической, политики решались партийными инстанциями от ЦК КПСС до идеологических отделов местных комитетов партии. И когда речь шла об образе Калининграда, который транслировался в том числе и за рубеж, публикация большого романа о городе не могла не привлечь внимания высшего руководства области. Кроме того, Н. С. Коновалову приписывалось личное участие в решении и других вопросов в сфере истории края, например ликвидации руин Кёнигсбергского замка, несмотря на позицию Министерства культуры РСФСР о необходимости его сохранения [2; 25].

Дальнейшая судьба романа в архивных документах не прослеживается. Многолетняя работа С. А. Снегова над романом о Калининграде завершилась публикацией версии романа, ограниченной лишь сюжетами из жизни калининградских моряков. По признанию дочери писателя Т. С. Ленской, отец не любил этот свой роман: «Я видела как он работает. Как он вычеркивает, как он ненавидит эту работу» [12]. Вычеркнутые колоритные исторические эпизоды стало возможным опубликовать в виде отрывков только в конце 1990-х гг. после смерти писателя [23; 24].

Таким образом, история процесса создания С. А. Снеговым романа «Ветер с океана» показывает, что художественное произведение может быть и продуктом политики памяти, и ее инструментом. Бесславный итог одиннадцатилетней работы писателя был напрямую связан с местной спецификой политики памяти — она не была оформлена в официальных документах и трактовалась государственными институтами и их представителями по-разному. Отсюда и общая формулировка поставленной Книжным издательством задачи: написать «роман о Калининграде». Автор, будучи творческим работником, опираясь на личные впечатления и представления о существующих рамках дозволенного, предложил вполне реалистичное описание Калининграда 1950-х гг. Однако его видение не совпало с мнением ряда ответственных работников из общественных организаций и властных институций, от которых зависела публикация романа. Понимая невозможность преодоления строгих идеологических рамок, в которых трактовалась история края, автор отказался от первоначального замысла, выпустив в 1977 г. непримечательный роман «Ветер с океана» о трудовых буднях калининградских моряков.

¹ Практику изъятия рукописей нескольких романов потомки С. А. Снегова подтвердили в личном интервью, однако не применительно к исследуемому произведению.

Список литературы

1. Балабан А. И. История и память в документальной прозе Гайто Газданова // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 171–179.
2. Белошапка Н. В. Государственное управление культурой в СССР: механизмы, методы, политика // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер.: История и филология. 2009. Вып. 2. С. 87–103.
3. Богданов А. Рецензия на переработанный вариант рукописи С. Снегова «Ветер с океана» // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 8 л. (машинопись).
4. Богданов А. Рецензия на рукопись романа С. Снегова «Ветер с океана» // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 25 л. (машинопись).
5. ГАКО (Государственный архив Калининградской области). Ф. Р–116 (Калининградское областное книжное издательство). Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. Р–133. Калининградская писательская организация. Оп. 1.
7. ГАКО. Ф. Р–1091. Снегов Сергей Александрович — писатель, член Союза писателей СССР. Оп. 1.
8. Глушкин О. Б. Краеугольный камень // Параллели : лит.-худ. журнал. 2008. № 4. С. 30–31.
9. Дементьев И. О. «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. Калининград, 2013. Вып. 7. С. 63–93.
10. Дементьев И. О. «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 105–120.
11. Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как к историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161–165.
12. Интервью с Евгением Сергеевичем Ленским и Татьяной Сергеевной Ленской от 2 октября 2020 г. // Личный архив автора статьи.
13. Костяшов Ю. В. Политика памяти в Калининградской области, Клайпедском крае, Вармии и Мазурах в послевоенные годы: опыт сравнения // Прибалтийские исследования в России / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград, 2016. С. 190–194.
14. Кретинин Г. В. Домнау/Домново как «место памяти» // Honoris causa : сб. науч. ст., посвященный 70-летию профессора В. В. Сергеева / сост. и отв. ред. И. О. Дементьев. СПб., 2016. С. 217–224.
15. Ларочкин Е. Гибель секретаря, или Жизнь человека, который сделал все, что ему позволили // Тридевятый регион. 2011. 25 марта. С. 10–11.
16. Ленский Е. Когда б таких людей... // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 5 л.
17. Ленский Е. Что день грядущий нам готовит? // Тридевятый регион. 2008. 10 окт. С. 11.
18. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. истории, языка и литературы. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76–84.
19. Рыбалка И. С. Memory studies современного украинского романа // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3. С. 107–112.
20. Серебровская Е. Проверь оружие, боец! // Литературная Россия. 1963. 5 апр. С. 10–11.

21. *Снегов С. А.* Балтийская повесть. 1968 // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 197 л.
22. *Снегов С. А.* В поисках пути // Знамя. 1961. № 10. С. 22–71.
23. *Снегов С. А.* «Тут камни вопиют...» // Запад России. 1997. № 1. С. 43–61.
24. *Снегов С. А.* «Тут камни вопиют...» // Калининград литературный : книга для внеклассного чтения. Калининград, 2002. С. 254–264.
25. *Фостова С. А.* Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179–204.
26. *Шмидт С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова — мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: fostsa@gmail.com

The author

Suzanna A. Fostova, Research Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: fostsa@gmail.com

А. В. Мунько

**РАСОВЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ АКТИВИЗАЦИИ
ВНУТРИПАРТИЙНЫХ ГРУПП ДАВЛЕНИЯ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1950—1960-х ГОДОВ**

В последнее десятилетие наблюдается эволюция расового вопроса, представляющего сложный и многофакторный комплекс проблем, получивших особое развитие после Второй мировой войны и не теряющих значимость до сих пор. В статье посредством рассмотрения эволюции отдельных групп давления и их роли в принятии политических решений в Великобритании представлено формирование первого расового законодательства 1965 г. Работа выстроена в функционалистской парадигме, позволяющей высветить основные взаимосвязи между правительственными структурами и различными внутрипартийными течениями. На основе анализа ранее не изученных материалов — прокламаций лоббистских групп — выдвинуто предположение о том, что структурное оформление групп давления и формирование внутренних комитетов являлось одним из факторов, позволивших лоббистам добиться поставленных целей. Обоснован вывод об использовании правыми силами «миграционной и расовой карты» как инструмента политической борьбы.

59

The relevance of the article is connected with the evolution of the racial issue, which includes a large amount of different social problems. These problematic developed after the Second World War and still stay a very important. This article provides an analysis of the evolution of special lobbies in British political system, and their influence on the creation of political decisions in this sphere of migration in 1965. The research was created in the functional paradigm, which provides to explore relationships between government structures and political currents of Tories. Based on unexplored proclamations of lobbying groups there was created an assumption, that the structural design of these pressure groups and the formation of their internal committees were the keys factors that allowed lobbyists to achieve their goals. In their work, this club and another right wing lobbies used «migration and racial map» as a tool of political struggle.

Ключевые слова: расовый вопрос, группы давления, деколонизация, Великобритания, миграционный вопрос, «Консервативный клуб "Понедельник"», лорд Солсбери Р. Гаскойн-Сесил, Г. Вильсон

Keywords: race issue, pressure groups, decolonization, Great Britain, migration issue, "Conservative Monday Club", Robert Arthur James Gascoyne-Cecil, G. Wilson

Движение *Black Lives Matter*, обвинения в расизме членов британской королевской семьи со стороны герцогов Сассекских, расистские высказывания в отношении афробританских спортсменов на чемпионате мира по футболу и Олимпийских играх 2021 г. — события последних

лет наглядно демонстрируют все возрастающее значение расового вопроса во всех сферах общественной жизни Великобритании. При этом важно отметить, что современные проявления расизма не являются исключительно новым феноменом в истории страны — один из наиболее важных этапов осмысления данной проблемы пришелся на первые послевоенные десятилетия. Так, начало массовой «цветной» миграции в стране принято относить к последствиям принятия Акта о британском гражданстве 1948 г., позволявшего любому жителю империи переехать в центр бывшей метрополии. Этот шаг, с одной стороны, должен был укрепить политико-экономические отношения внутри Британской империи, с другой же — посредством привлечения новых рабочих рук обеспечить ресурсы для восстановления разрушенной Второй мировой войной экономики страны.

Беспорядки в Ноттинг-Хилле в 1958 году: расовый вопрос как инструмент влияния правых сил

Начало нового этапа развития миграционного вопроса в Соединенном Королевстве принято относить к событиям 21 июня 1948 г., когда в британский порт Тилбери прибыл пароход «Эмпайр Виндраш», на борту которого находилось 492 пассажира из стран Карибского бассейна. Несмотря на сравнительную малочисленность въехавших иностранцев, данное событие стало поворотным во всей истории британской иммиграции [8, с. 203]. Практически сразу между мигрантами и местными жителями возникли противоречия как в образе жизни и социальных установках, так и в контексте поиска работы и жилищного вопроса. Помимо этого, межэтнические конфликты вкупе с бытовавшими в обществе расистскими установками во многом предопределили сложный характер взаимодействия между британскими гражданами и мигрантами. Усугубила ситуацию проблема безработицы, а именно — сокращение количества рабочих мест среди младшего персонала — эти должности занимали выходцы из стран Вест-Индии. Подобные события вызвали протесты «цветного» населения в 1948 г. в Ливерпуле, однако это выступление было подавлено полицией, вставшей на сторону местного населения страны [29]. Схожая ситуация возникла в следующем году в Дептфорде и Бирмингеме, где прибывшие мигранты вновь подняли восстание с требованием увеличения заработной платы и общего количества рабочих мест. В ходе протестов в 1949 г. полиция вновь поддержала «белое» население страны, возложив всю вину за погромы и беспорядки на «цветных» мигрантов, тем самым еще более маргинализовав их в глазах местных жителей [56].

Безработица, проблемы межрасового и межнационального взаимодействия в стране в конце 1940-х — 1950-х гг. обуславливали необходимость постепенного урегулирования как иммиграционного, так и расового вопроса. Однако принятие подобного законодательства затрагивало интересы не только рядовых жителей Соединенного Королевства, но и особые исторически сложившиеся лобби — парламентские группы давления, стремившиеся к воздействию на принимаемые решения. В связи

с этим целью настоящей статьи является определение роли таких групп в процессе выработки и принятия первого акта о расовых отношениях Соединенного Королевства в 1965 г.

Отметим, что под группами давления понимаются особые организации, созданные для защиты своих интересов и оказания давления на общественные институты власти с целью продвижения собственного видения отправления политических процессов [3, с. 311–312]. Традиционно к одним из ключевых черт таких групп относят формирование устойчивых связей с экономическими и культурными элитами страны. Подобные общества, в отличие от политических партий, имеют сравнительно небольшой состав участников, что в свою очередь определяет тот достаточно узкий круг вопросов и проблем, на решении которых сосредоточены те или иные сообщества. В силу концентрации на нескольких специализированных проблемах, группы давления обладают небольшим набором методов и способов воздействия на принятие политических решений в стране [1, с. 133–134; 4, с. 63–64]. Таким образом, группы давления на политической арене страны представляют собой «посредников», стремящихся отрегулировать правительственный курс в соответствии с интересами различных элит этого общества.

Несмотря на то что появление первых групп давления в британской политике можно отнести к последствиям Славной революции 1688 г., наибольшее распространение подобный феномен получил во второй половине XX в. Дело в том, что последовавшие за Второй мировой войной процессы деколонизации и «цветной» миграции, а также начало конфронтации между странами социалистического и капиталистического лагеря вызвали разногласия среди британских политиков, обозначив новый этап в развитии лоббистских сообществ.

Тем не менее в первые послевоенные десятилетия группы давления создавались для решения определенного вопроса и зачастую не носили устойчивого характера. В связи с этим особый интерес представляет анализ событий массовых протестов в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме осенью 1958 г. — одной из первых попыток лоббистских групп посредством обращения к расовому и иммиграционному вопросам сформировать рычаги давления и новые механизмы внутривластного взаимодействия.

Социально-бытовые проблемы, нехватка жилья и культурно-национальные различия между мигрантами и местными гражданами спровоцировали усиление националистических настроений «белых» британцев. Способствовало росту межэтнических и межрасовых конфликтов неравномерное расселение мигрантов на территории страны. В частности, они предпочитали селиться в промышленно развитых регионах, где сравнительно просто было найти работу. Подобное обстоятельство привело к тому, что за 10–12 лет в районах Ноттинг-Хилл, Ноттингем и Северный Кенсингтон образовалась крупная община иммигрантов — бывших жителей Барбадоса и Тринидада [38, р. 137]. Помимо этого, к 1958 г. стоит отметить замедление темпов экономического развития Великобритании, что усилило конкуренцию за рабочие места среди приехавших иностранцев. Таким образом, бедность, безработица, мас-

совые болезни и рост преступности, ставшие закономерным следствием «мигрантского гетто», способствовали постепенному росту межнациональных противоречий и радикализации позиций местных жителей.

Усиление антииммиграционных настроений способствовало актуализации националистских воззрений о необходимости сохранения «белой Британии». Подобные лозунги способствовали кристаллизации представлений местных жителей о потенциальных угрозах гражданам со стороны выходцев из бывших колониальных территорий. Наконец, еще одним фактором, усугубившим межнациональное взаимодействие в этих районах столицы, стала жилищная проблема — нежелание со стороны британцев сдавать дома и квартиры прибывающим иностранцам.

62

Подобные антииммиграционные настроения стали основой для молодежной субкультуры «Тедди Бойз», представители которой придерживались националистических взглядов. В частности, действия британских подростков, принадлежавших к этому движению, спровоцировали начало погромов в двух районах Лондона-Ноттинг-Хилле и Ноттингеме 20–24 августа 1958 г. [18, р. 173; 52]. Поводом к началу конфликта стал эпизод, когда М. Моррисон, белая женщина шведского происхождения, подверглась нападению со стороны представителей «Тедди Бойз». Дело в том, что подростки из группы «Тедди Бойз» публично осудили межрасовый брак М. Моррисон с ямайским иммигрантом, что спровоцировало массовые межрасовые столкновения [34, р. 136–154]. Беспорядки и протесты продолжались практически неделю [28; 36]. Зачастую к протестующим присоединялись представители старших поколений, поддерживавшие лозунги правых организаций о необходимости сохранения «белой Британии» и расистских практик в отношении «цветных» граждан [54]. Так, практически в первую же ночь толпа из 400 местных жителей атаковала дома и квартиры приехавших «цветных» мигрантов. Восстания были подавлены полицией только к 5 сентября, когда было арестовано более 140 человек, большая часть из которых принадлежала к «белым» жителям страны. Всего же в выступлениях участвовало более 4 тыс. человек [52].

Закономерно, что протесты в двух крупных районах Лондона стали катализатором для попыток правых групп вновь вернуться в «первый эшелон» британской политики. В частности, показательно резкое увеличение сторонников Лиги защиты белой расы к 1958 г. практически в два раза, что составляло около 2 тыс. зарегистрированных участников. Похожая тенденция наблюдалась в Лиге имперских лоялистов, численность которых к началу 1960 г. достигла около 2,5 тыс. человек [39, р. 167–170]. С осени 1958 г. эти группы выпускали и распространяли памфлеты «Белые и черные новости», призывавшие к уменьшению количества иммигрантов [45; 49, р. 163].

События в Ноттинг-Хилле также увеличили количество сторонников другой правой организации — Национальной лиги Э. Мартелла, ратовавшей за национально-расовое превосходство британцев и придерживавшейся жестких антисемитских и антииммиграционных воззрений. Несмотря на близкую идейно-политическую систему взглядов подобных организаций, их цели и методы отличались: если Лига имперских

лоялистов сконцентрировалась на работе местных организаций, то Э. Мартелл стремился к поиску парламентских рычагов влияния на ситуацию в целом. В частности, в канун выборов дополнительных выборов 1963 г. в Бристоле политик предложил центру тори свою поддержку кандидатов от партии в обмен на последующее сотрудничество и участие в выработке правительственного курса [39, р. 173]. Однако, несмотря на популярность Мартелла в ряде округов, известных поддержкой расистских и антииммиграционных взглядов, центр партии тори во главе с ее лидером Г. Макмилланом отказался от этого предложения, продемонстрировав идейное неприятие деятельности подобных организаций. Такой шаг логично вписывался в идейно-политический курс партии, лидеры которой полагали, что сотрудничество с подобными внутрипартийными течениями негативно отразится на общем имидже консерваторов.

В связи с ростом правых сил в Лондон приехал О. Мосли, основатель «Британского союза фашистов» в межвоенный период. Он рассматривал антииммиграционные и расовые протесты как один из способов повышения авторитета правых сил среди населения. Политик полагал, что рост сторонников правых организаций даст ему возможность провести «самую большую послевоенную политическую кампанию», выставив свою кандидатуру на всеобщих парламентских выборах 1959 г. от округа Кенсингтон-Норт [37]. Программа О. Мосли была сконцентрирована на решении расового и миграционного вопросов путем принудительной репатриации иностранцев, а также запрета на регистрацию смешанных браков [12; 35]. Однако по итогам голосования программа О. Мосли набрала только 7,6 %, что в конечном итоге так и не позволило политике получить представительство в высших руководящих органах страны [23]. В то же время рост правых сил в стране способствовал формированию в Бирменгеме и Брикстоне особых комитетов по иммиграционному контролю. Подобная мера была, с одной стороны, правительственной попыткой «перехватить иммиграционную карту» у правых организаций, с другой же — одним из шагов к постепенному урегулированию расового вопроса [48, р. 4].

Таким образом, восстания в Ноттинг-Хилле осенью 1958 г. стали определенной «пробой сил» для правонастроенных групп по использованию антииммиграционных протестов для увеличения электората и расширения представительства на политической арене страны. Однако, несмотря на рост числа сторонников, правые силы так и не смогли расширить электорат и получить новые рычаги давления. Существовали в стране мажоритарная система не позволила лидерам подобных течений пройти в парламент и организовать собственные парламентские комитеты по ключевым вопросам. Тем не менее расовые беспорядки в двух районах Лондона продемонстрировали возможность использования миграционного и расового вопросов как способа манипуляции общественным сознанием, а сложившаяся ситуация вновь акцентировала внимание британского правительства на необходимости урегулирования расового вопроса внутри страны.

«Ветер перемен или ураган?»: расовая проблема в риторике британских политиков (1960—1963)

Другим фактором, способствовавшим актуализации расового вопроса, была деколонизация, а именно — усиление национально-освободительного движения в Африке и ухудшение отношений между местными жителями и колониальной администрацией. Это подтверждали отдельные инциденты — восстание Мау-Мау в Кении в 1950-х гг., формирование расистского режима Я. Смита в Родезии и т. д. Помимо этого, на руководство Соединенного Королевства оказывало давление сложившееся в конце 1950-х гг. в ООН «афро-азиатское лобби», которое (при активной поддержке СССР) требовало от бывших империй полной ликвидации колониальной системы [6, с. 5—10]. В связи с этим правительство Г. Макмиллана должно было проявить гибкий подход к решению вопроса о независимости новых территорий и их последующем социально-политическом устройстве. Обострила ситуацию «резня в лагере временного заключения “Хола”» в январе 1959 г., продемонстрировавшая необходимость урегулирования межрасовых отношений на африканском континенте [27; 32].

Стоит отметить изменения в структуре британского правительства. В частности, после победы на парламентских выборах 1959 г. Г. Макмиллан назначил на должность министра по делам колоний И. Маклеода, сторонника новых подходов к решению колониальных проблем Африки. Как полагал премьер, Маклеод должен был выработать оптимальный вариант «выхода» Британии с большей части африканских территорий [25, р. 105]. Свообразным результатом работы ведомства стали дебаты в партии и правительстве об условиях «перенесения» вестминстерской модели на африканскую почву. С одной стороны, министр И. Маклеод и эксперт из его ведомства С. Уоллис не раз обозначали перспективность подобного шага, с другой же — тори Р. С. Хадсон отмечал неэффективность подобных мер из-за низкого уровня политического сознания африканцев [13, р. 160-167].

Подобные внешне- и внутривнутриполитические факторы во многом предопределили 6-недельный визит Г. Макмиллана в Африку в начале 1960 г., в ходе которого он произнес эпохальную речь о «Ветре перемен» [10; 11]. Подчеркнув преимущества Британского Содружества и западной демократии, политик акцентировал внимание на нескольких ключевых позициях. Во-первых, как отмечает Е. В. Хахалкина, Г. Макмиллан обозначил идею преемственности между Британской империей и ее новой формой — Содружеством наций, сохранявшим особую взаимосвязь между бывшей метрополией и ее колониями [7, с. 268—271; 9, с. 112—115]. Во-вторых, премьер официально осудил режим апартеида. В своем выступлении, апеллируя к успешному опыту многонационального общества в Соединенных Штатах Америки, Г. Макмиллан отметил необходимость социально-политических изменений на африканском континенте и обозначил идею «взаимозависимости» стран современного мира.

Заявления Г. Макмиллана спровоцировали негативную реакцию представителей правого крыла партии, обвинивших правительство в «левом уклоне» и отходе от «истинных начал» британского консерва-

тизма [46, р. 236]. Ответом внутривнутрипартийной оппозиции стало создание ряда правых групп, стремившихся к поиску рычагов влияния на правительственные решения. Особого внимания заслуживает создание «Консервативного клуба "Понедельник"» студентами-тори из аристократических семей (П. Бристолем, Я. Грейгом, Э. Маклареном и С. Ганнери) с целью вовлечения местных организаций в дебаты по иммиграционному и расовому вопросам. Подчеркивая особое значение процессов деколонизации, авторы в одной из первых своих прокламаций отметили, что клуб получил название в честь речи Г. Макмиллана «Ветер перемен» [14, р. 1–2].

Итогом первого года работы клуба стал выпуск прокламации «Ветер перемен или Ураган?», в которой молодые консерваторы представили свой взгляд на развитие партии [58, р. 2–3]. В частности, политики полагают, что стратегия Г. Макмиллана на африканском континенте будет иметь катастрофические последствия для Британской империи, которая лишится основы своего существования. Характеризуя общий курс премьера как «политику отречения», представители клуба подчеркивали «несвоевременный и поспешный отказ от британских обязанностей в Африке», который «поставил Кению на грань банкротства и привел к потере доверия со стороны Родезии» [Ibid.]. Как и другие правые группы давления, молодые тори предполагали выход из сложившейся ситуации в популистской декларации «возвращения к консервативным принципам».

Однако деятельность клуба «Понедельник» претерпела значимые изменения в 1963 г., когда в руководящий состав организации вступили члены Родезийского лобби (Р. Гаскойн-Сесил, П. Вильямс, Дж. Стюарт-Смитт, Э. Дункан-Сэндис, Дж. Биггс-Дэвисон, Ст. Гастингс, В. Гудхью и др. [22, р. 26–30]) — представители верхней и нижней палаты парламента, разделявшие позиции премьер-министра Родезии Я. Смита и выступавшие за сохранение взаимоотношений с новым руководством бывшей колонии. Приток новых кадров (помимо вышеуказанных, в состав лобби вошли представители парламента Дж. Риппон, Дж. Эмери, Р. Белл, Г. Гёрден, Дж. Мор) позволил закончить структурное оформление в клубе, в котором сложились особые комитеты по колониальным вопросам и Содружеству, внешней и внутренней политике страны, а также по обсуждению экономической стратегии британского правительства [31, р. 55–61]. Помимо этого, включение лорда Солсбери Р. Гаскойн-Сесила, представителя тори в палате лордов, и П. Вильямса, активного участника дебатов со стороны тори в палате общин, способствовало изменению тактики работы клуба — от общих высказываний по расовому и иммиграционному вопросам члены клуба перешли к резкой критике правительства Г. Макмиллана.

Изменилась финансовая политика клуба — если ранее заседания проводились на общие средства его членов, то включение Р. Гаскойн-Сесила, одного из директоров крупнейшей англо-американской кампании по добыче природных ископаемых в Родезии, расширило возможности «партии», позволив ей самостоятельно выпускать новые листовки и буклеты.

Также наблюдается эволюция политики клуба в отношении местных «филиалов»: если изначально группа задумывалась как сравнительно небольшое общество, то с 1963 г. лидеры группы провозгласили курс на расширение местных представительств. Итогом подобных изменений стало открытие локальных организаций клуба в Бирмингеме, Мидлленсе, Шотландии и Уэльсе [13, р. 231–233; 31, р. 76–80]. Кроме того, политика по активному привлечению новых членов организации способствовала вхождению в ее состав представителей палаты общин: Р. Дадли-Уильямса, Дж. Хайли, Дж. Холлингворта, Дж. Лукаса, А. ПANNELЛА и др., что в свою очередь усилило представительство клуба в парламенте страны [31, р. 83–85; 33, р. 226–230].

После того, как лорд Солсбери был назначен покровителем клуба, организация выпустила следующую листовку «Консерватизм потерян? Консерватизм восстановлен» [17, р. 3-11], в которой подвергла критике правительственный курс Г. Макмиллана. Авторы полагали, что проводимая премьером политика в «конечном итоге приведет к тому, что “белые” страны Содружества покинут сферу влияния Великобритании, оставив Лондону только государства “третьего мира”» [17, р. 7]. Отмечая, что «ничто не может быть более разрушительным для Великобритании, чем африканский курс правительства» [17, р. 7–9], лорд Р. Гаскойн-Сесил констатировал неизбежность конфликта между местными жителями и «цветными» мигрантами. Таким образом, политик был одним из первых, кто активно использовал расовый и иммиграционный вопросы для привлечения населения и расширения клуба. Наибольшее влияние подобные листовки получили среди политической элиты страны. Так, издание этой прокламации в канун ежегодной партийной конференции тори 1963 г. во многом определило ход последующей дискуссии. Как указывал британский историк М. Пичфорд, руководство партии изначально не предполагало широкого обсуждения африканской политики, однако распространение данной брошюры вызвало внутрипартийные дебаты [39, р. 161]. О постепенном росте влияния клуба на партийные процессы может свидетельствовать тот факт, что будущий премьер-министр А. Дуглас-Хьюм поддержал позицию Р. Гаскойн-Сесила по расовому вопросу на ежегодной партийной конференции тори [39, р. 163].

После отставки Г. Макмиллана 18 октября 1963 г., вызванной политическим скандалом — «Делом Профьюмо», а также ухудшением здоровья политика, на пост премьер-министра был назначен А. Дуглас-Хьюм, позиции которого критиковались левыми представителями партии за «политический анахронизм» и стремление к выстраиванию более консервативного курса [19, р. 505]. Практически с момента назначения на должность тори изменил политику в отношении правых групп давления, начав непосредственное сотрудничество с ними. На протяжении всего периода премьерства А. Дуглас-Хьюма наблюдался постепенный рост влияния правых лоббистских групп на парламентские решения. В 1963–1964 гг. сложилась особая система взаимоотношений между представителями «Консервативного клуба “Понедельник”» и руководством партии: с одной стороны, клуб поддерживал необходимых партии кандидатов на местных выборах, с другой — лидеры клуба получали рычаги давления на выработку и принятие правительственного курса.

Так, в частности, новый лидер клуба «Понедельник» П. Вильямс вошел в специальный парламентский комитет по формированию внешнеполитической стратегии, а Р. Гаскойн-Сесил стал одним из ключевых спикеров во время обсуждения родезийского вопроса в соответствующем комитете [39, р. 100—102].

«Батскеллизм» как способ нивелирования деятельности правых лобби

Как уже отмечалось выше, в премьерство А. Дуглас-Хьюма прослеживался рост влияния лоббистских групп на выработку правительственного курса. Помимо клуба «Понедельник» найти свои рычаги давления пыталась Лига имперских лоялистов. Как подчеркивают исследователи, представители правого крыла партии зачастую были связаны с Лигой — организацией, провозгласившей целью борьбу за сохранение «белой Британской империи» [49, р. 165—168]. В рамках партийных конференций тори в 1958 и 1960 гг. лидеры данной группы постулировали преимущества сокращения иммиграционных потоков, а также отмечали необходимость сохранения имперской идентичности для дальнейшего развития страны [30].

Основную позицию Лиги по иммиграционному и расовому вопросу не раз озвучивал министр внутренних дел Г. Брук, акцентировавший во время заседаний кабинета министров 1963—1964 гг. внимание на необходимости законодательного урегулирования миграционных потоков. Политик считал, что оптимальное количество прибывающих иностранцев необходимо сократить до 20—25 тыс. в год [51]. Подобную численность он обосновывал как потребностями для развития экономики, так и тем, что такое количество приезжих способно социализироваться на новой территории без размывания британской идентичности. Он признавал успешным иммиграционное законодательство 1962 г., регулировавшее три основных аспекта иммиграционного вопроса. Прежде всего этот акт впервые в истории Великобритании обозначил курс на ужесточение правил въезда в страну (большая часть новых правил коснулась иммиграционных потоков из стран Карибского бассейна, Индии и Пакистана, откуда приезжало большинство низкоквалифицированных работников). Во-вторых, впервые была обозначена возможность депортации граждан Содружества; в-третьих, была разработана особая ваучерная система, в соответствии с которой желающие пересечь границы Соединенного Королевства делились на несколько категорий в соответствии с их профессиональной квалификацией и уровнем образования [16].

Принятые меры, как подчеркивал Г. Брук, способствовали постепенному снижению количества мигрантов с 136 тыс. в 1961 г. до 94 тыс. в 1962 г., что наглядно продемонстрировало необходимость продолжения данного курса [51]. Однако подобные призывы со стороны министра внутренних дел встретили противодействие как внутри кабинета министров, так и при последующем обсуждении данной проблемы в парламенте. В частности, против нововведения выступил министр иностранных дел Р.А. Батлер. Его позиция была поддержана в парламенте

лидером лейбористской партии Х. Гейтскеллом, что означало укрепление межпартийного консенсуса — «батскеллизма». Напомним, что послевоенное развитие страны способствовало сближению двух ведущих партий по главным вопросам, и во времена Р. Батлера и Х. Гейтскелла подобный консенсус достиг наивысшей точки межпартийной координации [7, с. 293—307]. Закономерно, что предложение Г. Брука о сокращении миграции было подвергнуто критике сторонниками «батскеллизма», а вопрос о введении нового расового и иммиграционного законодательства был отложен. Подобная позиция «батскеллистов» была обусловлена стремлением к сохранению «статус-кво» по данному вопросу, поскольку сокращение мигрантов привело бы к возникновению нехватки рабочих кадров в сфере медицины и социального обслуживания.

Обсуждение расового и миграционного вопросов наиболее точно отобразило расклад сил на политической арене страны. Несмотря на попытки правых групп оказать давление на решение парламента, деятельность «батскеллистов» стала одним из механизмов противодействия лоббистам. В то же время смягчение позиций консервативной партии в отношении правых групп давления вызывало споры внутри ядра тори, что в конечном счете привело к расколу внутри партии и сыграло важную роль на последующих парламентских выборах.

Новый этап решения расового вопроса: обсуждение первого расового закона 1965 года

На всеобщих выборах 15 октября 1964 г. победу одержала лейбористская партия под руководством ее нового лидера — Г. Вильсона, положив конец 13-летнему правлению консерваторов. Внешнеполитические события, такие как Карибский кризис 1962 г., война в Алжире 1954—1962 гг. и последующая «международная разрядка», во многом стали катализаторами внутренних изменений Соединенного Королевства. Победа оппозиционной партии стала закономерным следствием комплекса внутри- и внешнеполитических факторов. Так, на итоги выборов 1964 г. существенно повлияло ухудшение экономической обстановки в стране. Низкие темпы роста ВВП на протяжении первых послевоенных десятилетий сделали Великобританию «больным человеком Европы». Соединенное Королевство в 1940—1960-х гг. уступало другим державам в ключевых экономических показателях. В частности, темпы прироста ВВП страны составляли 2,9 % в 1961—1970 гг., в то время как в Японии за указанное десятилетие экономика выросла на 10,1 %, Германии — на 4,4 %, Франции — на 5,6 % и Италии — на 5,7 % [55, р. 345].

На фоне ухудшения экономической ситуации и снижения уровня доходов населения вновь обострился расовый вопрос, что акцентировало внимание правительства на проблемах взаимоотношений местных граждан и приезжающих иностранцев. Несмотря на то что идея принятия расового законодательства изначально обсуждалась еще в период премьерства Г. Макмиллана, она получила развитие в лейбористском кабинете министров Г. Вильсона, где эта проблема во многом рассматривалась как закономерная составляющая процесса деколонизации.

Обострение расового вопроса было связано как с внешнеполитическими обстоятельствами (кенийской и родезийской проблемами, гражданской войной в Нигерии), так и с комплексом внутренних факторов. В частности, сохранялась общая тенденция роста численности мигрантов из стран Карибского бассейна, Индии и Пакистана. Помимо этого, с 1964—1965 гг. наблюдался рост правых организаций, что выразилось в активизации деятельности Лиги имперских лоялистов и Лиги защиты белой расы, стремившихся к поиску собственных рычагов давления среди консервативной части парламента.

Открывая первое заседание парламента в 1965 г., Елизавета II обозначила необходимость введения расового законодательства для урегулирования общественных отношений. Однако детальнее позицию охарактеризовал на первом обсуждении нового законопроекта премьер-министр Г. Вильсон — главными задачами в урегулировании расового вопроса должен был стать запрет на проявление дискриминации в области жилищного права и общественной жизни [51]. Хотя количество мигрантов на момент принятия нового законопроекта было незначительным, документ был направлен против радикализации правых обществ. Таким образом, законодательный акт носил во многом превентивный характер, позволивший британскому обществу избежать повторения расовых волнений и протестов, подобных событиям 1958 г. в Ноттинг-Хилле.

Обсуждение новых положений началось еще в 1964 г., когда Р. Дженкинс, один из лидеров лейбористов, обозначил необходимость формирования нового документа, регулирующего расовый вопрос [44]. Предложенная политиком структура документа (регламентация расизма в нескольких сферах общественной жизни) во многом была смоделирована по «американскому образцу». Практически сразу лейбористы обозначили основные принципы: запрет расовой дискриминации в местах общественного пользования (театры, рестораны и т. д.), в жилищной сфере при покупке и аренде недвижимости, а также осуждение подстрекательства и разжигания расовой ненависти. Законопроект преследовал две главные цели — ограничить деятельность праворадикальных групп и гармонизировать общественные отношения, о чем свидетельствуют слова министра внутренних дел Ф. Соскиса во время дебатов в палате лордов: «По большей части новый законопроект должен способствовать постепенному урегулированию общественного порядка» [42].

С началом обсуждения нового законопроекта в парламенте обозначились две группы. Одна, во главе с Г. Вильсоном и Ф. Соскисом, ратовала за более либеральный вариант законопроекта [44], другая, включавшая более правых деятелей, поддерживала постепенное урегулирование расового вопроса и «консервативный» вариант будущего проекта. Лидерами второй группы стали представители клуба «Понедельник» — Р. Гайскойн-Сесил и Г. Гёрден [42].

Одним из наиболее сложных аспектов в процессе обсуждения нового Акта был вопрос об определении наказания за публичное проявление расизма. Изначально, по мысли кабинета Г. Вильсона, планировалось установить уголовное наказание за дискриминацию, против чего выступали как представители лейбористской партии (их позиции отстаивал Ф. Соскис), так и члены правых групп давления. Подобный консенсус

объясняется в первую очередь коалиционным характером партийного устройства лейбористов [1, с. 41]. В частности, хотя Г. Вильсон был во многом компромиссной фигурой, в партии сохраняли силу оппозиционные настроения. Выразителем подобных взглядов являлся и Ф. Соскис, который, выступая за более консервативный вариант законопроекта, подчеркивал, что либеральный вариант трудновыполним и будет негативно воспринят британским обществом, что приведет к потере доверия со стороны избирателей и резкому сокращению электората партии [44]. Также сторонниками более консервативного варианта законопроекта являлись представители клуба «Понедельник», констатировавшие несовершенство проступка и следующих за ним санкций.

Активные призывы политических групп способствовали тому, что после дебатов в обеих палатах премьер министр был вынужден уступить и смягчить итоговое наказание за правонарушение, включив его в сферу гражданского права [50; 51; 57. р. 104]. Таким образом, обсуждение расового законопроекта стало возможностью для отдельных правых групп оказать прямое давление на правительственные решения.

Другим дискуссионным вопросом была проблема сохранения особой «лазейки», позволявшей осуществлять религиозную дискриминацию, под которой подразумевалось проявление расизма в отношении прибывших в страну иностранцев по факту их религиозной принадлежности. Дело в том, что зачастую выходцы из Индии и Пакистана стремились по религиозным и национальным соображениям сохранять в одежде и образе жизни приверженность восточным ценностям, что вызывало неприятие и протесты со стороны коренных жителей Соединенного Королевства [5, с. 165].

Во время парламентских дебатов главными сторонниками сохранения возможности религиозной дискриминации стали правые группы давления, в особенности — члены клуба «Понедельник» и Лиги имперских лоялистов. Так, в парламенте выразителем коллективных взглядов лоббистов был представитель от Бирмингема и один из лидеров клуба «Понедельник» Г. Гёрден, активно выступавший против наметившегося «левого уклона» правительства. Помимо этого, политик не был согласен с мерами по ограничению действий британских промышленников в отношении дискредитации «цветного» населения. Подобная позиция тори отражала не только политические ценности клуба, но и их финансовую заинтересованность в сохранении статус-кво [41; 43].

В клубе понимали, что сохранение подобной лазейки позволит продолжить работу отдельным правым организациям, а также оставит возможность предпринимателям отказывать «цветным» иммигрантам при устройстве на работу. Схожей позиции придерживались и некоторые представители среднего и крупного бизнеса (например, С. Гастингс, П. Уильямс, В. Гудхью и П.В. Эмрис-Эванс [47, р. 478–479]) поддерживавшие тесные связи с клубом «Понедельник» [31, р. 470–477]. Они полагали, что принятие на работу представителей иных рас и национальностей может оттолкнуть от них клиентов, что негативно скажется на размере полученной прибыли и будущем бизнеса. Благодаря активизации деятельности группы в парламенте во время обсуждения нового акта, выпуску новых прокламаций, а также ряду личных встреч с представи-

телями правительства лоббистам удалось достичь желаемого результата [24, р. 235]. Так, несмотря на то что большинство лейбористов придерживалось противоположной позиции, считая, что возможность религиозной дискриминации нивелирует все достижения нового законодательства, требования лобби были учтены в итоговом документе.

Найти свои рычаги влияния пыталось и Общество сохранения белой расы — крайне правая организация, выступавшая за сохранение британского «белого национализма». Образованное в 1965 г. движение посредством распространения листовок стремилось сформировать собственное лобби для продвижения расистских взглядов. Однако рассылка подобных брошюр и циркулярных писем произвела обратный эффект — большая часть британских граждан не одобрила подобные призывы, а представитель лейбористов в парламенте Д. Вайцман акцентировал внимание на расистском характере этой программы [20]. Подобные акции поощрялись и другими националистическими организациями. Лидер Лиги имперских лоялистов А. К. Честертон активно высказывался за формирование националистического парламентского лобби [15, р. 36; 53]. Но, несмотря на громкие лозунги подобных организаций, они не получили отклика в правительстве и среди населения страны [21, р. 215—224; 33, р. 230—235; 47, р. 470—473].

Таким образом, обсуждение и принятие расового законодательства Великобритании аккумулировало попытки правых сил оказать давление на итоговое решение вопроса. С одной стороны, представители клуба «Понедельник», имея финансовую поддержку от британских предпринимателей и представительство в парламенте страны, смогли добиться сохранения нужного им положения в законодательстве. С другой — призывы более радикальных сообществ, не имевших выстроенной системы координации с центром консервативной партии, закономерно были проигнорированы британским правительством.

Акт о расовых отношениях 1965 года: основные положения итогового законопроекта

Восьмого ноября 1965 г. Елизавета II подписала Акт о расовых отношениях, который вступил в силу 8 декабря того же года. Закон состоял из двух частей: в первой перечислялись сферы общественной жизни, в которых запрещались проявления расизма и дискриминации, во второй описывались новые расовые комитеты. Запрету подлежали проявления дискриминации «по признаку цвета кожи, расы, этнического или национального происхождения» в местах общественного отдыха (отель, ресторан, театр и кинотеатр), а также в общественном транспорте («любом средстве перемещения, включая морские и воздушные суда, используемые для целей регулярного обслуживания общественным транспортом») [40]. Ограничивалось право дискриминации в жилищной сфере — как при составлении договора купли-продажи имущества, так и при аренде домов и квартир.

Вторая часть документа была посвящена описанию полномочий и задач особой Комиссии по расовым отношениям, действовавшей на территории Англии, Уэльсе и Шотландии [40]. Государственный секретарь определял состав совета, в который выходили председатель и двое по-

мощников. На местах создавались местные согласительные комитеты, в обязанности которых входило рассмотрение жалоб на дискриминацию, проведение соответствующего расследования и формирование примирительных актов между конфликтующими сторонами. В случае, если местные комитеты не могли урегулировать расовый конфликт, подобные обращения направлялись в особый Совет по расовым отношениям — своеобразную высшую инстанцию по данному вопросу. По итогам работы этих инстанций составлял соответствующий ежегодный отчет, который, по мысли авторов законопроекта, надлежало заслушивать перед министром внутренних дел и на заседании парламента страны [40].

Данный закон, по сути, наметил дальнейшее развитие британской расовой политики и постепенной регламентации запрета на дискриминацию в различных сферах общественной жизни. Его сильными сторонами были запрещение публичного проявления расизма, формирование новых регулирующих «примирительных» механизмов, а также детализация в отношении последующих наказаний за проступки. Тем не менее акт имел ряд недостатков. Прежде всего, в нем отсутствовали пояснения основного терминологического аппарата, что впоследствии создавало возможности для переквалификации дела на более простое обвинение или вообще для его закрытия. Другим аспектом нового законодательства стало игнорирование расизма в рабочей сфере. С одной стороны, подобная «лазейка» была выгодна правым, с другой — создавала опасный прецедент для осложнения расовых взаимоотношений в стране. Наконец, неоднозначные оценки получила и работа расовых комитетов. Так, из 282 жалоб, подпавших под действие закона 1965 г., в течение первых двух с половиной лет его действия (т. е. до 30 сентября 1968 г.) не менее 65 были урегулированы путем примирения, 109 не были удовлетворены, а остальные все еще находились в стадии рассмотрения [26, р. 248—250]. Данная статистика иллюстрирует бюрократизированность процесса «примирения», в котором на различных этапах заседаний должны были присутствовать генеральный прокурор, лорд-адвокат, суд шерифа и Высокий суд правосудия Англии и Уэльса [Ibid.].

Таким образом, принятие Акта о расовых отношениях обозначило новые тенденции в британской политике, а именно — усиление роли отдельных лоббистских групп в принятии парламентских решений. Если для 1940—1950-х гг. характерны рыхлые политические образования, объединенные решением определенного вопроса, то в первой половине 1960-х гг. происходит трансформация групп давления в четко сформированные клубы, имеющие свою структуру и программы. В данном случае принятие расового законодательства стало одним из наиболее показательных кейсов, демонстрирующих все возрастающее влияние групп давления на национальный политический курс.

Список литературы

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
2. Громыко Ал. А. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007.

3. Зимин В. А. Статус групп давления в политическом процессе // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 3 (65). С. 311–314.
4. Каневский П. С. Тенденции развития лоббизма в Британии // Современная Европа. 2019. № 2 (87). С. 62–73.
5. Котин И. Ю. Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб., 2009.
6. Фурсов К. А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2015. № 2. С. 5–19.
7. Хахалкина Е. В. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг. Томск, 2016.
8. Хахалкина Е. В. Мультирасовое общество: фобии и декларации миграционной политики Великобритании в 1948–1962 гг // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 202–209.
9. Хахалкина Е. В. Проблемы расовой дискриминации и ограничения иммиграции в Великобритании во второй половине 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 108–117.
10. “Wind of Change” Speech: Made by Harold Macmillan to the South African Parliament in 1960 // Thoughtco. URL: <https://www.thoughtco.com/wind-of-change-speech-43748> (дата обращения: 29.12.2021).
11. 1960: Macmillan speaks of ‘wind of change’ in Africa // BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/february/3/newsid_2714000/2714525.stm (дата обращения: 29.12.2021).
12. Bolton K. The Idea of ‘Europe’ // Oswald Mosley. URL: <https://www.oswald-mosley.com/the-idea-of-europe/> (дата обращения: 29.12.2021).
13. *British Documents on the End of Empire (BDEE). The Conservative Government and the End of Empire 1957–1964. Part 1 : High policy, political and constitutional change. Series A. Vol. 4. L., 2000.*
14. *Bury the Hatchet, London / Monday Club. L., 1962.*
15. *Chesterton A. K. Tomorrow. A Plan for the British Future. L., 2015.*
16. *Commonwealth Immigrants Act 1962 // Free Movement. URL: https://www.freemovement.org.uk/wp-content/uploads/2018/04/CIA1962.pdf* (дата обращения: 29.12.2021).
17. *Conservatism Lost? Conservatism Regained / Monday Club. L., 1963.*
18. *Dean D. W. Conservative Governments and the Restriction of Commonwealth Immigration in the 1950s: The Problems of Constraint // The Historical Journal. 1992. Vol. 35, № 1. P. 171–194.*
19. *Dick L. Alec Douglas-Home: Right Man, Wrong Century? // Political Quarterly. 2003. Vol. 74, № 4. P. 503–513.*
20. *Discrimination Bill [H.L.]: HL Deb 19 December 1966 vol 278 cc1838-50 // Hansard. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1966/dec/19/racial-and-religious-discrimination-bill* (дата обращения: 29.12.2021).
21. *Forchtner B. The Nature of Nationalism: Populist Radical Right Parties on Countryside and Climate // Nature and Culture. 2015. Vol. 10, № 2. P. 199–224.*
22. *Gascoyne-Cecil R. Letters from Sir Robert Cecil to Sir George Carew. N. Y., 1968.*
23. *General Election Results 1885-1979 // Election. URL: http://www.election.demon.co.uk/geresults.html* (дата обращения: 29.12.2021).
24. *Gordon-Walker P. Political diaries: 1932–1971. L., 1991.*

25. *Hemming P.* Macmillan and the End of the British Empire in Africa // Harold Macmillan and Britain's World Role / ed. by R. Aldous, S. Lee. L., 1996. P. 97–123.

26. *Hepple B. A.* The British Race Relations Acts, 1965 and 1968 // The University of Toronto Law Journal. 1969. Vol. 19, № 2. P. 248–257.

27. *Horrors of Hola detention camp* // OGIEK. URL: <http://www.ogiek.org/indepth/special-report-3.htm> (дата обращения: 29.12.2021).

28. *Letter attacking Trades Union Congress statement following the Notting Hill riots.* URL: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4655> (дата обращения: 29.12.2021).

29. *Liverpool — A City That Dared to Fight* // Socialist Party. URL: <https://www.socialistparty.org.uk/liverpool/index.html?l14.htm> (дата обращения: 29.12.2021).

30. *Macmillan H.* Leader's speech, Blackpool 1958 // British Political Speech. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=108> (дата обращения: 29.12.2021).

31. *Mason L.* The development of the Monday Club and its contribution to the Conservative Party and the modern British right, 1961 to 1990. Wolverhampton, 2004.

32. *Mau Mau — Kuririkana — Gitene*1 Robbie Bolton SI637 // Rfrost. URL: <https://web.archive.org/web/20110720091912/http://rfrost.people.si.umich.edu/courses/ArchivesSem/papers/RobbieBolton.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).

33. *McGrath C.* British Lobbying in Newspaper and Parliamentary Discourse, 1800–1950 // Parliamentary History (Wiley-Blackwell). 2018. Vol. 37, № 2. P. 226–249.

34. *Morrison M.* Jungle West 11. L., 1964.

35. *Mosley's Policies — An Outline.* URL: <https://www.oswaldmosley.com/mosleys-policies> (дата обращения: 29.12.2021).

36. *Notting Hill Riots, 1958.* Exploring 20th Century London // 20th Century London. URL: <http://www.20thcenturylondon.org.uk/notting-hill-riots-1958> (дата обращения: 29.12.2021).

37. *Oswald Mosley: Briton, Fascist, European.* URL: <https://www.oswaldmosley.com/briton-fascist-european/> (дата обращения: 29.12.2021).

38. *Paul K.* Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era. L., 1997.

39. *Pitchford M.* The Conservative Party and the Extreme Right, 1945–1975. Manchester, 2011.

40. *Race Relation Act, 1965.* URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf (дата обращения: 29.12.2021).

41. *Race Relations Act 1965 (Amendment) Bill:* HC Deb 16 December 1966 vol. 738 cc897–952. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1966/dec/16race-relations-act-1965-amendment-bill> (дата обращения: 29.12.2021).

42. *Race relations Bill* HC Deb 03 May 1965 vol 711 cc926–1059. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1965/may/03/race-relations-bill> (дата обращения: 29.12.2021).

43. *Racial And Religious Discrimination Bill [H.L.]:* HL Deb 19 December 1966 vol. 278 cc1838–50. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1966/dec/19/racial-and-religious-discrimination-bill> (дата обращения: 29.12.2021).

44. *Racial discrimination and incitement:* HC deb., 14 January 1964. Vol. 687, col. 42–45. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1964/jan/14/racial-discrimination-andincitement#S5CV0687P0_19640114_HOC_228 (дата обращения: 29.12.2021).

45. *Racial Troubles In Notting Hill 1959*. URL: <https://www.britishpathe.com/video/racial-troubles-in-notting-hill> (дата обращения: 29.12.2021).
46. *Ramsden J. History of the conservative party: The Winds of Change: Macmillan to Heath, 1957—1975*. L., 1996.
47. *Seyd P. Factionalism within the Conservative Party: The Monday Club // Government and Opposition*. 1972, Vol. 7, № 4. P. 464—487.
48. *Solomos J. Race and Racism in Contemporary Britain*. Hampshire, 1989.
49. *Stocker P. The Postwar British Extreme Right and Empire, 1945—1967 // Religion Compass*. 2015. Vol. 9, № 5. P. 162-172.
50. *The Cabinet Papers*. 128/38 Original Reference 1 (63)—14 (63); 1 (64)—48 (64) // National Archives. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-38.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).
51. *The Cabinet Papers*. CAB 128/39 Original Reference CC 1 (64)—16 (64); 1 (65)—73 (65), 8 Jun 1965 // National Archives. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-39.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
52. *The 'forgotten' race riot*. By Linda Pressly // BBC. News, 2018. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm (дата обращения: 29.12.2021).
53. *The New Unhappy Lords Chesterton nwo illuminati freemasons*. URL: <https://archive.org/details/ChestertonArthurKennethTheNewUnhappyLords/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 29.12.2021).
54. *The Notting Hill Riots (1958)*. URL: <https://www.blackpast.org/global-african-history/notting-hill-riots-1958/> (дата обращения: 29.12.2021).
55. *The Official Yearbook of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. L., 2004.
56. *The story of the Windrush // RMG*. URL: <https://www.rmg.co.uk/stories/windrush-histories/story-of-windrush-ship> (дата обращения: 29.12.2021).
57. *Wilson H. A Personal Record: The Labour Government, 1964—1970*. L., 1971.
58. *Wind of Change or Whirlwind? / Monday Club*. L., 1961.

Об авторе

Анастасия Васильевна Мунько — асп., ассист., Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

E-mail: nastyamun@mail.ru

The author

Anastasiya V Munko, PhD Student, Assistant Professor, National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: nastyamun@mail.ru

А. А. Володькин

ФАКТОРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В 1991—2014 ГОДАХ

76

Проанализирована роль в формировании внешнеполитического курса Литвы, Латвии и Эстонии 1991—2014 гг. группы факторов, связанных с определением их позиции по отношению друг к другу, а также к международным процессам европейской политики данного периода. Показано, что фактор европейской интеграции начал определять политику государств Балтии в отношении своих соседей еще на этапе подготовки к вступлению в ЕС. Фактор позиционирования этих государств в качестве «малых стран» способствовал секьюритизации западных векторов их внешней политики. А фактор «балтийского единства» во многом опирался на стереотипы, сформировавшиеся в период борьбы Литвы, Латвии и Эстонии за независимость, и постепенно утрачивал свое значение по мере их интеграции в ЕС и НАТО.

The article analyzes the role of a group of factors related to the determination of Lithuanian, Latvian and Estonian position in relation to each other, as well as to the international processes of European politics of the historical period of 1991–2014 in the formation of their foreign policy. The author establishes that the factor of European integration started to determine the policy of Baltic states towards their neighbours yet in times of their preparation for the EU accession. The factor of Baltic positioning as "small states" contributed to the securitization of the western vectors of their foreign policy. And the factor of "Baltic unity" was largely based on stereotypes formed during the struggle for Lithuanian, Latvian and Estonian independence and gradually lost its significance as they were integrating into the EU and the NATO.

Ключевые слова: государства Балтии, внешняя политика, европейская интеграция, геополитическое позиционирование

Keywords: Baltic states, foreign policy, European integration, geopolitical positioning

Введение

Анализ условий формирования внешней политики государств и выявление движущих сил ее развития очень важны для понимания сложившейся структуры внешнеполитических приоритетов и долгосрочных проблем, возникающих в их отношениях с другими субъектами международных отношений. В этой связи весьма интересным объектом

для изучения представляются страны Балтии¹: Литва, Латвия и Эстония. Уже в силу своего расположения они оказались на пересечении интересов крупных акторов международных отношений. Несмотря на свои малые размеры и ресурсный потенциал, они проявляли неожиданную решимость и усилия для отстаивания своего внешнеполитического выбора. А их внешнеполитический курс на протяжении трех постсоветских десятилетий отличался стойкой последовательностью, что особенно контрастировало с преимущественно ситуативной внешней политикой большинства постсоветских стран.

Изучение источников и литературы позволяет выделить две основные группы факторов, определявших формирование внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в рассматриваемый период. Во-первых, это факторы идентичности, такие как историческая память и национальные идеологии этих стран, послужившие основой устойчивого консенсуса их политических элит. Вторую группу условно можно назвать внешними факторами, поскольку они связаны с влиянием таких внешних условий, как европейская интеграция и стереотипы о балтийском единстве, а также с оценкой своего места в европейской и мировой политике, то есть геополитическим позиционированием. Именно факторам последней группы и посвящена данная работа.

Предметом исследования выступают факторы европейской интеграции и геополитического позиционирования стран Балтии, а целью — анализ их роли в формировании внешнеполитического курса этих государств в 1991—2014 гг. Хронологические рамки работы обусловлены тем, что международное признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии в конце августа 1991 г. ознаменовало их переход к осуществлению суверенной внешней политики, а резкое ухудшение отношений между коллективным Западом и Россией с весны 2014 г. вследствие Украинского кризиса сформировало принципиально иную международную ситуацию в Европе, которая отразилась и на внешнеполитической повестке стран Балтии.

Историографию по теме исследования можно разделить на четыре тематические группы. Первую из них представляют публикации, отражающие влияние европейской интеграции на внешнюю политику стран Балтии. Здесь следует выделить работы Р. Вильпишаускаса, посвященные их подготовке к вступлению в ЕС и последствиям этого шага для их дальнейшей политики [21; 22]. Исторический путь стран Балтии «из Советского Союза в Европейский» также подробно рассматривается в монографии П. Ван Элсуwege [20]. Из российских исследователей во-

¹ Учитывая распространенное в русском языке употребление форм «Балтия» и «Прибалтика» в качестве синонимов, автор, тем не менее, разграничивает эти понятия. Исходя из исторических условий их возникновения и идеологической окраски современного применения, форма «Прибалтика» используется в качестве исторического термина, обозначавшего регион в пределах СССР. Применительно же к современному периоду независимого развития Литвы, Латвии и Эстонии автором используются формы «Балтия» и «балтийские» (подробнее см.: [3, с. 65—78; 4]).

просы влияния евроинтеграции на внешнюю политику стран Балтии затрагивали И. А. Баторшина [1], В. В. Воротников [5], А. Н. Сыгин и В. А. Смирнов [11].

Следующую группу составляют работы, посвященные идеям балтийского единства. Она включает исключительно литовских авторов, что указывает на особый интерес в Литве к данной теме. Здесь стоит упомянуть публикации М. Юркинаса [16], А. Буткуса и Л. Донскиса [14]. Следует отметить и сборник документов по развитию идей балтийского единства в межвоенный период [12]. Хотя его основной материал не вписывается в хронологические рамки работы, в послесловии редактор сборника З. Буткус дает весьма интересную оценку исторической динамики этих идей вплоть до вступления стран Балтии в ЕС.

К третьей группе относятся публикации по вопросам геополитической идентичности во внешней политике стран Балтии. В первую очередь это основанные на литовском материале работы В. Бяржюнаса [13] и Е. Карпавичюте [17]. Также здесь следует упомянуть статью Дж. Ламоро и Д. Гэлбрита, посвященную особенностям внешнеполитических стратегий и тактики стран Балтии, в контексте их позиционирования в качестве малых стран [19].

Наконец, последнюю группу составляют работы, посвященные более широким вопросам политического развития стран Балтии в исследуемый период, которые позволяют сформировать общее представление о месте и роли каждого из выделенных факторов в формировании их внешней политики. Сюда следует отнести работы В. В. Воротникова [6] и Р. Х. Симоняна [10], публикации И. Розенфельда [8] и А. Носовича [7], коллективную монографию Д. Гэлбрита, Дж. Ламоро и А. Лашаса о развитии внешней политики стран Балтии в 2004–2008 гг. [15]. Значительный интерес представляют также мемуары первого президента постсоветской Литвы А. Бразаускаса [2] и литовской журналистки Р. Сакалаускайте [9].

Фактор европейской интеграции

Европейская интеграция имела очень большое значение для развития государств Балтии в постсоветский период. С одной стороны, интеграция в ЕС (наряду со вступлением в НАТО) становится важнейшей стратегической целью их внешней политики. С другой — данный процесс задает определенные рамки развития этих стран, которые оказали существенное влияние на их внутреннюю и внешнюю политику, то есть также стали фактором их формирования.

В конце 1980-х гг. одновременно с лозунгами восстановления независимости Литвы, Латвии и Эстонии появляется и лозунг «возвращения в Европу». В ходе проведенных автором статьи осенью 2019 г. интервью с бывшими дипломатами и политиками стран Балтии практически все респонденты отмечали, что на этапе борьбы за независимость и в первые годы после ее достижения этот лозунг был не более чем декларацией о намерениях и никаких четких стратегий за ним не было. Тем не менее он имел такую мобилизационную силу, что вскоре стал ведущим принципом внешней политики стран Балтии и одной из идейных основ долгосрочного консенсуса их политических элит.

По мере развития европейской интеграции и адаптации государств Балтии к новой политической ситуации, формируемой этим процессом, лозунг «возвращения в Европу» наполнялся конкретным содержанием, которое определялось условиями ЕС, выработанными для стран — кандидатов на вступление. Здесь нужно вспомнить, что процесс восточного расширения ЕС кардинально отличался от всех предыдущих. Если ранее страны кандидаты могли оговаривать для себя особые условия членства (как Великобритания или Дания), то в случае переходных государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) были выработаны общие критерии, на основании которых планировалось оценивать готовность каждого из них к членству в ЕС.

Впрочем, все эти критерии и условия касались общих вопросов экономического и политического развития стран-кандидатов и не предусматривали для них прямых предписаний в сфере внешней политики. Однако с образованием ЕС одним из трех ключевых направлений его развития стала Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), которая предполагала выработку и проведение членами ЕС общей скоординированной внешней политики по актуальным для Сообщества вопросам. И хотя до своего вступления страны Балтии не были связаны формальными обязательствами следовать этой политике, на практике уже со второй половины 1990-х гг. они ориентировались на общую позицию ЕС в своих отношениях с второстепенными для них партнерами (то есть почти со всеми, кроме стран самого ЕС, а также США и России). Например, когда Брюссель осудил проведение конституционного референдума 1996 г. в Беларуси и принял в сентябре 1997 г. решение о сворачивании контактов с официальным Минском на высшем и высоком уровнях, страны Балтии хоть и с некоторой задержкой, но также последовали этому примеру, продемонстрировав свою солидарность [3, с. 180].

Такую позицию Литвы, Латвии и Эстонии можно объяснить их стремлением компенсировать политической лояльностью свое отставание от Польши и других стран ЦВЕ в достижении требуемых для вступления в ЕС экономических показателей. Уже на саммите ЕС в Люксембурге в 1997 г. была выделена группа первоочередных кандидатов на вступление, с которыми предполагалось начать переговоры в феврале 1998 г. (так называемая «Люксембургская группа»). Из трех государств Балтии в нее попала лишь Эстония. Поэтому, чтобы укрепить собственные позиции в борьбе за вступление, во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. эти страны делают акцент на своих успехах в демократизации и приверженности общим европейским ценностям, а также на поддержке внешнеполитических инициатив ЕС. Например, Латвия в соответствии с рекомендациями ОБСЕ и Совета Европы внесла изменения в свое законодательство о гражданстве, чтобы упростить его получение для русскоязычных жителей страны и тем самым продемонстрировать свое продвижение по пути построения правового демократического государства. А политические лидеры и дипломаты стран Балтии убеждая европейскую аудиторию в важности скорейшего приема своих государств в ЕС и НАТО, наряду с аргументами о защите от угроз с Востока также активно апеллировали к необходимости консолидации пространства «об-

щих демократических ценностей». Такая риторика была свойственна, например, выступлениям латвийского президента В. Вике-Фрейберги и эстонского министра иностранных дел (и будущего президента этой страны) Т. Х. Ильвеса.

После вступления в ЕС влияние европейской интеграции на внешнюю политику стран Балтии еще более усилилось и приобрело новые формы. В качестве членов этого объединения они получили одновременно право и обязанность участвовать в разработке и реализации ОВПБ/ЕВПБ. Теперь они должны были формулировать свою позицию по всем вопросам, составляющим внешнеполитическую повестку ЕС, — «от Конго до Мьянмы» [16, р. 121]. Но, будучи небольшими государствами и не имея собственных четких интересов в таких важных для ЕС регионах, как Африка или Ближний Восток, страны Балтии не могли оказывать существенного влияния на его общую внешнюю политику в целом. Поэтому они сконцентрировались на стремлении играть более активную роль в формировании общей стратегии отношений ЕС с Россией и развитии его связей с новыми восточными соседями. Аналогично тому, как на рубеже 1980—1990-х гг. северные государства пытались увеличить свой вес в европейской политике, выступая в роли «ретрансляторов» европейских ценностей и собственных моделей развития в страны на восточном берегу Балтийского моря, государства Балтии с середины 2000-х гг. стремились заработать авторитет в ЕС делясь своим опытом реформ на пути «из Советского Союза в Европейский» с постсоветскими странами, прежде всего — с ориентированными на европейскую интеграцию Украиной и Грузией [3, с. 181].

Ограниченность возможностей стран Балтии влиять на политику ЕС проявилась уже в середине 2000-х гг., когда стало ясно, что они не смогут заблокировать на европейском уровне строительство российского трубопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря. Поэтому между ними постепенно нарастают различия во внешнеполитических подходах. Латвия и Эстония вскоре после вступления в ЕС фактически отказались от проведения собственной внешней политики в пользу поддержки общей внешней политики Союза и умеренного участия в его многосторонних инициативах. Литва же, напротив, стремилась использовать свой новый статус, чтобы занять место регионального лидера и играть ведущую роль в развитии отношений ЕС со странами постсоветского пространства. Особенно примечательной в этом плане была политика президента Д. Грибаускайте, которая в 2009—2010 гг. пыталась выступить в качестве посредника в налаживании политического диалога между ЕС и Беларусью, а в 2013 г. — форсировать заключение Договора об ассоциации Украины с ЕС (что сформировало предпосылки Украинского кризиса 2014 г.).

Факторы геополитического позиционирования

В силу неоднозначности трактовки самого понятия *геополитика* и крайней условности оценок влияния геополитических характеристик на реальное поведение политических субъектов в работе не ставится задача «объективно» оценить влияние геополитического положения стран Балтии на их внешнюю политику. Напротив, геополитическое позици-

онирование рассматривается исключительно в конструктивистском ключе — как одна из форм пространственной идентичности субъекта, выраженная в совокупности его представлений о своей роли в мировых и региональных процессах, о том, где находятся «друзья», а где «враги».

Одной из форм такого позиционирования, релевантной для государств Балтии, является представление о себе как о «малых странах». По мнению В. Бяржюнаса, идентичность малой страны определяется именно восприятием себя в качестве таковой самой нацией, а точнее ее политической элитой [13, р. 8]. Он выделяет во внешней политике Литвы два нарратива такой идентичности: восприятие политической элитой своего государства как слабого и уязвимого, нуждающегося в сильном союзнике, и убеждение в наличии угрозы со стороны другого государства, от которой этот союзник должен защищать. Влияние этих нарративов на внешнюю политику страны иллюстрируется тремя примерами. Вступление Литвы в НАТО, в представлении политической элиты, связано с тем, что лишь действительно сильный союзник сможет гарантировать ее безопасность от огромной и опасной России. А поддержка США во время войны в Ираке объясняется необходимостью безоговорочной солидарности со своим ключевым союзником, от которого зависит безопасность страны. Наконец, стремление Литвы к региональному лидерству выводится из желания показать, что, несмотря на свою слабость и уязвимость, она все же может предложить нечто своим союзникам [13, р. 19].

Хотя выводы Бяржюнаса основаны на литовском материале, они могут быть с уверенностью экстраполированы на Латвию и Эстонию. Для их внешнеполитического дискурса также характерны нарративы российской угрозы, от которой их может защитить лишь коллективный Запад во главе с США. Фактически нарративы идентичности малых стран стали основой для секьюритизации западных векторов внешней политики стран Балтии — провозглашения вступления в ЕС и НАТО залогом их выживания в долгосрочной перспективе. В соответствии с теорией секьюритизации Б. Бузана и О. Уивера риторика об экзистенциальной угрозе с Востока использовалась политическими элитами для постоянной актуализации этих целей и мобилизации имеющихся ресурсов на их достижение.

Еще одной формой геополитического позиционирования Литвы, Латвии и Эстонии стала идея балтийского единства. Несмотря на культурно-исторические различия эстонцев, латышей и литовцев, сближающим фактором для них послужило то, что еще на заре своей национальной государственности они осознали себя уязвимыми малыми нациями в окружении сильных и агрессивных соседей. Уже во время борьбы за международное признание в 1918–1919 гг. эти страны пытались сформировать региональный альянс, чтобы вместе отражать внешние угрозы и отстаивать свои права на международной арене. Тогда же выходят концептуальные работы Я. Тыниссона (J. Tõnisson), К. Р. Пусты (K. R. Pusta), Й. Шлюпаса (J. Šliūpas), С. Шалкаускаса (S. Šalkauskis) и О. Милоша (O. Milosz) с различными проектами такого объединения [12, р. 89–98]. Но в тот период единственным успехом на этом пути стало образование в 1934 г. трехстороннего оборонительного союза, известного как Балтийская Антанта.

Как отмечает З. Буткус, советский период сделал для сближения Литвы, Латвии и Эстонии больше, чем какой-либо другой [12, р. 873–880]. Особенно их консолидация проявилась в период борьбы за восстановление независимости, когда Народные фронты трех республик тесно взаимодействовали друг с другом и координировали свою политику. А в 1990–1991 гг. в качестве структур трехстороннего сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии были созданы Балтийский Совет и Балтийская Ассамблея. Все это способствовало распространению стереотипа о «балтийском братстве». Однако, по словам того же З. Буткуса, чем больше времени проходило с момента восстановления независимости, тем больше три страны отходили от этих идей как устаревших в условиях интеграции в западные структуры. Это подтверждают и выводы М. Колги, что значение ряда трехсторонних проектов в сфере обороны сошло на нет для стран Балтии после окончательного согласования сроков их вступления в НАТО [18].

Но какое значение идеи балтийского единства имели для внешней политики государств Балтии? Рассмотрим примеры обращения к этой идее в политическом дискурсе самих стран Балтии и их основных зарубежных партнеров. Доказательства того, что эти страны рассматривались как единый комплекс, можно найти в политике ЕС и США по отношению к ним. Например, ЕС одновременно включил их в программу ФАРЕ и заключил с ними соглашения о торговле и сотрудничестве и об ассоциации [20]. А президенты США во время своих зарубежных визитов в 1990-х — начале 2000-х гг. проводили все встречи исключительно в четырехстороннем формате — одновременно с главами Литвы, Латвии и Эстонии. А. Бразаускас оправдывал такой подход стремлением «не провоцировать ненужную конкуренцию между незрелыми балтийскими демократиями» за роль приоритетного союзника США в регионе [2, с. 453]. Но более вероятным представляется, что политика как ЕС, так и США в этом вопросе была обусловлена укоренившимися стереотипами о балтийском единстве.

Что касается самих стран Балтии, кроме упомянутых трехсторонних структур и проектов в их внешнеполитическом дискурсе рассматриваемого периода можно найти лишь несколько примеров обращения к теме балтийского единства. Во-первых, это ряд совместных деклараций середины 1990-х гг. об общей приверженности интеграции в ключевые западные объединения. Во-вторых — известное выступление эстонского министра иностранных дел Т.Х. Ильвеса в Стокгольме, в котором он, поддерживая решение саммита ЕС в Люксембурге о включении в число первоочередных кандидатов на вступление из трех стран Балтии одной лишь Эстонии, утверждал, что в отличие от своих южных соседей Эстония относится к группе северных, а не балтийских государств.

Наконец, риторика балтийского единства дважды использовалась чтобы предотвратить участие лидеров стран Балтии в юбилейных парадах Победы в Москве. В апреле 1995 г. президент Эстонии Л. Мери, узнав о планах своего литовского коллеги А. Бразаускаса поехать на церемонию в Москву, а не в Лондон, обвинил того в предательстве балтийского единства. Поддержанный В. Ландсбергисом и литовскими консерваторами он смог заставить Бразаускаса изменить свое решение

[9, с. 151—152]. А в 2005 г. аналогичная тактика была использована эстонским руководством в отношении президента Латвии В. Вике-Фрейберги. Но в отличие от Бразаускаса она не отступила, а, напротив, заявила, что нет больше никакого балтийского единства — «советская Прибалтика» осталась в прошлом, а Латвия, Литва и Эстония должны проводить свою собственную политику [8, с. 97].

Выводы

Популярность в странах Балтии лозунга «возвращения в Европу» и долгосрочный консенсус политических элит по стратегическим целям членства в ЕС и НАТО обусловили большое влияние фактора европейской интеграции на их внешнюю политику. Уже со второй половины 1990-х гг., то есть еще до вступления в ЕС, решения европейских структур начинают оказывать существенное влияние на их отношения друг с другом и с ближайшими соседями. А после вступления это влияние еще более усилилось, но приобрело в каждой из стран Балтии свои формы. Если Латвия и Эстония фактически отказались от активной внешней политики в пользу полной солидарности с внешнеполитическим курсом ЕС, то Литва, напротив, стремилась активно участвовать в развитии отношений Евросоюза с его новыми восточными соседями — постсоветскими странами Восточной Европы и, таким образом, максимально использовать выгоды своего нового статуса пограничного государства ЕС для увеличения собственного веса в европейской политике и продвижения к региональному лидерству.

Важную роль в формировании внешнеполитического курса стран Балтии на протяжении исследуемого периода играло и их восприятие внешних угроз, обусловленное позиционированием себя в качестве уязвимых малых стран, само выживание которых в долгосрочной перспективе зависит от поддержки союзников на Западе, прежде всего США. Такое позиционирование привело к секьюритизации стратегических целей западных векторов их внешней политики — членства в НАТО и ЕС, что позволило максимально мобилизовать на достижение этих целей имевшиеся ресурсы.

Что касается фактора балтийского единства, эта концепция, развившаяся в процессе трехстороннего сотрудничества Литвы, Латвии и Эстонии во время борьбы за независимость от СССР на рубеже 1980—1990-х гг., вскоре стала внешним стереотипом, глубоко укоренившимся в политике ЕС и США в отношении стран Балтии. В то же время в самих этих странах с момента обретения независимости привлекательность идеи балтийского единства ослабевала и избирательно использовалась политическими лидерами для решения собственных политических задач.

Список литературы

1. Баторшина И. А. Литва в контексте евроинтеграционных процессов: от Люксембурга до Хельсинки // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 48—51.

2. *Бразаускас А.* Пять лет президента: события, воспоминания, мысли. М., 2002.
3. *Володькин А. А.* Основные векторы внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1991—2014 гг. Минск, 2021.
4. *Володькин А. А.* Проблема использования региональной категории «страны Балтии» в международных отношениях 1990—2010-х гг. // Вестник Гродненского государственного университета. Сер. 1: История и археология. Философия. Политология. 2020. Т. 12, № 3. С. 45—55.
5. *Воротников В. В.* Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 124—135.
6. *Воротников В. В.* Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004—2012 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2014/262823/Vorotnikov_diss.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
7. *Носович А. А.* История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М., 2015.
8. *Розенфельд И.* Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту ; СПб., 2009.
9. *Сакалаускайте Р.* На ринге литовской политики / пер. с литовского Б. Синочкина. М., 2011.
10. *Симонян Р. Х.* Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // Горизонты экономики. 2011. № 1. С. 33—43.
11. *Сытин А. Н., Смирнов В. А.* Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 98—118.
12. *Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918—1940 metais: dokumentų rinkinys* / ed. by Z. Butkus. Vilnius, 2008.
13. *Beržiūnas V.* Lithuanian Foreign Policy Formation and the Factors of Identity : summary of doctoral dissertation. Vilnius, 2017.
14. *Butkus A., Donskis L.* The Baltics — A Forgotten Future Project // Lithuanian Foreign Policy Review. 2007. Vol. 19. URL: http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/08/LFPR-19-Butkus_Donskis.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
15. *Galbreath D. J., Lamoreaux J. W., Lašas A.* Continuity and Change in the Baltic Sea Region: Comparing Foreign Policies. Amsterdam ; New York, 2008.
16. *Jurkynas M.* How Deep Is Your Love: the Baltic Brotherhood Re-Examined. Vilnius, 2007.
17. *Karpačiūtė I.* Kaita ir nacionalinė tapatybė užsienio politikos studijose: Lietuvos atvejis // Vytauto Didžiojo universitetas. Politikos mokslų almanachas. 2013. P. 99—134.
18. *Kolga M.* Quo vadis Baltic defence cooperation? // The Estonian Foreign Policy Yearbook 2006. Tallinn, 2006. P. 119—136.
19. *Lamoreaux J. W., Galbreath D. J.* The Baltic States As 'Small States': Negotiating The 'East' By Engaging The 'West' // Journal of Baltic Studies. 2008. Vol. 39, № 1. P. 1—14.
20. *Van Elsuwege P.* From Soviet Republics to EU Member States. Leiden ; Boston, 2008. Vol. 2.
21. *Vilpišauskas R.* National preferences and bargaining of the new member states since the enlargement of the EU: the Baltic States — still policy takers? // Lithuanian Foreign Policy Review. 2011. Vol. 25. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/09/LFPR-25-Vilpisauskas.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

22. *Vilpišauskas R.* The Lithuanian Presidency of the Council of the European Union Advancing Energy Policy and Eastern Partnership Goals: Conditions for Exerting Influence // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2013. Vol. 29. URL: <http://lfpr.lt/wp-content/uploads/2015/09/LFPR-29-Vilpisauskas.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

Об авторе

Андрей Александрович Володькин — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории Национальной академии Беларуси; доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.

E-mail: andrei_va@tut.by

85

The author

Dr Andrei A. Valodzkin, Senior Researcher, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; Associate Professor, Belarusian State University, Belarus.

E-mail: andrei_va@tut.by

В. В. Кривошеев

**ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПАРАДОКС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ****Часть первая**

86

Цель исследования заключается в том, чтобы показать место и роль организованной преступности в жизни России на протяжении значительного периода в XX в., а также трансформацию этой формы криминальной активности. В первой части публикации анализируются процессы становления и развития своеобразной формы организованной преступности, свойственной советскому типу общества. Показывается, что организованная преступность, наследуя прежние организационные формы, приобретала новые черты, которые отражали специфику нового социального и экономического уклада. Раскрываются особенности организованной преступности на разных этапах функционирования советского общества. Демонстрируется, что в период новой экономической политики появились новые формы организованной криминальной активности, свойственной именно советскому времени. Отмечается также, что уже в этот период можно зафиксировать определенное взаимодействие отдельных представителей органов власти, в частности контрольных органов, с представителями так называемой новой буржуазии. Это осуществлялось, естественно, не на безвозмездной основе, что показывает зарождение специфического феномена советской коррупции. Отмечается, что даже достаточно жесткий политический и правовой режим, который ассоциируется с режимом сталинизма, не преодолел организованных форм преступных проявлений, хотя о каком-либо взаимодействии преступников с представителями органов власти в тех условиях говорить сложно. Новый этап функционирования организованных форм криминальной активности справедливо связывают с наступившей в 1950-е годы «оттепелью», когда все более и более заявляют о себе разнообразные формы организованной преступности.

The aim of the study is to define the role of organized crime in Russia over a major period in the 20th century, and analyze transformation that this criminal activity underwent. The article opens with the analysis of the development processes of the organized crime typical for the Soviet society. It is shown that in the Soviet period of history, organized crime, inheriting the previous organizational forms, acquired new features that reflected particular features of the new social and economic structure. The author identifies certain features of organized crime at different stages of the Soviet society. In particular, it is shown that the new economic policy witnessed new forms of organized criminal activity, identical to the Soviet type. It is also noted that this very period registered a certain interaction between individual representatives of the authorities, in particular, control bodies, and so-called new bourgeoisie. Such relations were

supported with certain remuneration which became the factor for specific Soviet corruption to emerge. It is noted that even a fairly tough political and legal regime, which is associated with the Stalinism, did not overcome organized forms of criminal activity, though that period didn't encourage any interaction between criminals and representatives of the authorities. A new stage in the organized crime is associated with the thaw that came in the 1950s, when many forms of organized crime revealed themselves.

Ключевые слова: организованная преступность, советский период, трансформация организованной преступности

Keywords: organized crime, Soviet period of Russian history, transformation of an organized form of criminal activity

Введение

Преступность в разнообразных профессиональных и организованных формах сопровождает человеческое сообщество на всем протяжении его существования. Само понятие «организованная преступность» появилось относительно недавно — специалисты утверждают, что впервые оно было использовано в 1950—1960-х гг. американскими криминологами Д. Л. Хербертом и Х. Триттом [1, с. 501]. Хотя совершенно очевидно, что такой вид криминального действия отчетливо фиксировался и задолго до этого, достаточно длительное время практически во многих странах. Более того, криминологи отмечают, что существуют и глобальные преступные организации, которые действуют едва ли не на протяжении столетий. Среди них итальянская мафия, японские борекудан (якудза), китайские триады, колумбийские наркокартели, американская Коза ностра и другие устойчивые формирования [2, с. 21]. Не была исключением и Россия. Некоторые исследователи считают, например, что так называемые казацкие сообщества-республики XVI—XVII вв. во многих отношениях были не только отечественным аналогом пиратских сообществ Карибского моря того же времени, но и прообразом мафиоподобных организаций XX в. [3, с. 167]. Кроме того, всегда действовали и банды разбойников как наиболее простые формы организованной преступной активности, которые, как правило, грабили пассажиров экипажей на дорогах.

Что касается советской истории России, то практически на всем протяжении этого периода существование организованной преступности отрицалось. Более того, в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. господствовал, по сути, коммунистический романтизм, когда постулировалось, что всякая преступная активность должна быстро — едва ли не автоматически — исчезнуть. Утверждалось, например, что «пролетарскому суду приходится иметь дело с преступлениями, почва для которых приготовлена буржуазным обществом, еще не ликвидированным во всех своих пережитках. Пролетарскому суду пришлось получить от старого режима воспитанный этим режимом кадр (так в оригинале. — В. К.) профессиональных преступников. Пролетарский суд абсолютно чужд мести. Он не может мстить людям за то, что они жили

в буржуазном обществе. Поэтому наказания наших народных судов уже теперь отражают полную революцию в правосудии» [4, с. 40]. Да и позднее превалировала точка зрения о преступности как об одном из «родимых пятен капитализма», которое легко исчезнет на пути продвижения к самому справедливому обществу. Н. С. Хрущёв, например, вполне серьезно обещал показать народу последнего вора. Советская пропаганда даже описывала встречу Первого секретаря ЦК с вором-рецидивистом в 1959 г. — беспрецедентный шаг со стороны руководителя государства. По словам Хрущёва, ему пришло письмо от бывшего заключенного, который просил помочь ему встать на путь исправления. Его вызвали в Кремль, где глава партии пообещал ему квартиру и содействие в трудоустройстве. Сейчас невозможно достоверно утверждать, действительно ли эта встреча состоялась или это была пропагандистская фантазия партийного лидера [5]. Но позже, в 1970—1980-е гг., когда из официальной пропаганды быстро пропали лозунги о быстром наступлении коммунизма, власть не стала употреблять идеологемы, пропагандистские штампы о возможности полного искоренения антиправовых действий и перевоспитания всех без исключения правонарушителей.

Своеобразным пиком деятельности организованной преступности в нашей стране стали 1990-е гг., когда из латентного, во многом управляемого состояния этот вид криминальной активности вышел на поверхность, стал действовать открыто — брать под контроль целые секторы экономики, в том числе банковскую систему.

Различные грани организованной формой криминальной активности исследуют специалисты разных отраслей знания, в частности правоведы [6; 7], криминологи [8—11], социологи [12—14], историки [15—17]. Отдельные аспекты анализа организованной преступности в нашей стране предполагается дополнить в данной статье.

Цель и методология исследования

Целью исследования, результаты которого будут представлены в двух частях статьи, является сравнительный анализ функционирования организованной преступности в разные периоды отечественной истории XX в. Кроме этого, планируется показать наряду с ее особенностями своеобразную преемственность крайних форм антисоциальной активности.

В качестве методологии исследования автор избрал институциональный анализ — организованная преступность рассматривается как своеобразный социальный институт с присущими ему элементами — нормативной основой, знаково-символическими слагаемыми, идеологией. Понятно, что все эти элементы, говоря математическим языком, функционируют с обратным знаком, то есть носят отчетливо антисоциальный характер. Этот антисоциальный институт не развивает а, напротив, разрушает социум, его нормативные основы, все отношения и взаимодействия в нем. Основными методами, использованными автором, стали анализ статистических данных и вторичный анализ социологической информации, содержащейся в монографиях и иных публикациях социологов, криминологов, историков, других специалистов, занимающихся проблемами преступности и девиантного поведения.

Становление организованной преступности советского типа в 1920–1930-е годы

Октябрьская революция в России 1917 г., как и любые иные подобные кардинальные трансформации в жизни общества, естественно, затронула и такую специфическую сферу социума, как преступность, включая и ее организованную форму. Прежде всего следует обратить внимание на то, что всплеск антисоциального поведения значительных масс людей вызывают любые социальные катаклизмы. Историки фиксируют, что «несмотря на очевидное ужесточение государственной правоохранительной политики, обеспечившее определенный успех в борьбе с революционным движением и обозначившее вхождение страны в полосу “реакции”, в рамках периода не удалось остановить неуклонного роста уголовной преступности» [15]. Социальный хаос, наступивший уже в ходе Первой мировой войны, стал тотальным в связи с падением монархии в феврале и крушением Временного правительства в октябре 1917 г. Полная разбалансированность правоохранительной системы государства в этих условиях, а порой и разгром этой системы, предопределили обвальный рост криминальной активности, которая охватила все социальные слои и группы. Растущее число беспризорных привело к небывалому росту преступности несовершеннолетних [16, с. 493]. Такой рост вовлеченности детей и подростков в преступную активность обусловил формирование своеобразного резерва преступного мира.

Углублявшийся во время Первой мировой войны экономический и политический кризис привел к появлению особой организованной преступности, которую условно можно назвать элитарной (специалисты также называют ее торгово-финансово-промышленно-чиновничьей). Получая колоссальную прибыль, организованные преступные группы быстро дестабилизировали всю обстановку в стране. Возник емкий черный рынок – прообраз будущего советского, который открыто паразитировал на растущем дефиците большинства товаров и услуг [7, с. 71].

Появление советского типа криминалитета происходит вскоре после Октябрьской революции 1917 г. По многим слагаемым он оставался старым, то есть состоял из тех же «карманников», «щипачей» (воры, действовавшие на улицах, в общественном транспорте), «домушников» (преступники, воровавшие имущество граждан из квартир и домов), «медвежатников» (преступники, вскрывавшие сейфы) и прочих «профессионалов». Действительно, особой разницы ведь не было в том, чтобы обворовывать сейф какого-нибудь банкира или государственного учреждения.

Но уже в самом начале советского периода преступный мир рекрутируется и из новых слоев и социальных групп. Своеобразие становлению специфического советского криминалитета придает новая экономическая политика (нэп), проводимая советской властью с начала 1920-х гг. Новая бюрократия достаточно быстро распознала возможность личного обогащения за счет так называемой общенародной собственности, которая формально принадлежала всему народу, но распоряжались ею советские чиновники (работники «советского аппарата», появляющаяся

номенклатура) [36, с. 171]. Распространенным явлением в это время стала должностная преступность, которая часто в партийных документах вуалировалась под более нейтральным термином «злоупотребление самоснабжением». На самом деле это было не чем иным, как откровенным «казнокрадством». Широко использовались советскими чиновниками государственные средства на ремонт квартир, кабинетов, дач, приобретение предметов роскоши. Приобрели популярность чествования ответственных работников с вручением им дорогих подарков. «Элитная жизнь» номенклатуры требовала значительных материальных затрат. Средства для такой жизни предоставляли им взятки или хищения [18, с. 14]. О масштабе взяточничества свидетельствует тот факт, что только в 1922 г. общее число осужденных за это по 49 губерниям РСФСР составило 3254 человека, что в два раза больше числа осужденных за иные государственные преступления [19, с. 20].

Наряду с номенклатурной преступностью, которая отчетливо продемонстрировала, помимо прочего, своеобразную зависть аппаратчиков, многие из которых прошли испытания Гражданской войной, голодом, лишениями, к тем, кто быстро разбогател, четко фиксируется и противоправная деятельность самих этих новых буржуа.

В период нэпа быстро появились люди зажиточные, торговцы, владельцы мастерских, ателье, ресторанов и т.п. «Новые буржуа» пытались, естественно, наладить специфические контакты с советским чиновничеством и даже внедрить во властные структуры «своих людей». Первоначальное накопление капитала никогда, как известно, не отличавшееся особой нравственной чистотой, в условиях Советской России 1920-х гг. происходило совсем уж хищнически. Это объясняется, в частности, и тем, что новая буржуазия верила, что нэп будет продолжаться относительно долго. Важно было быстро заработать деньги и по возможности исчезнуть из страны, которая всерьез намеревалась построить общество без буржуазии, без хозяев. Забегая вперед, можно с полным основанием утверждать, что подобная тактика временщиков во многом характеризовала и ситуацию 1990-х гг., когда многие «новые русские» также не думали, что их время пришло навсегда.

В 1920-х гг. нэпманы активно применяли криминальные методы обогащения. Массово использовались, например, обман граждан и целых организаций, получение кредитов под никогда не существовавшие предприятия, контрабанда и валютные махинации, спекуляция, прикрываемое взятками расхищение государственного имущества [20, с. 39].

Большое распространение получает создание своеобразных фантомных хозяйствующих субъектов, в частности фиктивных кооперативов, фирм и т.п. Численность таких лжекооперативов с каждым годом росла. На 1 января 1925 г., например, в СССР было зафиксировано около 14 тыс. подобных объединений, или 40 % от общего числа организаций [21, с. 1108].

Таким образом, уже на начальном этапе советского периода происходит отработка взаимодействия, а порой даже сращивания, элементов организованной преступности с представителями аппарата управления. Подобная практика будет активно использоваться и в дальнейшем. Характерно, что данный вид антисоциальной активности присущ не

только России. Кроме того, организованная преступность в 1920-х гг. в советской России проявилась и в создании псевдоэкономических субъектов. Так происходила своеобразная апробация такой негативной практики, получившей развитие в дальнейшем.

Организованная преступность и сталинский режим: возможность сосуществования

Сама постановка вопроса об организованной преступности в условиях становления и функционирования достаточно жесткого режима с его буквально тоталитарным контролем за всеми видами активности людей и их организаций (с конца 1920-х до середины 1950-х гг.), ассоциирующегося с руководством страной И. В. Сталиным и его ближайшим окружением, на первый взгляд представляется надуманной. Всепроникающий контроль над любыми действиями людей, строжайшая дисциплина на производстве и во всех сферах жизни общества, крайнее ограничение любых способов неправового обогащения действительно оставляли преступному миру, казалось бы, незначительные ниши для деятельности. Но, как ни парадоксально, даже в этот период можно зафиксировать организованные формы преступности.

Основной сферой деятельности преступных групп в 1930-е гг. была экономика. Они занимались скупкой драгоценных металлов, серебряных монет, антиквариата для последующих махинаций в системе государственных магазинов «Торгсин», занимавшейся торговлей с иностранцами. Более того, в этот период появились нелегальные «черные биржи» [7, с. 73]. Фиксировались организованные хищения в торговле, в системе снабжения, промысловой кооперации, у так называемых частных (говоря современным языком, у индивидуальных предпринимателей, которые пусть в незначительном количестве, но сохранялись и в то время). Для сбыта подпольно произведенной продукции использовались комиссионные магазины [Там же].

Как отмечают С. В. Богданов и А. Л. Репецкая, «государство, в свою очередь, реагировало на увеличение корыстных преступлений во всех отраслях народного хозяйства ужесточением уголовной репрессии» [7, с. 73]. Исследователи приводят статистические сведения: только в 1935 году за различные виды хищений в системах государственной и кооперативной торговли СССР обвинительные приговоры были вынесены 96 233 должностным лицам (в том числе 81 080 чел., или 84 %, были осуждены за растрату и присвоение вверенного им имущества); в 1936 г. — 73 873 чел. (по тем же статьям — 69 347 чел., или 93,7 %), в 1937 г. — 62 848 чел. (по тем же статьям — 61 204 чел., или 98,7 %) [Там же].

Отсюда понятно, почему требовался поистине тотальный, всепроникающий, постоянный контроль над всеми работниками. Что, естественно, при всей жесткости режима было все же недостижимо, тем более что необходимо было контролировать и самих контролеров [22]. Но обезличенная, официально называемая «общенародной», собственность от имени государства управлялась работниками аппарата управления, то есть чиновниками. Получалось, что непринадлежность собственности никому конкретно естественно порождала своеобразное своеволие, безот-

ветственность, готовность жертвовать многомиллионными издержками производства во имя не всегда рациональных действий, что диктовалось партийным сверхаппаратом [36, с. 160]. Кроме этого, управление такими огромными ресурсами, которые опять-таки не принадлежали никому конкретно, вызывало соблазн прикосновения к собственности, результатам деятельности производственных коллективов. И этот соблазн делался все сильнее, хотя мы и не отрицаем фактов честного, бескорыстного служения многих управленцев своему делу, обществу [36, с. 161].

Но все же основной формой организованной преступной деятельности вплоть до конца 1930-х гг. в России был политический бандитизм, представленный бандами так называемых контрреволюционеров — таких, например, как Петроградская вооруженная организация [23]. Действующая власть всегда стремилась к их полному подавлению, иногда весьма жестокими методами. В 1930-е гг. чрезвычайно жесткими репрессивными мерами была подавлена активность по существу всех организованных преступных формирований политического характера. Сворачивание новой экономической политики к этому времени привело к фактическому исчезновению и экономических преступников, которые были приравнены к государственным и также подверглись репрессиям.

К этому времени сформировался новый криминальный мир, в котором основной спланирующей силой стала тенденция неполитического противодействия и неподчинения власти, а его своеобразную элиту сформировали так называемые воры в законе. Они называли себя хранителями криминальных традиций дореволюционной России [24].

Эти представители криминального мира исповедовали «воровской закон» — свод неписаных правил и норм, обязательных к исполнению. Среди них правил были такие: вор в законе отказывается от сотрудничества с любыми властными структурами; никогда не дает показания в ходе следствия и судебного заседания; никогда не признает вину; не имеет собственности и сбережений; не имеет семьи; периодически попадает в места лишения свободы; не берет в руки оружие; не работает ни при каких условиях [25].

После Великой Отечественной войны организованные преступные группы носили не только уголовный, но и политический, в частности, националистический характер. Только в 1945 г. на Западной Украине было ликвидировано 890 вооруженных групп, при этом убито 44 тысячи и арестовано свыше 17 тыс. участников этих формирований, в Западной Белоруссии ликвидировано 256 групп, убито 1335 участников и арестовано 2701 человек [26].

Бандформирования не только терроризировали население и уничтожали работников партийного и советского аппарата, но и занимались открытым грабежом, в том числе государственной и колхозной собственности, жесточайшим насилием.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. отмечалась устойчивая тенденция воспроизводства организованных преступных групп, действовавших в экономической сфере. Причем на смену одним группам, деятельность которых была прекращена правоохранительными органами, вскоре приходили другие. Показателен здесь пример, демонстрирующий динамику воспроизводства организованных преступных групп в Ленинграде,

где только в первом полугодии 1949 г. сотрудниками милиции (представлявшими так называемые отделы борьбы с хищениями социалистической собственности – ОБХСС) было выявлено 346 преступных групп, действовавших в сфере экономики города и области. К уголовной ответственности по данным делам было привлечено 979 человек. А в 1953 г. в г. Ленинграде и Ленинградской области была пресечена деятельность еще 136 организованных преступных группировок в экономике, к ответственности было привлечено 362 участника этих организованных преступных групп [7, с. 76]. Таким образом, несмотря на значительное снижение количества выявляемых групп, их число на протяжении рассматриваемого времени оставалось значительным.

Еще одним распространенным видом нелегального бизнеса того времени были операции по купле-продаже иностранной валюты, золотых монет царской чеканки, золотых изделий, золота с приисков, драгоценностей – ведь это был единственный путь «отмывания» преступных доходов в советском государстве. Так, в Московской области в течение лишь полутора месяцев в начале 1947 г. было раскрыто четыре организованные группы валютчиков. Перечень изъятых материальных ценностей поражает воображение: советских денежных знаков в сумме 304 тыс. руб., сберегательных книжек с вкладами на предъявителя на 105 тыс. руб., облигаций государственных займов на 294 тыс. руб., американской валюты – на 5022 руб., английских фунтов стерлингов – на 120 руб., золотых монет царской чеканки на 16 335 руб., золотых изделий и бриллиантов на 74 тыс. руб. Общий вес изъятых золотых монет и украшений составил 14,77 кг [27, с. 472]. Чтобы оценить, много это или мало с точки зрения доходов граждан страны, можно отметить, что средняя зарплата по народному хозяйству в СССР в 1945 г. была 442 руб., а в 1950-ом – 646 руб. [28].

Примечательно, что выявленные крупные организованные преступные группы, действовавшие в экономической сфере СССР в 1945–1953 гг., зачастую имели «прикрытие» в лице представителей контролирующих, проверяющих органов и организаций, а в отдельных случаях – и сотрудников правоохранительных органов. Взяточничество и взаимодействие с преступными элементами (как правило, верхушкой преступного мира – «хищниками») получили распространение и в самих правоохранительных органах. Так, например, в 1949 г. большой резонанс вызвало уголовное дело трех начальников ОБХСС Ленинградской городской милиции, которые тесно взаимодействовали с преступными группами, орудовавшими в хозяйственной сфере [7, с. 76]. Таким образом, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. продолжилось формирование организованной преступности в экономике страны.

На рубеже 1940–1950-х гг. стали все в большей мере проявляться тенденции укрепления «теневой» экономики, дальнейшего приспособления крупных нелегальных дельцов, отдельных коррумпированных руководителей торгово-снабженческой, заготовительной сети к реалиям советской действительности, в том числе и к репрессивной линии государства к любым экономическим преступлениям.

Как нетрудно заметить, даже в условиях достаточно жесткого, тоталитарного режима организованная преступность в СССР действовала

пусть и не так успешно, как в последующие годы, но все же обходя многие преграды, вовлекая в свои сообщества и в этот период чиновников, сотрудников правоохранительных структур.

«Оттепель»: цеховики и их сращивание с преступным сообществом

С середины 1950-х до середины 1960-х гг. начинается новый период функционирования организованной преступности в СССР, соответственно и новый этап политики государства по ее преодолению. Это время, получившее в историографии название «оттепели», было достаточно противоречивым.

С одной стороны, явно можно зафиксировать либерализацию социальных порядков, предоставление людям большей свободы, что применительно к обществу означало смягчение или даже прекращение массовых репрессий, преодоление обстановки страха, подозрительности, всеобщего контроля.

С другой — можно вспомнить, что в 1962 г. в Новочеркасске была расстреляна мирная демонстрация рабочих. Погибло (даже по официальным данным) не менее двадцати человек, многие десятки были ранены. Стреляли в них только потому, что людей возмутил резкий рост цен на основные продукты питания. И это происходило тогда, когда официальная власть продолжала навязчивую и шумную пропагандистскую кампанию о «быстром и неуклонном» продвижении к коммунизму [29]. Давлению подвергалась отечественная интеллигенция. Так, в начале 1960-х гг. была разгромлена выставка художников, чье творчество не вписывалось в официальные рамки социалистического реализма; преследованиям подвергался Б.Л. Пастернак, которого принудили отказаться от Нобелевской премии по литературе. Да и репрессии, пусть и не столь массовые, как в предшествующий период, продолжались. В 1961 г., например, были приговорены к расстрелу трое молодых москвичей только за то, что они покупали доллары. При этом Н. С. Хрущёв сам настоял на временном изменении закона, так как к тому времени за валютные операции уже нельзя было приговаривать к высшей мере. Для показательного процесса не пожалели одно из зданий в центре Москвы. Все снималось хроникерами, а затем по всему Советскому Союзу в кинотеатрах показывали документальный фильм об этом судебном процессе. Вскоре советским людям сказали, что смертный приговор в отношении трех парней был приведен в исполнение [30].

Следует согласиться с точкой зрения исследователей, включая иностранных экспертов и наблюдателей, что политика по преодолению организованных форм преступности в СССР не отличалась последовательностью, рационализмом, логикой [31]. В конечном счете это приводило к тому, что именно в указанный период внутри организованных преступных групп произошли очень важные трансформации, связанные, в частности, с тем, что группы уголовной преступности начали взаимодействовать с группами экономической преступности — с так называемыми цеховиками.

Цеховики были уникальным явлением советского времени, причем явлением неоднозначным. К ним принадлежали как подпольные производители, дельцы-махинаторы, так и просто люди с предпринимательскими способностями, не желавшие в обществе официального равенства жить на одну зарплату и научившиеся извлекать прибыль из незаконной, по меркам того времени, деятельности. Цеховики — это материально ответственные люди (начальники цехов предприятий, ответственные за снабжение и сбыт произведенной продукции), которые объединялись в своего рода кооперации, имели разветвленную систему связей, в том числе коррумпированных. Они создавали свое криминальное окружение, централизованно вырабатывали контрмеры, обеспечивающие их безопасность [32].

Само появление цеховиков было связано со спецификой экономической политики советского государства. Политика эта была такой, что потребитель со всеми своими запросами выпадал из поля зрения государства. Ключевым словом, характеризующим экономическую ситуацию советского времени, был термин *дефицит*, означавший вечную нехватку каких-либо потребительских товаров или услуг. Кроме того, государство никогда не заботилось о том, чтобы человек не только мог купить какую-либо вещь, но и чтобы эта вещь была модной, отражала общую тенденцию развития мирового сообщества. При этом официальная пропаганда на самом высоком уровне без конца декларировала, повторяла программные заявления власти, что «партия и правительство делают все для человека, во имя человека» [33].

Таким образом, цеховики по-своему пытались восполнить этот явный пробел в экономической деятельности советского государства, обеспечить человека тем, что ему нравится, чего ему не хватает. Подпольный характер деятельности цеховиков заключался в том, что официально было невозможно ни организовать предприятие, ни продавать произведенную продукцию. Поэтому цеховики нашли своеобразный выход — официальной государственной структурой (завод, фабрика, комбинат бытового обслуживания) производилась подпольная продукция и такой же неофициальной теневой структурой эта продукция продавалась. Или наоборот — продукция производилась теневой структурой, но сбывалась через государственные торговые организации. Вариант, при котором вся эта деятельность оказывалась нелегальной, был менее распространен, так как его было сложнее осуществить на практике и он слишком легко выявлялся органами милиции. Обычно сырье и материалы для подпольного производства приобрести легально было невозможно.

Поэтому для решения этой проблемы были задействованы государственные производственные предприятия — как правило, предприятия местной промышленности (небольшие мастерские), которые служили основной сырьевой и производственной базой цеховиков. Путем завышения потребности в сырьевых материалах, приписок, экономии материалов, составления актов о списании и уничтожении под надуманным предлогом фактически пригодных материалов и сырья и другими способами из государственной собственности изымались излишки, которые затем использовались в производстве неучтенной продукции.

Дополнительную продукцию зачастую изготавливали рабочие того же предприятия. В большинстве случаев они не подозревали, что их труд используется цеховиками в корыстных целях. Произведенная продукция тайно вывозилась для ее последующего складирования и реализации на черном рынке или через государственную оптово-розничную торговую сеть [34].

Понятно, что теневые предприниматели не афишировали свою деятельность, но о ней чаще всего было хорошо известно представителям уголовной преступности, которые и стали требовать определенную плату и за свое молчание, и за «охранные» услуги. Так происходил симбиоз уголовной преступности и преступности экономической. «Цеховое» предпринимательство получило значительное распространение в южных регионах Советского Союза, особенно в Средней Азии и Закавказье, Казахстане, Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии. Оно также было зафиксировано в Москве и Московской области, Ленинграде, других крупных городах [34]. На этой основе возникали пусть и в крайне невыгодных для себя условиях, мощные преступные образования, которые заложили основы того, что затем достаточно успешно развивалось в 1990-е гг. и позже, уже в XXI в.

«Оттепель» показала, на что на самом деле была способна государственная власть: после некоторого социального потепления вновь наступило похолодание, советское государство посчитало необходимым в очередной раз резко усилить репрессии. После того как в 1961 г. в СССР была восстановлена смертная казнь за хищения государственного имущества в особо крупных размерах, а также за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами и другие (с точки зрения советской власти) преступления, не менее 8 тыс. чел. в 1962—1991 гг. было расстреляно только за нелегальную предпринимательскую деятельность [34].

Резко увеличивается число преступлений, которые совершались работниками партийного и государственного аппарата управления. Оказалось, что отсутствие страха перед режимом вроде сталинского едва ли не полностью сняло барьеры недозволенного поведения, действия. Количество только должностных хищений в 1964 г. в сравнении с 1956 г. увеличилось на 62 %. При этом рекордными по количеству выявленных фактов должностных хищений оказались 1961, 1962 и 1963 гг. Именно в этот период была сделана попытка развернуть мощную государственную кампанию борьбы с должностными преступлениями — взяточничеством, растратами, хищениями. Однако, как видим, эти меры давали незначительный эффект [35].

Условия противостояния организованной преступности в период правления Н. С. Хрущёва осложнялись еще и тем, что официально существование некоторых социальных явлений, в частности некоторых видов преступности, не признавалось. Например, в этот период считалось, что в Советском Союзе нет и не может быть криминальной активности в организованной форме, нет наркомании, проституции. Поэтому сотрудники правоохранительных структур были вынуждены изопрятаться, чтобы реально бороться со всеми этими явлениями, но в то же время не говорить об их наличии — идеологически небезопасные заявления могли помешать карьере работника.

Заключение

В статье показаны основные черты организованной преступности и политики государства по отношению к ней в советский период российской истории. Рассмотрены основные черты организованной формы криминальной активности в 1920-е гг. Показано, что даже тоталитарный сталинский режим в СССР не смог преодолеть организованную преступность. Рассмотрено и зарождение своеобразной «красной мафии» в период «оттепели», когда у власти находился Н. С. Хрущёв.

Список источников и литературы

1. *Криминология* : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2007.
2. Долгова А. И., Евланова О. А. Методика анализа организованной преступности. М., 2005.
3. Гордеев А. А. История казаков. М., 1991.
4. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. М., 1994.
5. Антошок Е. Хрущёв против блатных. Как война с ворами в законе изменила блатной мир. URL:// <https://life.ru/p/1342359> (дата обращения: 11.11.2021).
6. Герцензон А. А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928.
7. Богданов С. В., Репецкая А. Л. Организованная преступность в экономической сфере СССР в 1930–1950-е годы: особенности воспроизводства, масштабы, формы проявления // *Всероссийский криминологический журнал*. 2011. № 4. С. 70–79.
8. *Организованная преступность* / под ред. А. И. Долговой. М., 1998.
9. Малько А. В., Затонский В. А., Красюков А. В., Кроткова Н. В. Противодействие коррупции в современной российской правовой жизни (Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура») // *Государство и право*. 2021. № 3. С. 147–159.
10. Маметьев И. В. Особенности теневой экономики в СССР эпохи «застоя» // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2020. № 1. С. 65–70.
11. Белоцерковский С. Д. Криминологические основы правового регулирования борьбы с организованной преступностью : дис. ... д-ра юр. наук. М., 2018.
12. Гилинский Я. И. Организованная преступность: понятие, история, деятельность, тенденции // *Проблемы изучения и противодействия организованной преступности* : сб. ст. СПб., 2015. С. 25–31.
13. Номоконов В. А. Особенности детерминации организованных проявлений преступности // *Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности*. М., 2019. С. 80–85.
14. Прасолов В. И. Теневая экономика в эпоху застоя // *Новая наука: теоретический и практический взгляд*. 2016. № 3. С. 151–155.
15. Бушужева С. А. Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
16. Шевнина Л. В. Влияние Первой мировой войны на рост детской преступности в Российской империи в начале XX в. // *Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны)* : матер. междунар. науч. конф. СПб., 2014. С. 492–496.

17. *Богданов С. В., Остаток В. Г.* Послевоенное советское общество: власть, население, экономическая преступность // Научные ведомости Белгородского университета. Сер.: История. Политология. 2017. № 8. Вып. 42. С. 147 – 156.
18. *Никулин В. В.* Партийно-государственная номенклатура и закон в советской России: двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) // Genesis: исторические исследования. 2013. № 3. С. 1 – 43.
19. *Касьянов В. С.* Коррупция и борьба с ней в Советской России // Государственное муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 16 – 25.
20. *Демчик Е. В.* «Новые русские», годы 20-е // Родина. 2000. № 5. С. 38 – 42.
21. *Шанина А. В.* «Лже»-кооперация и «дикая» кооперация в условиях новой экономической политики (по материалам Пензенской губернии) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1106 – 1109.
22. *Ясницкий А., Завершнева Е.* Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26.html> (дата обращения: 12.11.2021).
23. *Rawlinson P.* A Russian Tale of Crime, Economy and Modernity. URL: <http://theconversation.com/profiles/paddy-rawlinson> (дата обращения: 17.11.2021).
24. *Schwartz M.* Vory v Zakone has hallowed place in Russian criminal lore // New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2008/07/29> (дата обращения: 01.12.2021).
25. *Воровские* понятия и законы. URL: <http://www.mzk1.ru/2012/05/vorovskie-ponyatiya-i-zakony/> (дата обращения: 01.12.2021).
26. *НКВД-МВД СССР* в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956). URL: <http://www.e-reading.club/bookreader.php/148464> (дата обращения: 04.12.2021).
27. *Москва* послевоенная. 1945 – 1947. Архивные документы и материалы. М., 2000.
28. *Советская жизнь*. 1945 – 1953 гг. : сб. док. М., 2003.
29. *Кречетников А.* Бойня в Новочеркасске: «Но был один, который не стрелял». URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/05/120525_novoчеркасска_massacre (дата обращения: 21.12.2021).
30. *Федосеев С.* Обратная сила закона. Ради трех валочников Хрущев изменил Уголовный кодекс. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318003%40fsbPublication%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 21.12.2021).
31. *Robinson J.* The Merger. The Conglomeration of International Organized Crime. Woodstock, 2000.
32. *Anderson A.* A Red Mafia: A Legacy of Communism, Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform. Stanford, 1995.
33. *Введение* к Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС в октябре 1961 г. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/505/ (дата обращения: 23.12.2021).
34. *Гуров А. И.* Красная мафия. URL: <http://www.biblio-globus.us/> (дата обращения: 23.12.2021).

35. Богданов С. В. Попытки Хрущева бороться с экономической преступностью. URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1964-poputki-ns-hrysheva-aktivizirovat-borby-s-ekonomicheskoi-prestypnostu-v-sssr.html> (дата обращения: 25.12.2021).

36. *Аномия* современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под общ. ред. В. В. Кривошеева. Калининград, 2008.

Об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

99

The author

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150–250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (примерно 25 источников) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2021

№ 3

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 05.04.2022 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9

Тираж 300 экз. (1-й завод 37 экз.). Цена свободная. Заказ 38

Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6